

уральский

следопыт

№2 *** 1975

Впервые мы услышали об исчезнувшем платиновом прииске во время зимнего туристского похода на Денежкин Камень. Эту удивительную историю рассказал нам в гаяжной избушке старый охотник Филипп Лукьянович Усанин.

См. стр. 48

В номере:

А. Хамзин МАГИСТРАЛЬ	2
В. Матвеев, В. Чистяков. СТИХИ	10
Г. Осипов НЕБО ГЕННАДИЯ НОВИКОВА	11
А. Константинов ИВАНЫЧ	17
Ю. Липатников МЕТЕОСТАНЦИЯ В ЧЕМОДАНЧИКЕ	19
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	20
С. Губский. ТЮЛЕНЬЯ ФЕРМА	22
Б. Никонов ДИВНОГОРСКИЕ ЭТЮДЫ	25
В. Лаптев СНЕГА	41
В. Петров. КРАЕВЕДЕНИЕ И ТУРИЗМ	42
А. Козлов СКУЛЬПТОР ФЕДОТ ШУБИН	43
ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ	44
П. Истомин ТАЙНА ПЛАТИНОВОГО РУДНИКА	48
Б. Чельшев ИСКРЫ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ	50
А. Шарц ДЕЛО О ТРЕЗВОНИИ	52
Ю. Борисихин ЧИСТЫЕ КОЛОДЦЫ	53
М. Глейзер МОНЕТЫ-САМОДЕЛКИ	57
А. Соболев ШУРКА-ХЛЯСТИК. Рассказ	58
Д. Биленкин СОКРОВИЩА НЕРИАНЫ	64
КАЛЕЙДОСКОП	69
В. Колчин УГРЮМ, ВИТЯЗЬ И ДРУГИЕ	72
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА.
Технический редактор
Элла МАКСИМОВА.
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефон 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 28/X 1974 г.
НС 24370.
Подписано к печати 13/ХИ 1974 г.
Бумага 84×108/16.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 3,3
Учетно-издательских листов 10.
Тираж 270 000
Заказ 595.
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

1-я стр. обложки —
рис. С. КИПРИНА
2-я стр. обложки
цветное фото
П. АБАКУМОВА

© Уральский следопыт, 1974 г.

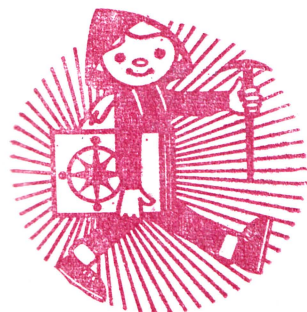
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№2 * 1975

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

МАГИСТРАЛЬ

Амир
ХАМЗИН

Фото
автора

НА БАМ!

Слово БАМ как удар колокола прозвучало над страной. В своей речи на XVII съезде ВЛКСМ Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал: «Эта стройка имеет огромное значение. Байкало-Амурская магистраль прорежет вековую тайгу, пройдет там, где лежат огромные богатства, которые надо поставить на службу Родине. Здесь будет создан новый большой промышленный район страны, воздвигнуты новые города и поселки».

Даешь БАМ! Этот клич стал лозунгом молодежи 1974 года. Первый отряд имени XVII съезда ВЛКСМ прямо из Кремлевского Дворца съездов отправился на строительство магистрали века. 3 мая минувшего года специальный поезд прибыл на станцию Тайшет. Здесь отряд разделился на два: один поехал на восточный участок Байкало-Амурской магистрали, второй — численностью тоже в 300 бойцов — на западный, в Усть-Кут, а затем десантом высадился на Таюру, где и основал поселок Звездный. Третий отряд — 200 энтузиастов — выехал на БАМ из Иркутска. И этот отряд высадился вертолетным десантом на берегу Окунайки, притоке Киренги, в 12 километрах от Казачинска. Среди бойцов иркутского десанта был уралец Иван Киселев.

Возьмите меня на БАМ

Как только стало известно о создании Всесоюзного ударного отряда на строительстве Байкало-Амурской магистрали, Иван Киселев пошел в комитет комсомола.

— Вот мое заявление. Прошу дать мне путевку на БАМ, — выложил он.

— Ишь, какой быстрый, — улыбнулся Женя Соловьянов, секретарь комитета комсомола. — А вдруг у нас здесь такого приказа не будет, чтобы трубить сбор?..

— Будет, вот увидишь будет! А я, учти, первый подал заявление. На новой грандиозной стройке, понимаешь, хочу поработать. Как был Братск, например...

— Так ты и работаешь. Тоже на хорошей стройке, в Ангарске.

«ЕДЕМ МЫ, ДРУЗЬЯ, В ДАЛЬНИЕ КРАЯ...»

— Хорошая, правда, — согласился Киселев. — Но, понимаешь...

Иван Киселев появился в Ангарске недавно. Приехал после демобилизации из Советской Армии. Работал в СМУ-2 ангарского управления строительства плотником в бригаде Дмитрия Жеребкина.

Родился он в Пермской области, в селе Суда. Окончил восьмилетку и уехал в Свердловскую область — в Лобвинское ГПТУ учиться на столяра-модельщика. Училище закончил с отличием, получил повышенный разряд, работал на металлургическом заводе в Серове. Затем — армия: заместитель командира саперного взвода, секретарь комсомольской организации части. Демобилизовался Иван Киселев членом КПСС, в звании старшины запаса.

Для Ивана Киселева все в жизни было ясно и просто: все делать добротнo, на совесть, делать так, чтобы людям было легко от его работы. Но была у него еще затаенная мечта — стать участником большого дела.

Перед отъездом на БАМ он пришел проститься с бригадой. Бригадир, уже седой, один из старейших строителей Ангарска Дмитрий Васильевич Жеребкин сказал тогда Киселеву:

— Не подводи нас, Ваня. Ежели что — пиши, в беде не оставим...

Специальный поезд с бамовцами пришел на станцию Тайшет ранним утром.

Тайшетцы еще спят. Но на перроне — как на праздничной улице. Все с любопытством поглядывают на вагоны, на которых размахисто выведено: «Даешь БАМ!» Большая толпа окружила заместителя начальника отдела кадров Ангарстроя Петра Петровича Лисицына. Щупленький подросток в брезентовой куртке, с тугим рюкзаком за спиной прямо вплотную подступил к Лисицыну:

— Возьмите меня на БАМ, а? Вот честное слово, справлюсь с любой работой...

— Ну, куда тебя?! Тебе еще подрасти надо да учиться...

— Да я, да мне уже семнадцатый, скоро семнадцать. Возьмите, а? Все равно ведь убегу туда...

Мальчика с рюкзаком оттиснули два бородастых парня:

— Вот наши документы. Просим зачислить нас в отряд...

— Опоздали вы, ребята, — отряд уже сформирован и принять сейчас никого не могу.

— Как же так?! С самой Камчатки едем и... — парни опешили, они были уверены, что отказа им не будет.

— Ничего не могу сделать. Могу лишь посоветовать: езжайте на строительство второй линии Тайшет — Лена. Она тоже относится к БАМу, там уже сейчас очень нужны люди.

— Нет! Мы хотим только на новую трассу.

— Тогда придется подождать. Подбор кадров туда будет позднее, когда подготовят плацдарм.

— А как же мне быть? Я еду со службы, шофер второго класса, готов делать любую работу, — протиснулся к Лисицыну солдат в форме пограничника.

— Побывайте дома, навестите родных, потом — пишите нам. Примем с удовольствием.

...Дети завидуют судьбе отцов. Завидуют тем, кто воевал в гражданскую, кто строил Днепротэкс, Магнитку, Братск... А потом приходит черед детей: придет время, и уже дети нынешних бамовцев будут завидовать своим отцам.

А поезд идет дальше. Идет по трассе, которую два десятилетия назад через вековую тайгу из Тайшета на Лену проложили комсомольцы пятидесятых годов. Мимо окон вагона проплывают таежные дали — на полянках цветут жарки, лиловым дымком стелется цвет багульника, навстречу идут составы с сибирским лесом, с рудой Железногорска, то вдруг в пейзаж впишутся ажурные опоры электропередач — ток Братска идет в города России.

На строительство Байкало-Амурской магистрали Иван поехал вместе с женой Валентиной. Ей тоже дали путевку — поварихи на БАМе нужны. Они улетели из Усть-Кута в первом вертолете. Когда позади осталась Лена с маленькими парходиками и баржами, все двадцать пассажиров прильнули к иллюминаторам.

— Вот это тайга! — восхищенно протянул кто-то.

Приленская земля. Слово огромное океан вздыбился зелеными волнами-увалами.

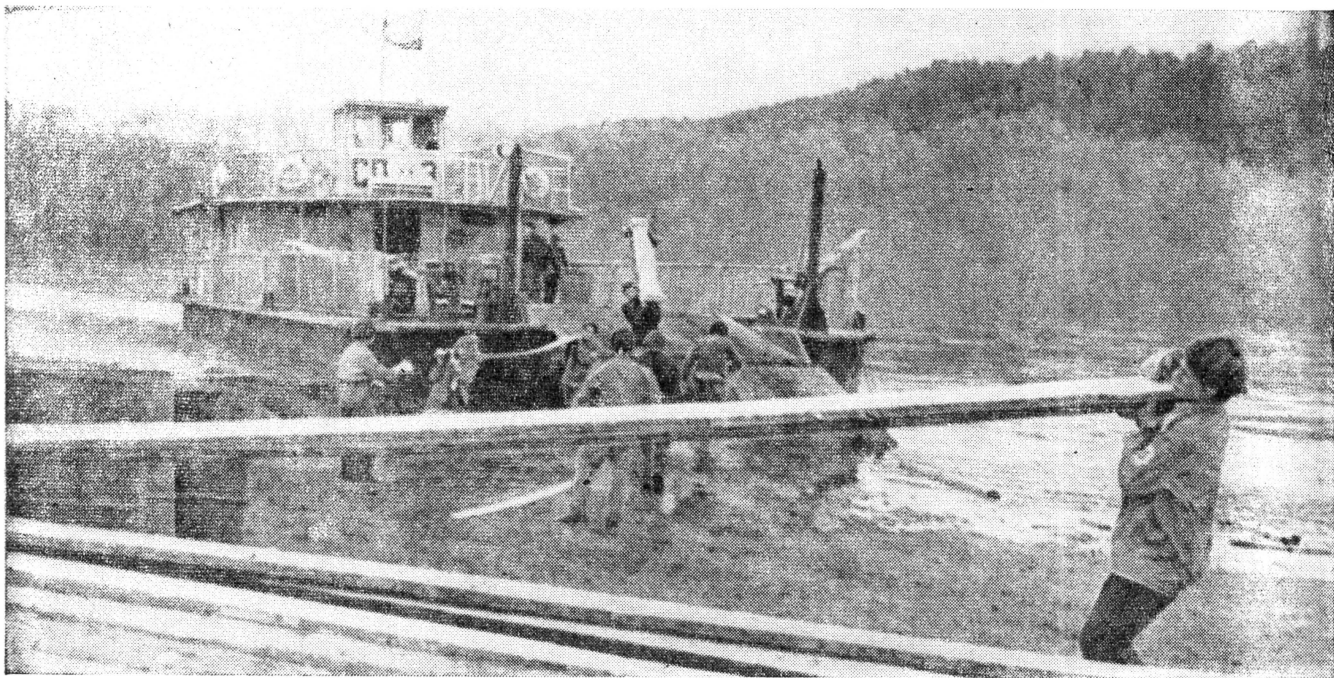
— Смотрите: поселок! Звездный должно быть.

И верно: на мысе, где сливались две речки, — белеют палатки. Чуть повыше, на самом косогоре, — новенькие дома. Рядом — ползают машины, бульдозеры...

— Ребята, наш поселок тоже ведь будет таким, — заметил Иван Киселев. — Только как назовем его? Объявлен конкурс на лучшее название. Нужно что-нибудь такое, таежное...

УХА ПО-СИБИРСКИ

БУДЕТ ПОСЕЛОК

— Уже опоздел. Имя придумано: поселок будет называться Магистральным, — ответил паренек из Черемхово, тоже Киселев, только — Сергей.

— Ну уж и придумали...

— Разве плохо?

— А что? Стоит на нашей магистрали поселок Магистральный...

Вертолет пошел на снижение.

— Хлопцы, прибываем!

Внизу — два ряда палаток, толпа людей, пионеры. Вся эта картина стала вдруг увеличиваться, приближаться.

— Ваня, тебе речь держать. Тезисы подготовил?

— Ой, что будет, что будет! — волнуется Таня Егорова, круглолицая, вся в веснушках, девушка из Братска.

— А ничего не будет. Говорят, всех конопатеньких будут отправлять назад...

— А между прочим, курносых тоже...

— Это еще посмотрим!

Наконец, под ногами твердая земля. Рукопожатия, поцелуи, приветствия... Девчонки-пионерки подносят букеты подснежников. От обилия внимания ребята растерялись, смутились. А их уже ведут по живому коридору, по единственной улице поселка, по зеленому бархату травы под маршевую музыку, под приветственные возгласы...

— Ну вот, Валя, мы и дома, — шепнул Иван жене. — Тебе нравится здесь?

Первый день

Первый день в Магистральном начался с организационного комсомольского собрания. День выдался плаксивым. Всю ночь лил, не переставая, дождь. Палатки намокли, провисали отяжелевшие от дождя крыши. Все собрались в одну палатку и сидели прижавшись тесно друг к другу. Выбрали секретаря комитета — им стал Владимир Цветков из Братска. Начальником комсомольского штаба выбрали инженера из Иркутска Виктора Наполова. Наметили первоочередные задачи. Разбились на 12 бригад. В каждой по 16—20 человек. Пока будут обживать на новом месте, работать придется по трем основным профессиям — плотниками, лесорубами и грузчиками.

Бригадиром одной из комплексных строительных бригад назначили Ивана Киселева.

Пока дебатировали, перестал дождь, выглянуло солнце. Ребята повеселели. А тут приятное объявление: «Получать кирзовые и резиновые сапоги, рукавицы и инструмент!»

Иван подобрал себе топор, подправил его брусом, засучил рукава и громко сказал:

— Ну, ребята, начнем!

Так начался первый рабочий день на 167-м километре Байкало-Амурской магистрали.

Приходили вертолеты. Раздувая пыль, садились тут же, недалеко от лагеря. Привозили одеяла, матрацы, инструмент, кирпич. Нашлись печники, и сразу же закипела работа — начали

складывать кухонную печь для временной столовой. Бригада лесорубов ушла на болото гатить дорогу. С леспромхоза, с той стороны Киренги, паровозом перевозили пиломатериалы. На берегу их принимали и тут же на старом «НАТИ» подвозили к палаткам.

Здесь, на берегу Киренги, произошел однажды первый конфликт. Группа ребят погрузила на тележку доски только для своей палатки. Увидел это Сердюк:

— В чем дело? Почему так мало досок везете?

— Так нам на палатку хватит.

— Это кому вам — хватит? Запомните: мы — бамовцы, и здесь твое-мое не существует. Здесь — все наше!

Поняли сразу. Без слов повернули трактор, и через 10 минут полная тележка покатила к поселку.

А на берегу оживление. По широкой, разлившейся от паводков Киренге «Ока» тянет баржу. На ней, тесно прижавшись друг к другу, стоят трелевщики, челюстные погрузчики, автокран, трактор К-700, щиты для сборных домов — самый необходимый груз. На берегу уже готовы мощные сходни. Руководит всеми работами ветеран комсомольскихстроек Герой Социалистического Труда Феликс Викентьевич Ходаковский.

Первый трелевщик грузно шагнул гусеничными лапами на бревенчатые сходни.

— Ура-а! Пошла техника!

Подошла «Ладога». Она привела баржи с самосвалами, с вагончиками, энергопоездом.

— Ну, заживем теперь, ребята!

На следующий день в Магистральный пришла телеграмма из управления Ангарстроя: на базе иркутских строителей БАМа создан строительномонтажный поезд № 391. Начальником поезда назначен Анатолий Алексеевич Коротнев.

Пройдет еще несколько дней, и в полутора километрах от палаточного городка начнется закладка постоянного поселка. Будут собраны многоквартирные типовые дома, столовая, пекарня, магазины, баня, общежития — в общем все, что требуется для нормальной жизни строителей. Лесорубы начнут валить тайгу.

Здесь, на 167-м километре, станет станция Киренга.

У костра

— Ух, какой у вас костер, прямо великан!

— Семейный, чтоб на всех хватило, — ответил голос из темноты...

А костер и впрямь был большой, сложенный из сухой валежины. Искры роями улетали в антрацитово-черное, затянутое тучами небо. Вокруг костра устроилось чуть не все население Магистрального.

Настраивали гитару, и девчата нетерпеливо спрашивали:

для жизни нужен дом

— Ну, скоро ты там? А где же баянист наш, где Серега?

А Серега легок на помине — протиснулся к девчатам и рванул меха в частушечной припевке:

Ах, девчата, вы, девчата,
Что же вы наделали —
Спать миленка проводили
И на БАМ уехали...

Удовиченко тоже подошел к костру. Закурил, присел на бревно и молча смотрел на полыхающий огонь, слушая песню.

Вдруг Сережа сомкнул меха баяна:

— Владимир Яковлевич, вот тут у нас сегодня вышел спор. За сколько лет мы построим дорогу? — обратился он к Удовиченко.

— Какие же вы торопливые. Еще не начали, а уже конец загадываете, — ответил Удовиченко. — Ну и сколько же лет вы надумали?

— Ребята говорят, лет двенадцать будем строить.

— А сам сколько планируешь?

— Да, думаю, лет, этак, десять...

— При нынешней-то технике? — вмешался Иван Киселев. — Да за пять-шесть лет одолеем.

— Ишь, какой быстрый...

Когда все затихли, заговорил Владимир Яковлевич:

— Сейчас еще нет твердого постановления, сколько лет нам строить БАМ¹, но надо учесть одно, ребята: трасса — труднейшая. Сегодня мы летали в Нижне-Ангарск и видели хребты, которые придется преодолеть. Работы много! У Нижне-Ангарска скоро начнут пробивать семикилометровый тоннель, а в Муйском хребте еще длиннее — пятнадцатикилометровый! А болота, а вечная мерзлота, а морозы за сорок... Сразу скажу: готовьтесь, ребята, к трудным испытаниям. Среди вас, наверное, есть и такие, кто погнался за дешевой романтикой. Романтики вам хватит с лихвой, и не песенной, а самой что ни на есть настоящей.

Еще мальчишкой Владимир Удовиченко сбежал из дому — из небольшого украинского села. Захотелось ему в Сибирь, и все тут! Попал на строительство железной дороги Абакан — Тайшет. Строил дорогу Хребтовая — Усть-Илимская. Владимир Удовиченко знает, где выковываются людские характеры — настоящие, испытанные на прочность. Бывший начальник поезда, а теперь заместитель начальника Ангарстроя Феликс Ходаковский, начальник СМП-265 в Звездном Петр Сахно, Герой Социалистического Труда Виктор Лакомов — все это друзья Владимира Удовиченко, вместе с ними он прокладывал стальные дороги в Сибири.

На строительстве Байкало-Амурской магистрали В. Я. Удовиченко работает заместителем начальника комсомольского штаба ЦК ВЛКСМ. На эту должность его назначили в дни работы XVII

съезда ВЛКСМ, делегатом которого он в то время был.

— Давайте продолжим разговор о БАМе, — снова заговорил Владимир Удовиченко. — Протяженность трассы от Усть-Кута до Тынды 3200 километров. Решено строить сразу оба пути. Рядом с железной будем одновременно строить и шоссейную дорогу. Таежная просека будет вырубаться шириной в 100—120 метров. Всю дорогу надо поставить на электрическую тягу. Видите, какой размах!

Дорога пройдет через пять хребтов — Байкальский, Северо-Муйский, Кодар, Каларский и Дуссе-Алинь. Придется преодолеть Таюрский и Нийский перевалы, Лену, Киренгу, Кулерму, Верхнюю Ангару и много других рек и речушек. 144 моста будем строить! 260 миллионов кубических метров земли перелопатим!

— А правда ли, что БАМ начали разрабатывать еще до войны? — спросил Владимир Калашников.

— Да. Но если копнуть глубже, так биография БАМа начинается еще в прошлом столетии. Да, да! Именно так, — видя недоверчивые лица, сказал Удовиченко. — Еще в 1889 году велось первое изыскание на участке между Ангарой и Муей, между Муей и Угрюмом. Это был так называемый северный вариант. Как знаете, транссибирскую магистраль построили по южному варианту. А в 1904 году один французский предприниматель просил у царского правительства разрешения на постройку Северо-Аляскинской железной дороги, примерно там же, где намечена трасса сейчас. Предполагалось провести ветку на Чукотский полуостров, затем, через Берингов пролив, — на Аляску. В то время, как сами понимаете, осуществить такой грандиозный проект с тогдашней техникой было просто немыслимо.

Несколько раз предлагались проекты строительства северного варианта Транссиба.

По-настоящему изыскания на БАМе начались в советское время. В 1932 году изыскатели работали на участке от станции Утуша Забайкальской железной дороги до станции Пермской на Амуре. Перед войной работы эти прекратились.

Пока Владимир Яковлевич рассказывал о БАМе, все притихли, жадно ловили каждое его слово. Давняя мечта, оказывается, была у людей — проложить железную дорогу через тайгу. Мечта эта ждала своего часа. И то, что им, парням 70-х годов, выпало сделать мечту былью, конечно же, переполняло их гордостью.

— Говорят, загруженность дороги будет составлять сотни миллионов тонн в год, — вставил Сергей Киселев. — Это ведь порядком...

— Да, именно такие цифры называют проектировщики. Не забывайте: эта дорога — ключ к нетронутым богатствам Сибири. Сейчас на востоке уже ведут дорогу от транссибирской

¹ Решение о сроках строительства БАМа вышло позднее.

ПАЛАТОЧНЫЙ ГОРОДОК В МАГИСТРАЛЬНОМ

магистрали со станции Бам на станцию Тында и дальше — на Чульман, к запасам коксующегося угля. Тайга вокруг БАМа богата золотом, медью, вольфрамом, железной рудой и другими полезными ископаемыми. А лес! Вы видели, какой здесь лес, сколько его! — Владимир Удовиченко замолчал, прикуривая сигарету от головешки. Притихли и ребята...

— А представьте себе нашу дорогу лет через пятнадцать-двадцать, — прервал тишину Иван Кисилев. — Через каждые 50—60 километров — город. Новенький, белокаменный, с широкими проспектами, упирающимися в тайгу. Вот как, например, Братск или Ангарск.

А потом Сережа тронул кнопочки баяна и снова полилась песня:

...А мы ребята,
а мы ребята
с семидесятой широты.

Владимир Яковлевич ушел в палатку, а у костра еще долго звенели песни...

Все впереди

С тех первых дней многое изменилось. Прибывали на БАМ новые люди — и молодые, и постарше, и даже пожилого возраста. Сейчас в строительно-монтажном поезде № 391 работает более 700 человек. В полутора километрах от первого поселения бамовцы расчистили из-под леса территорию в 60 гектаров. И на этой площади выросли более 10 сборных трех- и четырехквартирных домов, три общежития на 60 мест каждое, клуб, столовая, котельная, два магазина, овощехранилище, пилорама, склады, хлебопекарня, баня. Через топкое болото, где в первый день чуть не утонул «НАТИ», проложили семикилометровую дорогу. Более 30 тысяч тонн оборудования и стройматериалов разгрузили с барж в Магистральном.

Однажды утром в палатку, которую занимали

комитет комсомола и постройком, пришли двое — плотник, а в прошлом работница иркутского завода «Эталон» Ольга Стельмахова и демобилизованный воин, а теперь шофер Анатолий Трохиров.

— Вот, значит, какое дело, — запинаясь начал Анатолий, обращаясь одновременно к секретарю комитета комсомола Владимиру Цветкову и председателю постройкома Василию Сердюку. — Решили мы, значит, пожениться...

— Значит, пришли просить благословения, — засмеялся Василий Сердюк. — Как думаешь, секретарь, дадим?

— Что ж делать. Отговаривать начнешь — все равно не послушаются. Давайте, ребята, сейчас на работу, а вечером подумаем, как это организовать.

Избрали оргкомитет. Свадьбу решили справить комсомольскую, всем поселком. Убрали клуб, накрыли столы на всех. На машинах съездили в Казачинск, в райисполком оформить брак. Только вернулись оттуда, а здесь вертолет разгружается. Упросили летчика сделать с молодыми круг почета над тайгой, над Киренгой, над землей, которая стала родной теперь для Ольги Стельмаховой и Анатолия Трохирова.

Так появилась в Магистральном первая «бамовская» семья.

Вскоре всем поселком провожали в дальнюю дорогу бригадира Ивана Киселева. Ехал он в Баку — на встречу советской и зарубежной молодежи как полпред бамовцев.

Бурно прошло последнее комсомольское собрание. Теперь комсомол Магистрального насчитывает в своих рядах около 300 человек. Выступающих было — хоть отбавляй. Говорили о трудовой дисциплине, о нехватках материалов, о подготовке к зиме и многих других делах. Единодушно поддерживали принятое коллективом Ангарстроя социалистическое обязательство закончить строительство своего участка на год раньше назначенного правительством срока — в 1979 году.

Все население палаточного городка переселилось в дома и общежития постоянного поселка. Началась рубка леса. Отсюда, от 167-го километра магистрали, ребята из СМП-391 пойдут к Звездному. Где, на каком километре добровольцы-бамовцы встретятся, — покажет жизнь.

Все пока впереди — и трудности, и победы.

На сколько километров протянется Байкало-Амурская магистраль! Это смотря откуда и до куда считать. Если от Тайшета до Советской Гавани, то протяженность БАМа составит 4300 километров. Но железная дорога Тайшет — Лена — 700 километров — давно построена. Есть дорога и от Комсомольска-на-Амуре до Советской Гавани — 450 километров. Значит, заново построить осталось 3150 километров!

Строителям предстоит перебросить железную дорогу через сотни таежных рек и речушек. Среди них и немало полноводных — Лена, Киренга, Витим, Олекма, Зея, Буряя, Амгунь, мосты через которые протянутся на 300—1100 метров.

Предстоит пробиваться и сквозь горные хребты — Байкальский и Северо-Муйский. Эти два туннеля будут колоссальными — 7 и 15 километров длиной.

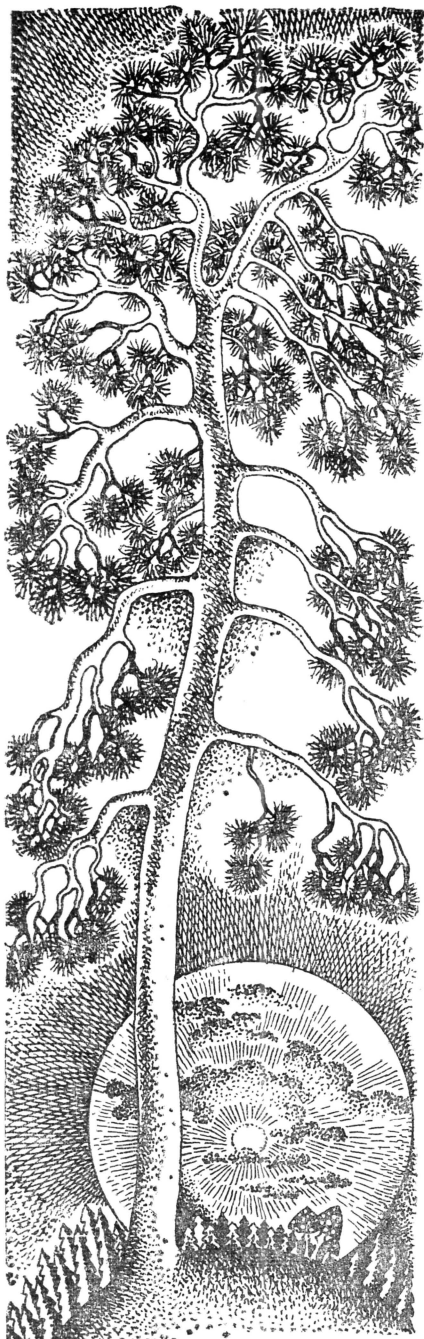
Один большой туннель на БАМе уже готов — под Дуссеалинским хребтом. Он был построен еще в 40-е годы, его только надо расконсервировать.

Там, где пройдет БАМ, — не ступала нога человека. Горы, болота, реки — все это создает дополнительные трудности для строителей. И на всем протяжении магистрали земля скована вечной мерзлотой на глубину 90 метров!

Определены сроки строительства БАМа — 10 лет. Значит, в год по 320 километров. Очень высокие темпы, если учесть, что условия, местность — труднейшие. Дорога Абакан — Тайшет строилась высокими темпами, но не так быстро, как БАМ.

Две станции на БАМе — Кувытка и Хорогочи — будет строить молодежь Свердловской области. По этому поводу принято специальное решение Свердловского обкома партии. Уральские отряды комплектуются из комсомольцев-добровольцев.

В районе Байкало-Амурской магистрали будут добываться железная руда, коксующиеся угли, медь, асбест, олово, апатиты, нефть, газ, цветные металлы, золото... Эти и многие другие полезные ископаемые обнаружены в тайге, там, где проляжет БАМ.

**Владимир
МАТВЕЕВ**

*Рисунок
В. Меринова*

Счастли́вый цвет

Годы бывают разные —
Синие
и розовые,
Черные,
желтые,
красные,
Солнечные,
березовые...
Вижу
все многолетие
В преддверии нового дня.
Ну, а каким
в соцветии
Будет год
для меня!
Мнилось ли,
снилось ли раньше вам,
Что радугой жизнь цветет!
Мне, например,
оранжевым
Видится лучший год.
Цвет этот —
как Грядущее,
Как Солица
крутой
восход,
Как искра,
огонь дающая,
Как на Луну
полет.
Пахнет грозой
и праздником
Этот волшебный цвет.
...Годы бывают разные —
А лучше оранжевых
нет!

Лесное утро

Из рыжего степного далека
По голубым лугам
и росным травам,
По кронам сосен
и болотам ржавым
Шагает солнце к дому лесника.
Пробравшись по узорчатым
карнизам,
Оно в окне нащупает стекло —
И вот мой сон стрелой
насквозь пронизан,
И зеркальце в углу оно зажгло.
Из рамки двери
желтая дорога
Зовет
лесное утро догонять,
Чтоб каждый луч
я мог рукой потрогать,
Всю землю
в этот добрый час
сбнять!

**Валентин
ЧИСТЯКОВ**

Вновь со мной
Прощается пригорск,
Старая, но крепкая сосна,
Три больших
И хрупких мухомора,
Загоревших летом
докрасна.
Вот автобус отошел,
И легкий
Солнца луч в кабине шоферской...
Веткой провела сосна
по стеклам,
Словно мать
задумчиво рукой.

Как купец, я везу товары,—
Словно солнышко,
Красны слова,
Что ж ты мимо идешь, сударыня,
В светлоокие терема!
Ты взмахни рукавом,
Как венчиком,
Все обиды умчатся враз.
Видишь, Марья с Иван-царевичем
Крепче прежнего обнялась!
Ты взгляни
На меня, проезжего,
Бровью-месяцем помани.
Я оттуда, где вихри снежные
Всей России моей сродни.
Я оттуда,
Где вдовам плачется
И шумит на юру лебеда,
Где соловушкой песня начата
И не кончится никогда.

НЕБО ГЕННАДИЯ НОВИКОВА

Геннадий
ОСИПОВ

Рисунки
Н. Мооса

Это было с бойцами
или страной,
или в сердце
было в моем

Пылал разбомбленный вокзал, дымились вагоны. Горело даже то, что по представлениям мирного времени и гореть-то вроде не могло. Казалось, и стальные рейсы вот-вот займутся буйным огнем. А над головой все неслись и неслись знакомые только по плакатам в учебном классе самолеты с крестами на крутых боках. Шел второй день войны. Эх, сейчас бы самому в самолет! Но лейтенанту Геннадию Новикову «подставила ножку» его довоенная профессия железнодорожника. Командир и комиссар полка приказали ему эвакуировать семьи летчиков. Считали: бывшему железнодорожнику легче договориться с железнодорожниками, а понадобится — так и сам поведет поезд. В общем-то, наверное, правильно рассудили. Как ни трудно было в той сумятице, а задание он выполнил. Первое боевое задание на этой войне.

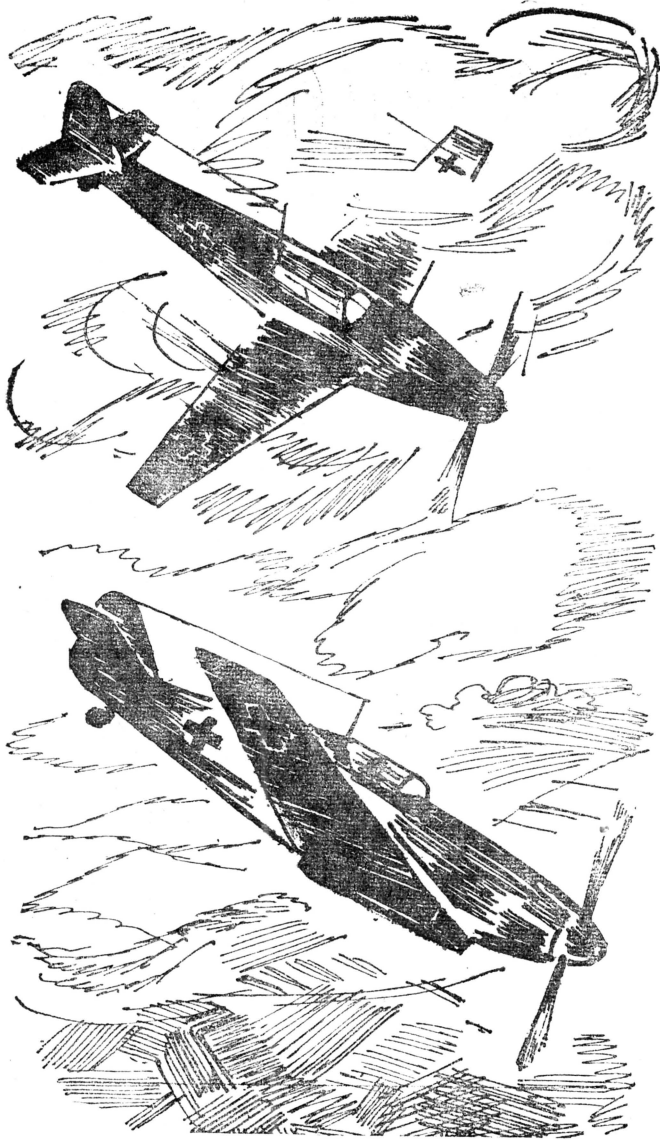
Но пока он отправлял состав, полк улетел. Надо было догонять, а поезда уже не ходили. Пока Новиков бежал на аэродром и обратно, новый налет вывел железнодорожный узел из строя, и летчику, привыкшему к скоростям, пришлось под бомбами считать шпалы. Его счастье — своих он догнал.

Не сразу довелось Новикову открыть боевой счет: трудно было на первых порах тягаться с фашистами. СБ, казавшиеся такими могучими и надежными, не выдержали испытания войной. Однако уже шли на вооружение отличные современные машины ПЕ-2, «пешки», как их ласково прозвали на фронте. Новая техника требовала новых знаний, пришлось переучиваться, а на это тоже ушло время.

Когда Геннадий Новиков и его боевые друзья впервые применили по инициативе своего комкора дважды Героя Советского Союза Полбина групповое пикирование, то, рассказывают, выдавшие виды солдаты плакали от радости, видя, как разделяются с гитлеровцами наши летчики.

На самые горячие точки фронта летели эскадрильи ПЕ-2. Это так и пошло с тех пор: где тяжело или где ожидалось наступление советских войск — туда и направляли их. Менялись фронты — Калининский, Волховский, Северо-Западный, Воронежский, Степной, 2-й и 1-й Украинские, сменялись аэродромы...

Воздушный охотник

Групповое пикирование было не единственной новинкой Полбина. Рискнул он, например, и на «свободную охоту» на одиночном ПЕ-2, не предусмотренную еще никакими уставами. Идея была очень смелой: считалось, что бомбардировщик заранее обречен, если он летит на задание один, не прикрытый с воздуха истребителями. Ну, та же «пешка»: вооружение — только пулеметы, скорость — пятьсот километров в час. Что это против истребителя с его пушками, пулеметами, гораздо более высокой скоростью и маневренностью! А против, решил Полбин, должны быть внезапность, скрытность и мастерство. Из всего огромного корпуса только семь летчиков получили право на свободную охоту. И среди них — Новиков.

Помнится начало мая 43-го. Воронежский фронт. Гитлеровцы спешно подтягивают подкрепления из-под Полтавы. Повсюду висят вражеские истребители. Пробриться группой сложно — мигом засекут. Но вот одного могут и

прозевать. Да если еще он применит какую-нибудь хитрость. А Новиков как делал? С аэродрома сразу взмывал почти под самый «потолок», где вражеская авиация никого не ждет, а за линией фронта — резко вниз, на бреющий полет, к железной дороге.

Вот она уже и виднеется под крылом — две тонюсенькие блестящие полосочки. Но пустынно на ней. Не очень-то доверяли светлому времени дня наученные горьким опытом гитлеровские стратеги. Возвращаться назад, что ли? Вот уж чего бы не хотелось.

— А не может ли быть так, — мелькнула мысль, — что истребители сопровождают эшелоны лишь на перегонах, а ближе к станции уходят — бензина-то им чадолго ли хватит? Да и надеются, поди, на противовоздушную оборону. Так, какая тут станция поближе? Ага, Кочубеевка... Попробовать?

И точно — неподалеку от Кочубеевки на всех парах мчался к станции эшелон с горючим. Истребителей нет. Прозевали «пешку» и наземные посты наблюдения. Это то, что нам и надо!

Заход. Легли на боевой курс...

Когда ты на земле, то грузовой состав кажется целью громоздкой и неповоротливой. А с воздуха это длинная виточка с иголкой-паровозом впереди. Попасть в нее нелегко. Но этот заход был удачным. Скатились под откос, запыхлала дымным костром цистерны! Горит бензин, которого так ждут гитлеровские танкисты. Можно и возвращаться.

Но что это? Иголка-паровоз от нитки сумела оторваться, да еще с двумя цистернами! Пыхтит, удирает к защищенной станции. Скорость, со страху, как у курьерского. Жалко ведь, если убежит. Целому танковому полку, пожалуй, хватит на заправку.

Заход, другой... Не удастся никак попасть. Азарт боя захватил весь экипаж. Третий заход. Есть! Отбегалась «иголка». Но пока охотились за ней, гитлеровцы, конечно, не могли не заметить султана черного дыма над железной дорогой.

— Истребители! — тревожно раздался в шлемофоне голос стрелка-радиста.

Ну, держись теперь! И группой-то бомбардировщиков от истребителей тяжело отбиваться, а тут один-одинешенек.

Впрочем, не зря Полбин посылал на охоту только асов. Новиков бросил машину к земле. Тяжелый двухмоторный самолет, будто легонькая этажерка У-2, ринулся на предельной скорости к линии фронта, чуть не рубя винтами кусты, на высоте не более трех-пяти метров над землей, когда все сливается в одну стремительно несущуюся на тебя полосу. «Мессеры» атаковать-то и не могут: не выйти из пике, в землю врежешься. Построчили, построчили сверху. Но разве с большой дистанции попадешь? Сменили тактику: основная группа ушла, остались только двое. Пристроились к бомбардировщику по бокам, вроде конвоя. Ждут: до фронта километров сто двадцать — авось, русский или в случайное дерево врежется, или будет вынужден набрать высоту.

А русский знай себе косит степной ковыль. Не выдержал один фашист, показывает рукой: приподымись, мол, нечестно, не по правилам действуешь! А штурман Новикова в ответ тоже руками: приотстань чуточку, тоже не по правилам под мой пулемет не попадаешь! Так и прошли показавшиеся бесконечными четверть часа: воля — в кулак, все внимание — на поле под собой.

У немцев была последняя надежда: перед самым фронтом начинается лес. Вынужден будет русский подняться. Но знал об этой опасности и Новиков. Недаром так усердно штудировал карту перед вылетом.

Вот он, вот он, этот лес, стремительной черной стеной набегающий прямо по курсу. В последний момент Новиков сделал горку ну, буквально, в считанных метрах перед первыми деревьями, и пошел впритирочку над ними. Гитлеровцы сразу же отстали: перспектива оказаться над чужой территорией им явно не улыбалась.

Наставник

Все эскадрильи, которыми командовал гвардии капитан Новиков, отмечались благодарностями. Но третьей эскадрилье в наградном листе о присвоении ему звания Героя отведено особое место.

Кончался 1944-й. В полк прибыла сразу целая группа выпускников училища. Можно было рассредоточить их по всем эскадрильям, как обычно и делалось. А можно и по-другому, как решил командир полка гвардии майор Голицин: все молодые летчики были собраны в третью эскадрилью. В наградном листе Новикова сказано так: «Не зная усталости и отдыха, он каждую минуту свободного времени использовал для передачи своего боевого опыта... За короткий срок подготовил подразделение к активным боевым действиям».

...Увидев, какой мастер их командир, некоторые и головы повесили: где уж нам так. Тогда комэск взял на свою машину рядового штурмана Василия Лычкина.

Быть штурманом эскадрильи — не просто. «Делай, как я» — закон.

— Товарищ гвардии капитан, не смогу я за всех отвечать, — взмолился Василий, узнав о решении Новикова.

— А за себя одного сможете? — спрашивал комэск, который уже убедился, что перед ним штурман, что называется, божьей милостью.

— За себя смогу, товарищ гвардии капитан, — обрадовался Лычкин, думая, что распоряжение будет отменено.

— Вот за себя и давайте, — неожиданно заключил комэск. — Не прицелийтесь с первого раза, зайдем еще. И еще!

Лычкин совсем приуныл.

Тут дело вот в чем. Идет бомбардировщик к цели. Начинают бить зенитки. Самолет маневрирует. Но перед самой целью он ложится на боевой курс — чтобы сбросить бомбы точно, идет строго по прямой, беззащитный перед зенитками. Хорошо, если с первого захода попадет. А если нет? Вдвое, втрое длиннее игра со смертью.

Поначалу, на тренировках, так и было. Только на

третьем заходе штурман уверенно брался за бомбосбрасыватель. На этом, третьем, заходе цель накрывалась точно.

— Это уже хорошо, — радовался капитан, подбадривая штурмана. И опять поднимал самолет в воздух. Тренировки, тренировки. Исчезла у Лычкина неуверенность. А командир добивался большего. Полминуты на боевом курсе считались тогда хорошим показателем. У Новикова же законом было — 18—20 секунд. Он не ошибся в Лычкине. Пришел день, когда штурман уложился в самое короткое время. Но не только для него и себя старался капитан. Вчерашние товарищи Лычкина по учебному классу как бы увидели себя со стороны. Ничем таким особенным не выделялся их друг Вася, а поди ты — может.

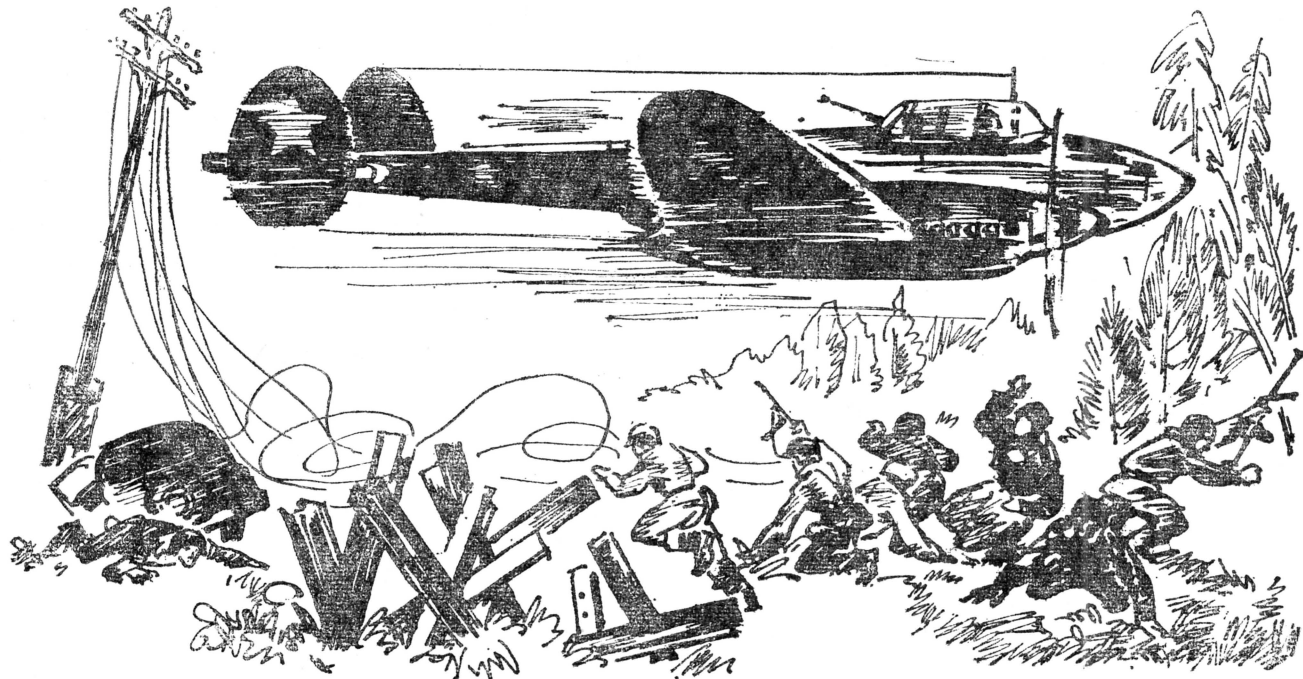
И вот идет группа на бомбежку станции Скаржиско Каменная. На подходе густо ударили зенитки. Как говорится, страшнее некуда. Огонь был столь плотный, что, кажется, и не прорваться. Страшно ребятам. Но верят в командира, помнят, как он объяснял: «У зенитчиков хоть и много сейчас всякой аппаратуры, да все равно, чтобы поразить нас, им надо точно определить нашу скорость, высоту, направление, сделать поправки, установить прицел, навести, дать залп, опять сделать поправки. А мы сделаем маневр. Изменяя попеременно то скорость, то курс, то высоту. Они опять сделают поправку на скорость, высоту или курс. Залп. А мы снова делаем маневр и т. д. Только внимательней следите за мной».

Группа, будто связанная невидимыми ниточками, выполняла все маневры ведущего. Удар был точен.

Оглядывались потом новички назад, себе на удивление: позади — черная туча разрывов, закрывающая все небо. Как было пройти сквозь нее? А вот прошли же. И все вернулись на аэродром. Все до единого!

Водил Новиков группы численностью до пятнадцати бомбардировщиков. И очень часто, чаще, чем другие, они возвращались без потерь. Сам же Геннадий Иванович ни разу за все свои сто восьмидесять два боевых вылета не был побит зенитчиками.

Другое дело — истребители. И хотя, как уже рассказывалось, умел Новиков уходить и от них, однако, когда

они нападали плотной стайей, это не всегда удавалось. Впрочем, семь «мессеров» все же нашли свой конец от огня экипажа Новикова. За те шесть раз, когда «мессеры» подбивали его. Подбивали, да, впрочем, не всегда сбивали.

...Но не сторел

Да, он шесть раз горел в самолете. Шесть раз! Это тоже учтено в наградном листе, тоже расценено, как подвиг. И вот почему. Ведь бывали же случаи, и по-человечески их понять можно, когда летчики и танкисты после пережитого в горящей машине, теряя уверенность в себе и переходили в другие рода войск. Они не были трусами, они продолжали воевать храбро, однако уже не в самолете и не в танке. Не сказать, что Новикову совсем не было знакомо это чувство неуверенности, некоторой робости перед машиной после очередного «ада». Но каждый раз он возвращался в строй. Причем, в свой полк.

Особенно тяжелым для него был август 1943 года. 8 августа его небольшая группа была направлена на разведку дорог между Харьковом и Полтавой. Откуда ни возьмись — восемь новейших «Мессершмиттов-109». Истребителям удалось поджечь самолет Новикова.

— Командир, как быть? — донесся испуганный голос стрелка.

— Бей их, Юра! Они думают, раз мы подбиты, то с нами можно не считаться. Ты бей, а мы потянем к своим.

Спокойствие и уверенность командира действовали на стрелка. Леденящий душу вой подбитой машины он заглушил очередными своего пулемета. И точно. Один «мессер», ничего не ожидавший от смертельно раненного советского самолета, неосторожно приблизился к нему и сам рухнул, объятый пламенем. А бомбардировщик продолжал тянуть к линии фронта, оставляя за собой густой хвост смоляного дыма с яркими всполохами огня в нем. И вернулись целыми, хотя и с ожогами.

Едва зажили ожоги — капитан опять в воздухе. Самолет новехонький — прямо с завода. Вместе с техником Иваном Алексеевичем Ярким (сейчас он работает директором крупнейшего садоводческого совхоза «Мичуринец» на Алтае) внимательно осмотрели машину. А тут как раз сообщение — взят Харьков.

Боевой приказ не заставил себя ждать. В населенном пункте Буда противник оказывал упорное сопротивление. Требовалась помощь пехоте. Удар был нанесен точно, однако при уходе от цели на группу Новикова напали десять «Мессершмиттов-109». Завязался жаркий бой. Вот один «мессер» свалился откуда-то сверху. Штурман убит, подожжен центральный бак с горючим. Все горит. И опять Новиков решил дотянуть до линии фронта.

Огонь все жарче. Руки со штурвала не уберешь, а языки огня лижут их. Жгут шею, лицо. Уже горит комбинезон. Да где же, черт возьми, линия фронта?

Наконец-то! Чуть перевалили за линию фронта, как Новиков приказал стрелку:

— Прыгай, Юра!

И сам — за ручку аварийного сброса колпака. А та не сработала. Дергал-дергал ручку, уж головой стал бить в колпак — ни в какую. И сил уже больше нет. А если — нике? Резко! Но это последняя попытка.

Ручка от себя. Удар! И легкие, наконец-то, заполнились свежим воздухом. Непослушными руками кое-как дернул за кольцо парашюта. Едва повис под куполом, как мимо прошла пулеметная очередь. Так и есть, вот он — фашистский стервятник. Решил расстрелять.

Геннадий Иванович захватил несколько строп — еще подвиглся, откуда на его руках перчатки, — и быстро пошел снижаться. Почти падал, но другого выхода не было: фашист попался упорный, все норовил его прикончить.

И лететь-то до земли какие-то мгновения, а тянутся — ох, как тянутся они...

Удар о землю. Парашют потащило ветром. А руки уже ничего не чувствуют, «перчатки-то» оказались обго-

ревшей кожей. Но уже неподалеку были наши солдаты. Подбежали, подхватили летчика — и в медпункт. Оттуда — в штаб пехотной дивизии. Начштаба сообщил:

— А тут у нас еще один летчик на парашюте спустился.

Это был Юра Зильберборд, стрелок. Их положили в медсанбате рядом.

До утра пролежали в палатке на соломе. А утром...

— Юра, слушай, Юра, сейчас светло?

— Светло... А что? — запоздало спохватился стрелок, не надо бы этого пока говорить командиру: видно, ослеп он.

Стали вместе звать сестру. Да разве тут дозвешься: медсанбат тебе не госпиталь, персонал маленький. Вскочил Новиков. В глазах на секунду вспыхнул свет, но это не зрение восстановилось — налетел на столб. Упал. Снова поднялся.

— Где солнце?

Какой-то солдат подскочил, вывел из палатки. Солнце светило в лицо, но Новиков его света не видел.

Три дня в медсанбате, и никакого улучшения. В глазах — крошечная темень. Тут можно было впасть в отчаяние, потерять мужество. Когда их с Юрием отправляли в санитарном поезде куда-то за Урал, они решили съехать. Первой остановкой, знали, будет станция Уразово, где стоял их армейский госпиталь. Так эти двое — один не видит, другой почти не ходит — приготовились удрать из вагона, чтобы лечь в армейский госпиталь: так верили в скорое выздоровление и боялись отстать от части, от товарищей.

Вот и Уразово. Остановка. Затаились друзья, выжидали, когда сестра куда-то отлучилась, — и с коек.

Новиков тогда ходил, подняв обожженные руки кверху. Юрий «довел» командира до вагонной двери. Тот кое-как спустился на землю, стрелка принял на спину. Медленно поковыляли во мрак.

В армейский госпиталь они-таки попали. И вылечились оба. Уже в октябре, всего через два месяца, полк с радостью встречал их.

На одну «ногу»

Да, шесть раз подбивали Новикова. Но этот случай — на особицу.

Великие Луки были взяты нашими войсками. Однако в старом городе, в Кремле, за его метровыми каменными стенами, еще укрывались отборные части гитлеровцев. Как их ни выкуривали оттуда, БРАБы даже применяли — бронбойные авиабомбы, — но стенам старинной кладки ничем были и БРАБы.

А тут как раз на помощь осажденным на узком участке фронта ринулись танковые части фашистов. Сорвать контрнаступление могла только авиация.

Эскадрилья Новикова срочно была поднята в воздух. Задание было из тех, о которых говорят: «несмотря ни на что». Немцы хорошо прикрывали свои танки. А у нас на этом участке с истребителями тогда было туговато. Наши истребители могли прикрыть бомбардировщики лишь непосредственно над целью. Но когда «лешки» подошли к линии фронта, свои истребители уже летели им навстречу: кончалось горючее. А бомбить надо было немедленно, пока танки не рассредоточились. Вот и вступило в силу это «несмотря ни на что».

Вот они уже с запада закрывают небо, «мессеры»! Что делать? Новиков решил сделать то, чего никак не предполагают гитлеровцы: атаковать «мессеры»! Ведь по всей логике русским бомбардировщикам надо немедленно удирать, спасаться. А они храбро устремились сквозь строй «мессершмиттов». Немецкие асы и верно опешили на какое-то время. Этого времени хватило для того, чтобы эскадрилья легла на боевой курс.

Отбомбились метко. На земле вспыхнуло несколько чадных костров. Рвались снаряды в танках, далеко в сто-

роны летели башни. Разбегались уцелевшие гитлеровцы. Но надо было заходить на цель еще и еще. И вот тут-то они навалились — до двух десятков вражеских истребителей. Бомбардировщики еле отбились, ушли на свою территорию. Но задание-то не выполнено. И бомб еще много, а фашистские танки идут вперед. Новиков принимает решение: повторить удар. Опять расчет на внезапность: гитлеровцы вряд ли ждут столь скорого возвращения бомбардировщиков.

Так и есть: когда вернулись к танковой колонне — над нею было чистое небо. Только много ли времени надо и «мессерам», чтобы опять подняться в воздух: вот они, уже тут как тут. И сразу повели охоту за командиром. Запылал защищавший его справа бомбардировщик младшего лейтенанта Седова. Новиков еще успел заметить, как тот, в свою очередь, из горячей машины расстрелял атаковавший его «мессер». И вдруг взрыв раздается уже в машине капитана.

Снарядом повреждены один мотор, бензобак, раскорежена приборная доска. Пламя удается сбить, и самолет «на честном слове и на одном крыле», яростно огрызаясь пулеметами, уходит назад.

До своего аэродрома явно не дотянуть. Где же сесть? Разве что у штурмовиков. Как раз тут поблизости аэродром «илов».

Новиков уже примерился, как будет садиться, и вдруг... шасси полностью не выпускается! Повреждена, оказывается, еще и гидросистема. Выходит только одна «нога». Можно прыгнуть с парашютом, немцев нет, но машину Новикову жаль, еще послужила бы. Решил все-таки посадить самолет на две точки.

Летчики знают, что это такое — посадка на одну «ногу». О тех, кому это удавалось, легенды складывают. Ну, а непосвященным скажем: это почти верная гибель. А Новиков-таки сел, да еще умудрился не выкатиться за пределы посадочной полосы. Самолет быстро оттащили в сторону. И вовремя: один за другим стали садиться хозяева аэродрома.

На командном пункте аэродрома Новикову учинили великий разнос. Какой-то летчик, видно, командир, но в комбинезоне, знаков различия не было видно, закричал сердито:

— С ума сошел, пилот! Уж коли решил машину спасти — так садился бы в сторонку на живот, а его на полюсу понесло. Ну, а как бы не справился, а тут наши подошли? Соображаешь, чего наделал мог? — и выкричавшись, чуть сбавил тон: — А вообще — где это ты видел, чтоб садились на одну «ногу»?

— А Чкалов?

— Чкалов? — вдруг как-то мягко заулыбался летчик. — Тоже мне Чкалов нашелся!.. А вообще — молодец, — неожиданно закончил он.

Оказалось, это был один из друзей великого летчика — Николай Петрович Каманин.

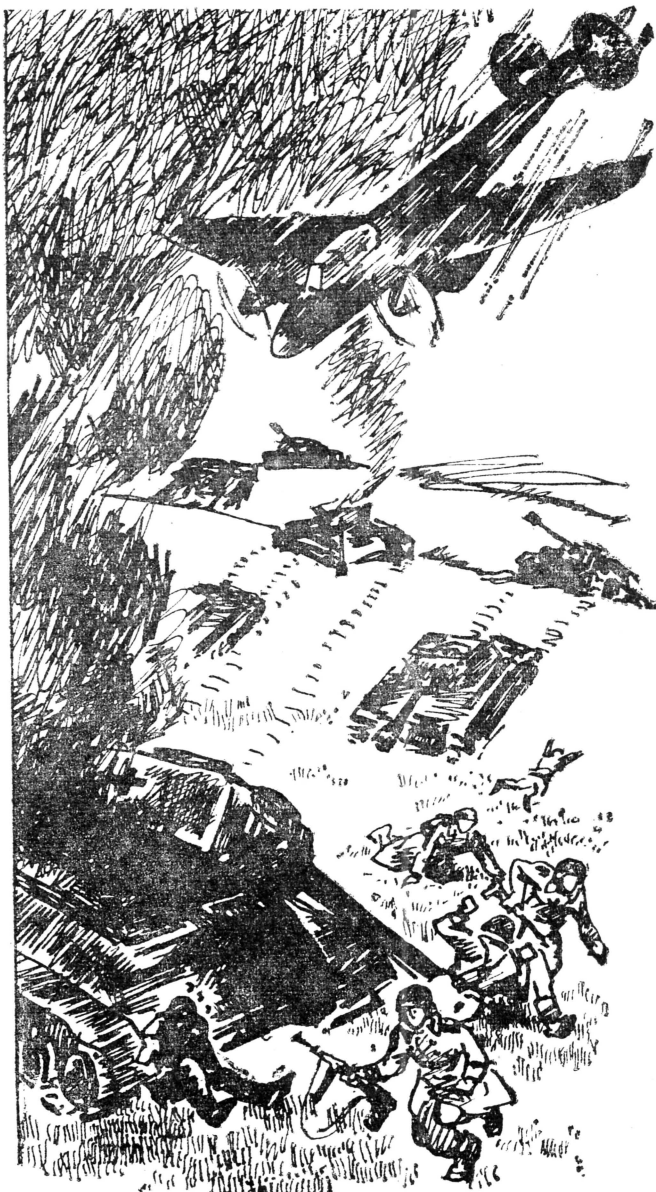
...Храбро воевал гвардеец Новиков. Одна за другой отмечали его подвиги боевые награды. Только в 1943-м он был удостоен ордена Отечественной войны первой степени и Красной Звезды. Но главное испытание его мужеству и стойкости было впереди.

Из фашистского застенка

Это случилось 15 апреля 1944 года. Полк Новикова стоял в Умани. Разведка донесла, что в семи километрах западнее города Тыргу-Фрумос скапливаются для контр-удара танки противника. Погода как раз стояла самая что ни на есть летняя, и гитлеровцы особо не таились. Цель для бомбежки была идеальной. Но лететь нельзя: в ближайшее время синоптики погоду не обещали.

На командный пункт приехал командир корпуса. Собрал офицеров. Не приказывая, советуясь, сказал:

— И все-таки бомбить надо. Сами понимаете, что наделают танки, когда двинутся на прорыв. Группой в низкой

облачности идти нельзя. Так, может, парами попробуем? Фашисты вас не ждут — делов им понаделаете.

Прикинули все «за» и «против». Верх взяли главные «за»: внезапность и неожиданность удара, а значит, и его результативность. Тут же решили: в каждой паре — ас и с ним товарищ помоложе. Одним из первых полетел заместитель Новикова Павел Артемьевич Плотников. За ним еще три пары. Сам комэск сидел на земле. Не было штурмана. И тут вдруг на командном пункте появился штурман полка. Уговаривать его не пришлось. Вскоре ПЕ-2 Новикова нырнул в стелящуюся над линией фронта облачную муть.

До линии фронта шли в облаках по приборам. Дальше облачность поднялась и показалась цель. Ее было отлично видно по горящим машинам противника — Плотников и его товарищи поработали хорошо. Но видно было и

другое: черной тучей вились над местом недавнего побоища фашистские истребители.

Опять та же дилемма: идти вперед — верная гибель, повернуть назад — не выполнить задание. Какой кровью заплатит потом за это наша пехота?

Новиков отдал приказ:

— Ложиться на боевой курс!

Не ожидавшие такой дерзости гитлеровцы опять чуть промедлили, потеряли каких-нибудь два десятка секунд, которые нужны были для того, чтобы положить бомбы точно в цель.

Боевой курс, как уже говорилось, — это полет без маневров, по прямой. Раздолье для зенитчиков и истребителей. Конечно, «мессеры» на развороте пристроились к хвосту советской машины. Стрелок-радист не отрывался от пулемета, да разве истребителю с его великолепной лобовой защитой так уж страшен пулемет? Штурман то и дело командовал:

— Доверни влево! Вправо! Еще влево!

Огненные трассы проходили совсем рядом, однако все мимо. Внезапно откуда-то спереди-справа-сверху свалился еще один «мессер». Один его снаряд попал в кабину. Правда, он почему-то не разорвался сразу. В горячке боя, в оглушительном реве моторов и стрекоте очередей Новиков расслышал только короткое «пах» и даже не почувствовал, что ранен. Лишь случайно, опустив взгляд, увидел вдруг: не нога у него, а сплошное кровавое месиво. Потом уж выяснилось, что рана на бедре имела длину сорок один сантиметр и ширину — семь.

Но штурвал он не выпустил.

Самолет, ловко маневрируя, сперва продолжал уходить от преследователей. Но от большой потери крови Новиков потерял сознание, и бомбардировщик потерял управление. Увидя кровь на командире и думая, что тот убит, штурман приказал стрелку-радисту прыгать, затем сорвал колпак и выпрыгнул сам.

Они висели под куполами парашютов, а самолет удалялся от них, круто падая вниз.

...Медикам довольно трудно бывает объяснить такое. Уже недалеко от земли Новиков выбрался из гибнущей машины. Рынок раскрывшегося парашюта и удар о землю снова бросили его во тьму бессознательного состояния. Тут подобрали его вражеские солдаты. Трижды переводили Новикова из лазарета в лазарет, а чуть начал ходить — рана не зажила, — бросили в концлагерь.

И вот ведь встреча: штурман. Глазам своим не верит:

— Капитан, да ты ж мертвым был! Я уж тут всем рассказал, как ты героически погиб.

— Лучше давай героически выживем, — сказал Новиков. — Бежать нужно отсюда, штурман...

Готовились. Наблюдали, как сменяются караулы, изучали их маршруты, самые слабые места колючей изгороди. И занимались чем-то вроде лечебной физкультуры. Голодные, истощенные... Но без тренировки далеко не уйти. И хоть медленно, а крепились мускулы, нога Новикова стала меньше болеть. В самые темные ночи, когда дождь лил как из ведра, небольшие участки территории между сторожевыми вышками — как раз посередине — были совсем слабо освещены: свет прожекторов не мог пробиться сквозь завесу дождя.

Летчики не любят плохой погоды. А тут ждали ее с нетерпением. Впрочем, конец августа в Румынии, как и в Сибири, на добрую погоду не слишком щедр. И вот зарядил дождь. Такой, какой им и был нужен.

Но не только с вышки охранялось ограждение лагеря. Часовые ходили и по земле, между вышками. Они встречались на полпути, как раз на том пятачке, куда не доставал свет прожекторов. Но летчики предусмотрели и это.

...Плац одолели короткими перебежками. Залегли прямо в луже. Когда часовые разошлись, быстро принялись за работу. Сделали подкоп. Вот вылез один. Другому нельзя: поблизости уже чавкают в грязи сапоги охранников.

Сошлись часовые. Постояли. Разошлись. Второй летчик перебрался на ту сторону...

...К утру забились в какой-то обширный виноградник. Рвали крупные гроздья. Радовались: как по заказу — глюкоза.

Да, они рассчитали все верно: погони за собой так и не заметили.

На восемнадцатые сутки приблизились к линии фронта. И вот, наконец, услышали:

— Стой! Кто идет?

Этот окрик прозвучал для них сладчайшей музыкой. Свои! Оказалось, попали на разведчиков. Те и вывели беглецов в штаб одной из летных частей. Там в лицо не знали никого из них, но о гвардии капитане Новикове были наслышаны. Соединились по телефону с его полком...

18 сентября Геннадий Иванович приступил к исполнению служебных обязанностей. А ровно через полгода, 18 марта 1945 года, командир 82-го ГБАП гвардии майор Голицин подписал наградной лист с ходатайством о присвоении Новикову звания Героя Советского Союза, и 27 июня в газетах был опубликован Указ. Позднее он награждался еще орденами Красного Знамени, Александра Невского, медалями...

Войну Геннадий Иванович закончил под Берлином и Прагой. Сколько ж его бомбардировщик нанес урона гитлеровцам! Семь истребителей, сбитых в воздухе, немало самолетов, уничтоженных на земле, десятки танков, сотни вагонов, различные сооружения, тысячи вражеских солдат. Вот что может только один маленький боевой коллектив, если его ведут мужество, дисциплина, выучка и самоотверженность! То, что всегда было для гвардии майора Новикова главным в его жизни.

Авиация вошла в жизнь Геннадия Ивановича, казалось, накрепко. Сразу после войны его послали на семимесячные курсы повышения квалификации командного состава. Здесь собрались одни асы: из 120 человек — сорок два Героя Советского Союза и два дважды Героя.

Но в мае 1946 года, как гром с ясного неба: «К летной работе не пригоден, с воинского учета снять по состоянию здоровья». Многочисленные ожоги и раны дали себя знать.

В гражданскую авиацию не пошел. Не захотел служить при авиации: ведь ему можно было стать только диспетчером, ну еще руководителем полетов...

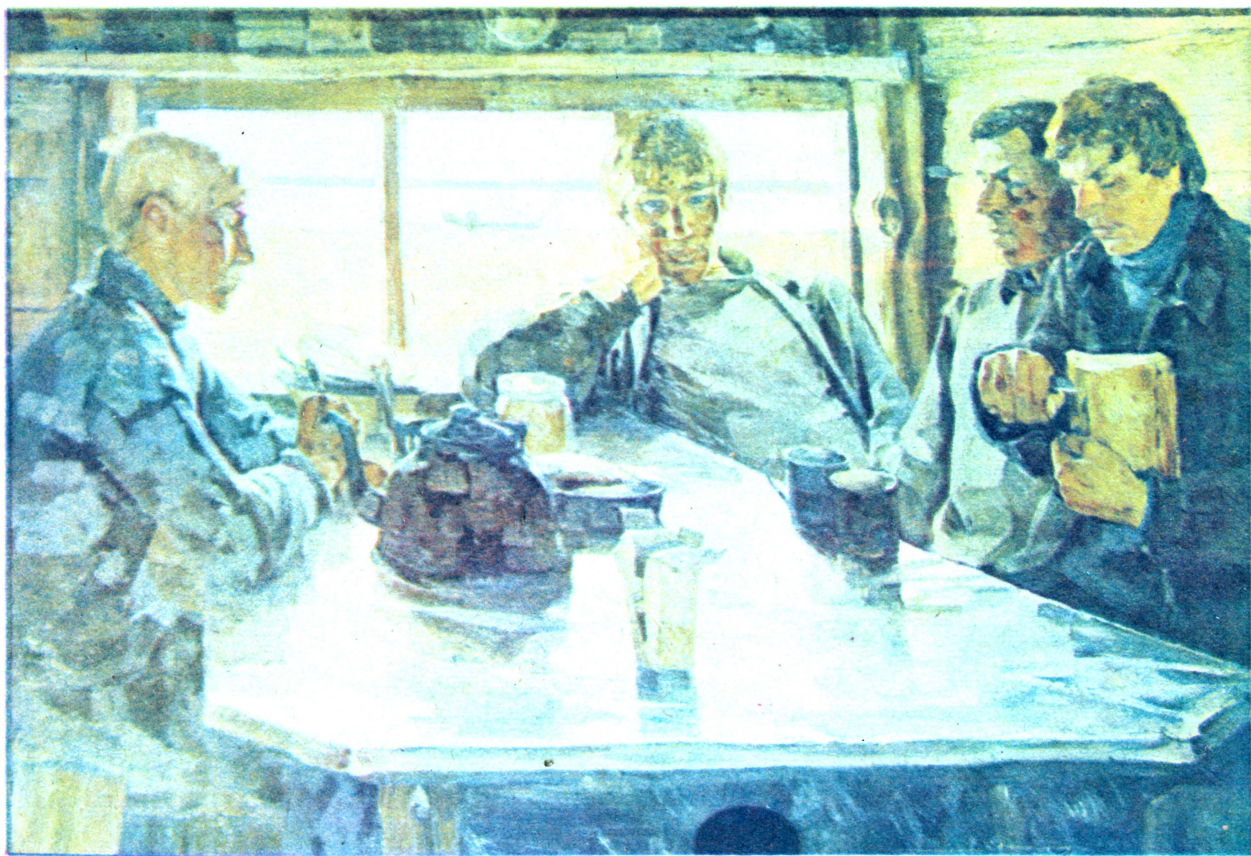
Быть в авиации и не летать — значит не быть в авиации, — так он считал.

Вернулся в Сибирь. Пригласили на работу в управление Томской (сейчас Западно-Сибирской) железной дороги — дал согласие. Несмотря на нездоровье, за два года окончил железнодорожный техникум. Затем пошел учиться в Томский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта. Ему нужны были знания — и он получил их, сколько это ни стоило его изношенному организму. После окончания института его направили заместителем начальника локомотивного депо станции Топки. В 1970 году заместителя начальника Алтайского отделения дороги Геннадия Ивановича Новикова торжественно проводили на пенсию.

АЭРОДРОМ В ГОРАХ
В. ПЕРЕЯСЛАВЕЦ (г. Москва)

ПЕЧОРА. ПОСЛЕ ТОНИ
Р. ЕРМОЛИН (г. Сыктывкар)

БУРОВИКИ НА КАЛВЕ
Э. КОЗЛОВ (г. Ленинград)

СВАДЬБА ·
А. ТКАЧЕВ, С. ТКАЧЕВ [г. Москва]

ИВАНЫЧ

Александр
КОНСТАНТИНОВ

Рисунок
В. Бубенищикова

Это было безумием, не укладывавшимся ни в какие дисциплинарные рамки: Жора Дарвин бросился на стрельбище под огонь стрелкового взвода.

— Сто-ой! Прекратить огни! — побледнев, командовал лейтенант Бардин.

На сигнальной вышке пополз вниз красный флаг, упала мишенная обстановка, сигналист заиграл «отбой», стрельбище затихло.

— Назад, Стрункин! — прорезал эту тишину звонкий голос Бардина.

Но Жора даже не обернулся, а только помахал рукою над головой, что, очевидно, означало: «Слышу, товарищ лейтенант, сейчас вернусь!».

— Назад! — повторил команду Бардин уже без уверенности, что она будет выполнена.

Настоящая фамилия Жоры была Стрункин, а Дарвином мы его прозвали за какую-то особую, прямо фанатическую любовь к животным. Жора был равнодушен ко всему, что бегало, ползало или летало. Стоило при нем придавить

какого-нибудь жука, как вы навлекали его не любовь навсегда. Дарвин не говорил об этом, а просто переставал вас замечать, и заслужить заново его расположение было почти невозможно.

Вот этот-то Жора Дарвин и ринулся в глубь полигона в то время, когда наш взвод вел огонь. Теперь все увидели, к чему он стремился. Метрах в двухстах от огневого рубежа, среди выбитой тяжелыми солдатскими сапогами, но еще достаточно высокой травы, чернела какая-то точка. Она копошилась, пытаясь не то убежать, не то взлететь. Издали нельзя было разобрать: зверек это или птица. Но это было живое существо, пострадавшее, видимо, от нашей стрельбы.

Дарвин приблизился к этой точке, наклонился над ней и вскоре повернул обратно.

Мы готовы были разорвать Жору на части. Шутка сказать: могло быть ЧП. Кроме того, из-за одного человека взвод получил неудовлетворительную оценку по заключительному уп-

ражнению. А виновник всего этого спокойно шагал через полигон, что-то запихивая поглубже под шинель.

— Поторопитесь, Стрункин,— сипло попросил Бардин. Кричать он уже не мог, так как сорвал голос.

Но Дарвину и без взводного влетело — что надо! Попеременно он стоял навтыжку сначала перед ротным, потом перед комбатом, и, наконец, взглянуть на нашего «героя» пожелал сам начальник штаба полка.

Недовольство офицеров было понятным: из взводных оценок складывались и ротные, и батальонные, и полковая.

Упреки Жора выслушивал молча. И без того неказистая его фигурка еще больше съезжилась и стала совсем жалкой. Он сгорбился, ремень у него съехал, шинель растопырилась; ко всему этому Жора почему-то стал шмыгать длинным, не по лицу, островатым носом.

— Ну за каким дьяволом тебя туда понесло? — допытывался начштаба.

— Так что ж ему, пропадать было? — поднял наконец голову и Жора.

— Кому это — ему?

— Да Иванычу,— с этими словами Дарвин отвернул полу шинели и осторожно потянул из-за пазухи ворона.

Птица безбоязненно обвела людей взглядом, но вскоре снова прикрыла веки. За пазухой ворону было и тепло, и уютно. На минуту воцарилось молчание, даже лицо начальника штаба подобрело.

— А почему, собственно, Иваныч? — спросил он.

— Надо же ему как-то называться. А у нас в колхозе бригадир был, такой же черненький, Иванычем звали,— пояснил Жора и, осмелев, добавил: — Вы мне в санчасть разрешили бы, крыло у Иваныча перебито.

— Отпустите его, лейтенант,— отворачиваясь от Жоры, сказал начштаба Бардину. — Птица не виновата, пусть несет подлечить.

Удовлетворенно шмыгнув носом, Жора унес ворона на перевязку.

А когда к вечеру мы появились в казарме, Иваныч, перебинтованный и с лубком на крыле, уже прохаживался между койками и знакомился с обстановкой.

Постепенно мы простили Жоре все. Положенное взыскание он получил. Плохая оценка как-то сама собой подзабылась, а живой Иваныч был у нас всегда перед глазами. Он поселился в казарме надолго и сразу стал общим любимцем. Особенно он никого не чурался, но дружил по-настоящему только с Жорой.

Стоит Дарвин дневальным у тумбочки — и ворон с ним рядом; читает Жора книгу — и Иваныч тут же, полузакрыв глаза, сидит на спинке стула. Время от времени встряхнется,

каркнет раз-другой, заглянет Жоре в лицо, ущипнет что-то из бровей или из чуба и снова успокоится.

Ночь он всегда проводил на специальной подставке у койки Жоры. А стоило только прозвучать сигналу «подъем», как Иваныч перепархивал на печку или еще куда-нибудь повыше, и на всю казарму раздавалось его: «Кр-ра! Кр-ра!» И таким мощным был этот крик, что даже самые заядлые любители понежиться лишнюю минутку под одеялом не выдерживали и вскакивали с постелей. Старшина Коротун, прохаживаясь между койками, только посмеивался в усы. Он-то был очень этим доволен.

Но были моменты, когда старшина и Иваныч не ладили. Каждый из нас при случае норовил сунуть ворону кусок повкуснее. Съесть всего птица, естественно, не могла, а за мусор влетало и ей, и Жоре.

— Что вы, товарищ старшина, хотите от больного? — оправдывался Дарвин, и обещал: — Вот погодите, выздоровеет, в пример другим будете его ставить.

Прошло немного времени, и Жора категорически запретил кормить птицу в казарме. Теперь по команде: выходи строиться на обед,— Иваныч где вприпрыжку, а где и влет следовал впереди роты прямо в столовую. В обеденном зале он подлетал к окну для выдачи пищи, и в кухню неслось его громкое: «Кр-ра! Кр-ра!» Повара подавали ему миску с остуженной едой. Жора ставил эту миску у своего стола, там Иваныч и обедал. На ужин он никогда не летал, к этому времени обычно уже засыпая.

Все роты завидовали нам. Однажды ворона даже украли. Но не тут-то было! На следующий же день Иваныч снова появился в нашей казарме. Он подлетел к форточке с наружной стороны, постучал в нее клювом. Дневальные с радостью его впустили.

Как-то, уже в середине зимы, казармы проверял генерал. Дарвин с Иванычем как раз дневали. Заслышав тяжелые шаги генеральской свиты в коридоре, Жора припрятал своего друга в тумбочку, где лежали уставы, и вытянулся в струнку.

Генерал походил по казарме, сделал положенные в таких случаях замечания и направился было к выходу, но у тумбочки дневального остановился.

— А где же Иваныч? Наслышан, а не вижу,— обратился генерал к сопровождавшим его офицерам.

У Дарвина дрогнули коленки, но он все же не растерялся и распахнул дверцу тумбочки. Оттуда выскочил Иваныч, прошелся по полу, вспорхнул на стол, каркнул и, склонив голову, уставился на блестящие генеральские пуговицы.

— Вот ты каков! Ну, здравствуй,— повеселел генерал.— Знатная птица! А что это тебя, брат,

прячут? Или боятся генерала? Думают, не разберется старик: что к чему?

— Др-ра! — каркнул ворон.

— Я так и знал, — ответил генерал ворону и повернулся к офицерам: — А что, Анатолий Лукич, поощрили вы того молодца, который спас птицу? — спросил он начальника штаба полка.

— Никак нет, товарищ генерал, — ответил тот.

— Нет? Так исправьте ошибку, поощрите за... — генерал умолк, подбирая формулировку.

— За особую любовь к фауне, — подсказал начальник штаба.

— Пусть будет — к фауне, — согласился генерал. — За это тоже поощрять надо, не так мы богаты этой любовью. Невелика штука — птица, а для солдат забава. Так я говорю? — спросил генерал Жору.

— Рядовой Стрункин. Так точно, товарищ генерал! — отчеканил Жора строго по уставу.

— Он и птицу спас, товарищ генерал, — снова подсказал начштаба.

Генерал отступил от тумбочки, окинул Дарвина взглядом, спросил:

— Давно дома не были, товарищ Стрункин?

— Год, с призыва, товарищ генерал.

— Вот и отпустите его на побывку за эту самую — особую любовь к фауне.

— Отпустим, товарищ генерал, — ответил начштаба, что-то помечая к себе в блокнот.

Слушая все это, Дарвин верил и не верил своим ушам. Нет для солдата приятней поощрения, чем краткосрочный отпуск. Но все было так, как сказал генерал.

Дарвин уехал рано утром. Никто не видел, как он простился с Иванычем. Но только после его отъезда ворон сразу загрустил. Целыми днями ходил он по казарме, не находя себе места и не зная, куда притулиться. Все наши многоречивые ухаживания никак не заменяли ему молчаливого присутствия Дарвина.

А на третий или четвертый день после отъезда Жоры Иваныч отказался от обеда и вместо того, чтобы лететь в столовую, взмыл вдруг в голубую высь.

— Иваныч, на обед! — кричали мы ему хором.

— Кр-ра! Кр-ра! — ответил ворон с высоты, и крик этот был радостным и по-весеннему призывным.

Больше Иваныч к нам не прилетал.

Метеостанция В чемоданчике

Уходя в поле, агроном читает свежие сводки погоды. А кто ему быстро сообщит о том, какая влажность почвы вон у того поля, что за березовой рощей, или у того, раскинувшегося на высоком холме, — ведь и там и там свой микроклимат?

Универсальный прибор для измерения влажности и температуры почвы, воздуха, а также силы и скорости ветра, — портативную метеостанцию, уместившуюся в чемоданчике, — сконструировали ребята с Новосибирской областной станции юных техников — Виктор Алябьев и Сергей Тарасов.

В кружке, которым руководит инженер В. Вознюк, школьники создали и другие, нужные сельскому хозяйству, приборы: счетчик зерен, устройство для вождения трактора по прямой (оно позволяет одному трактористу управлять по радио одновременно двумя машинами), электронный градусник для буренок.

Юрий
ЛИПАТНИКОВ

Фото
автора

Людмила Агафонкина занимается в геологическом кружке при Черкасском Дворце пионеров и школьников. Во время экспедиций в пещеры она определяет дебит подземных ручьев и рек и направление их течения.

Юные геологи Петропавловск-Камчатского Дворца пионеров совершают походы в знаменитую Долину гейзеров, изучают скважины, дающие термальные воды. Ребята ведут многолетние наблюдения: каков дебит скважин, какой интервал выброса, меняется ли температура — все это они устанавливают с помощью приборов. На Камчатке зарегистрировано уже 112 групп термальных источников.

Голос недр

Один из новых методов геологической разведки — радиометрия.

Ребята 2-й юношеской геологической партии Казахстана обследовали в 90 километрах от своего города Экибастуза большой участок, используя в работе радиометр СРП-2. Какой оказалась гамма-активность недр в этом районе! Школьники прошли исследуемую площадь, захватывая полосу шириной пятьдесят метров, а затем начертили сложный график, который и показы-

вает гамма-активность скрытых пород.

Самым интересным событием минувшего полевого сезона юных геологов из Экибастуза было обнаружение аномалии. Первооткрыватель ее — Тоня Иванова. Что скрывает аномалия! В этом году здесь будет проведено разведочное бурение...

Великое из малого

Из чего состоит гора! Из пород. А породы! Школьница из Харькова Ирина Дурова изучила под микроскопом кокалиты, которые слагают породы известняка. Кокалиты — мельчайшие водоросли длиной в четыре микрона.

Чтобы сравнить современные кокалиты с древними, школьница попросила исследователей с научного судна «Витязь», плавающего

в Атлантике, прислать ей пробы. Затем были получены фотографии микроводорослей, увеличенные в четыре тысячи раз. И Ирина детально описала странные кокалиты.

Краски Прикарпатья

Прикарпатье не сравнить с Уралом — бедный рудами край, потому и «крупницы» месторождений полезных ископаемых представляют здесь интерес.

Отряд юных геологов «Поиск» (село Сваричел Иваново-Франковской области) взялся составить карту рудопроявлений на всей территории области. Исследователи восстановили историю местной металлургии и добычи руд. Ребята обнаружили охру и другие природные краски, отличающиеся стойким и оригинальным цветом.

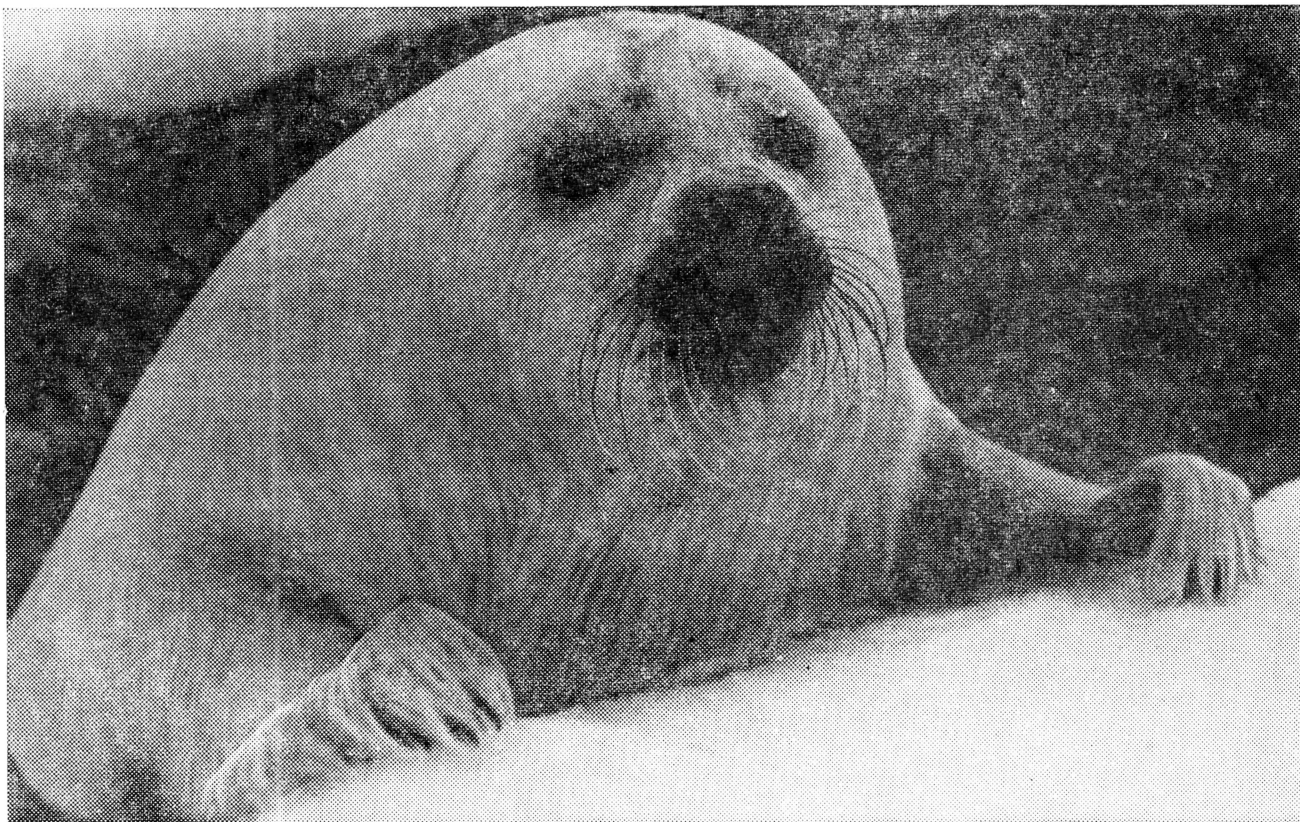
Интересные минералы нашли ребята из геологического кружка Ашхабадского Дворца пионеров и школьников в увлекательных походах по родной Туркмении.

ТЮЛЕНЬЯ ФЕРМА

Степан
ГУБСКИЙ

*Фото
автора*

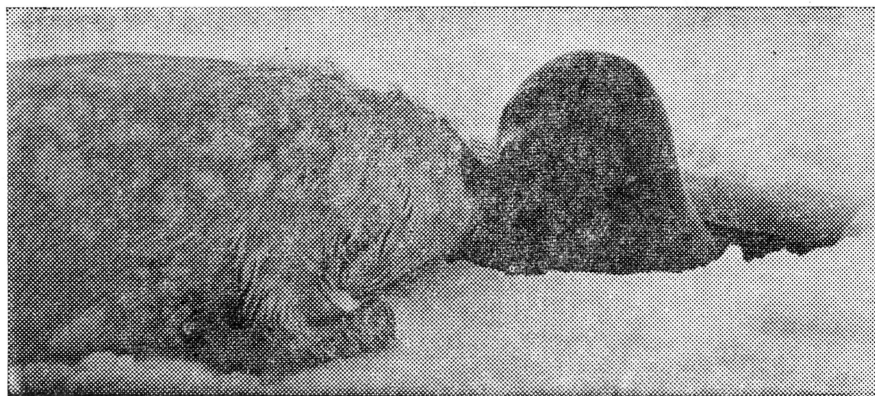

От роду тюлененку три недели, а весит он уже около сорока килограммов.

Как живешь, малыш, как самочувствие?

Известный советский биолог С. В. Дорощеев в своей книге «Беломорский тюлень-лысун» утверждает, что самка тюленя — утельга, выкормив детеныша до белька, уже через две-три недели отлучает его, и молодой тюлень «дозревает» на льдине впроголодь.

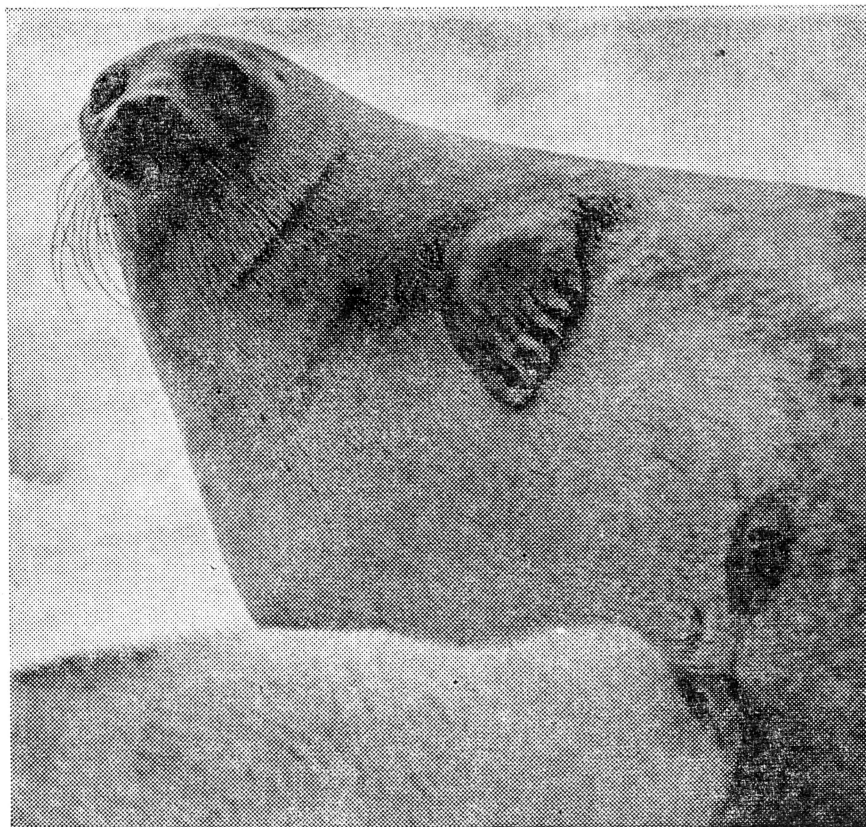
Председатель рыбаколхозсоюза Федор Антонович Пономарев — коренной помор, человек инициативный, грамотный. Он хорошо знает труды С. В. Дорощеева, знает, что некоторые рыбаки на забаву ребятишкам привозили бельков домой и выкармливали их в неволе коровьим молоком. Ф. А. Понома-

Линные бельки на тюленеводческой ферме в селе Койда.

Заботливая мамаша. Молоко утельги в двенадцать раз жирнее коровьего. Она выкармливает тюлененка за три недели.

рев рассудил так. Если молодой тюлень, брошенный утельгой, в пору линьки почти месяц лежит на дрейфующей льдине без корма, то почему бы ему не «дозреть» на берегу.

И вот три года назад в поморском селе Зимняя Золотица была заложена экспериментальная тюленья ферма. Сначала туда привезли 25 отловленных в Белом море зверьков. Тюлени лизали морской лед, специально завезенный в вольеры, грелись на щедром весеннем солнце, а природа брала свое — наблюдался тот же, что и в естественных условиях, процесс: белек — хохлуша — серка. Ни один молодой тюлень в неволе не погиб.

На следующий год в вольерах дозревало две тысячи линных бельков. А в нынешнюю весну на новой межколхозной тюленеводческой ферме близ старинного поморского села Койда, что в Мезенском районе, на доращивании находилось уже десять тысяч молодых тюленей. Эксперимент стал многообещающим открытием. На него выдано авторское свидетельство. Вольерный способ доращивания белька отмечен золотыми медалями ВДНХ.

ДИВНОГОРСКИЕ ЭТЮДЫ

**Борис
НИКОНОВ**

Рисунки первокурсника
художественного училища
С. Павлова

**МЫ ПРИГЛАШАЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ К СТРАНИЦАМ
УДИВИТЕЛЬНОЙ РУКОПИСИ. НАЧАЛО
И КОНЕЦ ЕЕ ВМЕЩАЮТ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ЛЕТ.
ПЕРВЫЙ СВОЙ РАССКАЗ БОРИС НИКОНОВ
НАПИСАЛ СОВСЕМ ЕЩЕ МАЛЬЧИШКОЙ,
ПОСЛЕДНИЙ — ЕДВА ДОСТИГНУВ
ЮНОШЕСКОЙ ПОРЫ, НО ПОЧТИ ВСЕ
ЕГО ТВОРЧЕСТВО СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ
О МАСТЕРСТВЕ, КОТОРОЕ, КАК МЫ ПРИВЫКЛИ
СЧИТАТЬ, ДОСТУПНО ЛИШЬ ВЗРОСЛОМУ
ЧЕЛОВЕКУ, ДА И ТО НЕ КАЖДОМУ.
БОРИСУ БЫЛО ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ, КОГДА
ОН УПАЛ, СОРВАВШИСЬ С КЕДРА, И ПОВРЕДИЛ
ПОЗВОНОЧНИК. БОЛЕЗНЬ ПРИКОВАЛА ЕГО
К ПОСТЕЛИ. НЕСКОЛЬКО ОПЕРАЦИЙ
НЕ ОБЛЕГЧИЛИ УЧАСТЬ.
МУЖЕСТВО И ЖИЗНЕЛЮБИЕ БОРИСА
ПОРАЗИТЕЛЬНЫ. НИКТО НИКОГДА,
ДАЖЕ В ПЕРИОДЫ МУЧИТЕЛЬНЫХ ПРИСТУПОВ,
НЕ СЛЫШАЛ ОТ НЕГО СТОНА.
РАЗВЕ ТОЛЬКО В НЕКОТОРЫХ ЕГО РАССКАЗАХ
ПРОРЫВАЕТСЯ БОЛЬ...
«ОН ОЧЕНЬ МНОГО РАБОТАЛ.— РАССКАЗЫВАЕТ
О БОРИСЕ ЕГО МАТЬ — МАРИЯ МОРДАРЬБЕВНА
НИКОНОВА,— НЕВЕРОЯТНО МНОГО ЧИТАЛ.
У НЕГО БЫЛА БОГАТАЯ БИБЛИОТЕКА,
ПОМОГАЛИ ЕМУ В ПОДБОРЕ КНИГ
РАБОТНИКИ ДИВНОГОРСКИХ БИБЛИОТЕК.
БОРИС ЗАКАЗЫВАЛ ИМ,
ОНИ НАХОДИЛИ ЕМУ НУЖНЫЕ КНИГИ.
К БОРИСУ ПРИХОДИЛИ РАБОЧНИЕ СО СТРОЙКИ,
РАССКАЗЫВАЛИ О СВОЕЙ РАБОТЕ.
ПОСЛЕДНИЙ ГОД ОН ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ
ОЧЕНЬ ПЛОХО, НО РАБОТАТЬ СТАЛ ЕЩЕ
БОЛЬШЕ. ВО ВРЕМЯ ПРИСТУПОВ МЫ ДЕЖУРИЛИ
У ЕГО ПОСТЕЛИ, НО КАК ТОЛЬКО ПРИСТУП
ПРОХОДИЛ, БРАЛСЯ ЗА ПЕРО.
ТАК ЕМУ БЫЛО ЛУЧШЕ...»
ДО ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ БОРИС РАБОТАЛ
НАД РУКОПИСЬЮ ДЛЯ НАШЕГО ЖУРНАЛА.
ОН БЫЛ УВЛЕЧЕН ПЛАНОМ — СОЗДАТЬ
ИЗ КОРОТКИХ РАССКАЗОВ, ОТРЫВКОВ
ИЗ ДНЕВНИКА, КОТОРЫЙ, К СОЖАЛЕНИЮ,
ПОЧТИ ВЕСЬ ПРОПАЛ, И ВОСПОМИНАНИИ
О ДЕРЕВНЕ, О ДЕТСТВЕ НЕОБЫЧНУЮ ПОВЕСТЬ —
О СЕБЕ И СВОИХ ДРУЗЬЯХ. ОСУЩЕСТВИТЬ
ЭТОТ ЗАМЫСЕЛ НЕ УСПЕЛ.
В «ДИВНОГОРСКИХ ЭТЮДАХ» ПРЕДСТАВЛЕНА
ЛИШЬ НЕБОЛЬШАЯ ЧАСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИИ
БОРИСА НИКОНОВА.**

Какая она, земля?

Второй день. Я уже знаю, что операция закончилась плохо, и мне почти не на что надеяться. Девяносто шансов из ста, что я никогда не встану на ноги. Я думаю об этом как-то отрешенно, но невидимо и неуклонно между мною и всем остальным миром растет глухая стена отчуждения. Это происходит само собой, временами от боли я тупею, и тогда мне становится все равно.

Через два часа после операции у меня останавливалось сердце. Сейчас я чувствую, как оно утомленно стучит в груди и мне уютно от этого, как бывает уютно от сонного стука стенных часов, когда за окном долгий дождь. Я прислушиваюсь к этим упругим толчкам моего, живого сердца.

Но вот опять наваливается давящая тяжесть, я проглатываю крик и молча плачу от бессилия и сумасшедшей боли. Даже сквозь сошуренные веки по глазам бьют ослепительные вспышки, потом плывут разноцветные круги, я чувствую внезапное облегчение, и сразу проваливаюсь в темный, глубокий сон.

— Опять кричал. Тяжело парню...

Все это я слышу сквозь сон, приоткрываю глаза, и, как продолжение сна, вижу перед собою где-то внизу удлинненное, симпатично очерченное лицо и глаза — синие-синие, как у ребенка. Голова тоже мальчишечья: круглая, русоволоса, а на макушке вихры.

Это мой старший друг — Солдатов. Ему сорок пять лет. Он был на войне, несколько раз ранен, принес из промозглых окопов болезнь, и она отняла у него обе ноги, одну руку по локоть, а на другой оставила всего три пальца.

Солдатов сидит на полу на бордовой ковровой дорожке, опираясь куцым обрубком руки о край моей койки.

Солдатов... Подходящая фамилия. Верно, у него была крепкая сутуловатая фигура, вот эта русая, круглая по-мальчишечьи голова и, конечно, синие глаза, до слез обвораживающие девчонок.

Он поворачивает ко мне лицо, и я совсем рядом вижу его внимательные глаза, а в них

неожиданное, пляшущее озорство. Озорство такое, что и мой глаз поневоле прищуривается и подмигивает.

— Ожил, братцы! — картавя, объявляет он, а потом бодряще подмигивает мне.— Теперь-то презимуешь!.. Борис, Борис, как ты кричал!..

Солдатов сочувственно мотает головой, но глаза его так же брызжут весельем, и он, кажется, немного чувствует себя виноватым, что он сам весел, а у меня такая боль.

Опираясь на уцелевшую руку, Солдатов отползает от моей койки — хоп! — и уже примостился на край койки моего соседа.

— Дожил! Высох весь. Уже и сидеть не на чем, — сеует он, примашиваясь поудобнее.— Вот подлечусь и — к старухе. Хо-ро-о-шая она у меня! Возится со мной, как с дитем. Надоед я ей, верно. У нас ведь ребяташек целый батальон. Эх-ха...

Картаво выговаривая горькое повествование, Солдатов обводит всех поочередно живыми глазами, на его лице отнюдь не разочарование, он, видимо, гордится своим «батальоном ребяташек».

— Дайте хоть закурить, братцы, с горя! — просит он.— А ты, Борис, терпи. Ноги у тебя ведь целы. Молод. Выживешь и здоров еще будешь. Жалко тебя...

Люди не любят жалости, но Солдатов говорит с пафосом веселого бога, пропившего свой нимб и потерявшего от этого способность милость и исцелять. Мне не обидно.

Солдатов берет папиросу, закуривает, густо пускает дым в потолок, его круглый подбородок морщится от удовольствия.

Каждый раз, бывая в нашей палате, он скорее с удивлением, чем с грустью, рассказывает о чем иногда думает: лучше бы он, Солдатов, умер, чем мучить себя и жену.

— Много мне горя выпало. Признаться, всякое бывало, но умереть мне никогда не хотелось. Но и умереть не боюсь, — говорит Солдатов мне и, помолчав, добавляет стереотипно, но мудро:— Человеку жить нужно.

Успокаивающая усталость опять наливает мое тело, смотреть становится больно, я закрываю глаза и сквозь чуткую дрему слышу, как Солдатов говорит:

— Он задремал. Я к себе пошкондыляю! И тихо слезает с койки соседа...

Ночью я сплю тяжело, часто просыпаюсь, но на утро к своему удивлению чувствую себя лучше. Мне делают перевязку и, когда на спине отдирают приклеенную повязку, мое лицо покрывается крупным, холодным потом.

За окном начало марта, небо серое и низкое,

капают сосульки, и весь воздух пронизан тревогой просыпающейся земли.

И хоть я оступел от этой проклятой боли, на меня вдруг наваливается чувство смутного неудовлетворения и одиночества. Я вспоминаю шершавую, горькую кору весенних верб, прошлогодние, седые ковыли, засоренную зимой пахнущую терпко землю в березняках, серый, вздувшийся лед на речушках и так остро вдруг понимаю их чистое целомудрие, неброскую красоту. И все это кажется мне таким недоступным, как в детстве мечта о море, что я беспокоюсь на койке; и очень хочется мне понюхать горсть прелой земли...

В углу палаты лежит новичок. Он три дня здесь, я ни разу не видел его лица, но уже знаю, что у него порван спинной мозг. Такие никогда не встают на ноги.

Теперь я лежу уже на правом боку. И когда открыли дверь нашей палаты, я вижу в палате напротив койку Солдатова. Солдатов сидит посреди койки и, прижав к груди оставшуюся целой, но уже большую руку, замороженно глядит в окно. Но лицо его все-таки вздрагивает от боли.

— Э-э-э! — кричу я, и мне становится смешно от моего немощного голоса.— Солдатов!

Солдатов вертит русой головой, наконец встречает мой взгляд, и я вижу, как его глаза улыбнулись. Он машет рукой, качает головой, знаками спрашивает меня, нет ли в нашей палате врача. Я отрицательно качаю головой.

Через пять минут Солдатов опять сидит на койке моего соседа и, нещадно дымя, рассказывает очередную побасенку.

Вдруг Солдатов обрывает рассказ и поворачивает голову. Я проследил за его взглядом и увидел в дверях высокую, черноволосую женщину с большими темными глазами. Она оглядела палату и, сощурив глаза, прошла к койке новичка.

Солдатов застеснялся, застегнул на все пуговицы рубаху и пригладил на макушке вихры. Я отчетливо видел лицо пришедшей женщины, ее чуть курносый, капризный нос, длинную шею, большой рот с красивыми, но слабыми губами.

Мы расставили шашки и рассеянно делаем ходы, невольно прислушиваемся к разговору в палате.

Зажгли свет. Я протягиваю руку, чтобы сделать ход, но от койки новичка поднимается женщина, нервно проходит мимо и сбивает полый халата черную шашку.

Женщина возвращается, поднимает шашку и подает ее мне. Я беру и нечаянно касаюсь ее руки. Рука немного шершавая и теплая.

Когда женщина выходит, в палате воцаряется минутная тишина. Я вижу, как Солдатов виновато сползает с койки, смотрит на пол сердитыми глазами.

Он заталкивает болтающийся рукав под мышку, прижимает его куцей культей и, не кивнув мне на прощание, уползает из палаты. И я чувствую себя каким-то виноватым.

В этот день в нашей палате не затевают общих разговоров. Посетители словно бы чувствуют что-то неладное, уходят раньше обычного.

После ужина я задремал, сердце больше не скачет и не отдается в ушах. Я вижу большое чистое поле, пса Казбека, одурело лающего на повисшего над полем кобчика, но опять перед глазами огненные круги, и я просыпаюсь от собственного крика...

*Я во сне назову по имени,
Что молчит, что уже не поет.
В моей памяти,
Словно размытой ливнями,
Детство мое...
Голубые дымы над вечером,
Степью скачущий рыжий конь,
И березы зажженными свечами —
Их живой и зеленый огонь...*

Рыжий конь

Пыльный узкий переулок. Дощатые заборы, тщательно охраняющие дома. В их тени ядовитозеленая трава и лохматые, разморенные жарой дворяги. Пахнет разогретой польню. В воздухе летают голубые, сверкающие нити паутины. Скоро осень.

Петька ехал на коне. Конь резвый, белый, в рыжих пятнах — и очень добрый. Его Петька нашел в березовой роще: кто-то срубил березу, а вершину оставил. Чудаки.

Проезжая мимо собак, Петька пришпорил коня. Собаки от удивления попрытали языки: конь замечательный.

Проскакал Петька опасный собачий переулок и придержал коня на яру. Внизу раскинулся Енисей. Вдали остров, как окаменевший корабль. Посреди острова скала, красная и приземистая. Под той скалой живут разбойники — бородатые и горбоносые. Ограбят корабль, разожгут костер, ром пьют и поют песни. Петька оставил коня на яру, сел на песок и — вниз, как самолет, только пыль пошла. Отряхнул трусы и, задрав голову, крикнул:

— Тпру! Не балуй там! — Конь норовистый попался.

У воды Петька снял трусы и пробежался, поднимая брызги. Все равно как индеец. Выбежал на глинистый уступ и замер: совсем рядом огромный пес лапой по воде шлепает. А под

уступом ласточка на воде распласталась. Трепещет вся.

— Цыть! — замерев от страха, крикнул Петька. И тихо добавил: — Тышача чертей...

Пес упруго сжался и оскалил желтые клыки.

— Уходи! — строго сказал Петька. — Жлой пеш...

Пес нехотя отошел в сторону и, лениво потягиваясь, косился на Петьку. Петька лег животом на уступ, протянул руку и взял ласточку в кулак. Крошечное тело птицы беспомощно и тревожно забилось в его пальцах. Маленький клюв небожно щипнул за палец.

«Щипается!» — удивленно обиделся Петька. Дипломатично стряхнул со смуглого живота приставший мусор и спросил:

— Из Африки жначит?

Ласточка склонила голову на одну сторону и тихо прошептала.

— Оттуда, жначит, — нисколько не удивляясь, уточнил Петька. — Молодец, братец.

Волны ударились о берег и тихо засмеялись.

— У меня конь штоит на яру, — сообщил Петька и нерешительно добавил: — Белый, в рыжих яблоках... Только без крыльев.

Бусинка птичьего глаза с любопытством косила на Петьку.

Петька сел на белый ком глины и подставил ласточку солнцу.

— Вышохнешь — и улетишь... — вздохнул он. — Какие там львы в Африке? Ты видела?

Ласточка выкарабкалась из кулака и, укрепившись на пальце, стала обстоятельно чистить перья. Петька пошевелил пальцем, ласточка забавно закачалась, затрепетала вилочкой хвоста, сохраняя равновесие.

— Ты можешь вжлететь выше неба? Какое оно, небо?

Он завистливо смотрел на птицу...

Солнце лилось на землю ярко и ласково. Шептала река. В вышине, как распахнутые крылья, плыло перистое облако. К ногам Петьки упала тень, и женский голос строго приказал:

— Отпусти птицу, жестокий мальчишка!

Ласточка встрепенулась, вспорхнула и стрелой понеслась над водой. Петька помахал ей рукой и, важно сказав: «Опять утонет», поднял голову. Рядом стояла красивая тетенька и строго хмурила брови.

— Я не держал ее, — спокойно пояснил Петька. — Она упала в реку.

— Ласточка не может упасть в реку! — возмутилась тетенька.

— Упала, — был солидный ответ.

Она пожала плечами и спросила:

— Где твои трусики? Такой большой и без штанов.

— Ражбойники украли...

— Разбойники украли? — Светлые брови женщины недоуменно взлетели.

— С острова, — снисходительно ответил Петька. — Они под крашной шкалой... Налетели на меня ш ножами, ш пиштолетами... Тышача чертей.

— И ты говоришь правду?

— Правду, — кивнул Петька.

Взяв горсть горячего песка, он посыпал им смуглый живот.

Воцарилась тишина. Ветер прилетел с реки и растрепал волосы женщины. Где-то далеко прогудел пароход.

— Ты красивая, — четко сказал Петька.

— Почему ты говоришь взрослым «ты»? — строго спросила она. — Сколько тебе лет?

— Тышача...

— Иди домой, — внезапно смутясь от его восхищенного взгляда, сказала она. — И никому больше никогда не ври. Это нехорошо.

Маленькая фигурка поднялась и покорно закарбкалась вверх по склону. Шурша, посыпалась глина. На середине подъема фигурка застыла, и голос Петьки звонко прозвучал с высоты:

— У меня на яру штоит рыжий конь. Я увежу тебя на нем на тот остров, где живут ражбойники, и женюся на тебе. Только я шначала немного вырашту.

Петькин голос походил на шипящий примус.

— Я пошкачу домой, буду есть кашу и вырашту очень быштро. До швидания!

Женщина в изумлении кивнула и неожиданно для себя помахала Петьке узкой ладонью.

— А правда, — тихо спросила она, — правда, что я красивая?

— Да, красивая, — эхом отозвался Петькин голос.

Женщина присела на корточках у воды и опустила в воду руки. Волна текуче тронула пальцы, чуть слышно плеснув...

Казалось, что женщина беззвучно зовет кого-то.

*Детство, детство — роса моя...
Детство — песня, так и не спетая,
В жизни этой земное самое,
Золотое мое и светлое...*

Поп на «бобике»

Святой отец прибыл на машине, которую по-собачьи звали «бобиком». Его рыжеватая борода развевалась по ветру. Ветер упруго надувал ряску на спине. «Бобик», отчаянно чихая, промчался по деревенской улице.

Первой попа увидела бабка Арышиха, возвращавшаяся из селпо. Бабка испуганно ахнула,

поставила бидон с керосином на песок и набожно перекрестилась на синеватый бензиновый дымок. Она приняла бы все это за священный сон, если бы «бобик» не затормозил у избы Лалетиных. Старчески крикнув, кузов перекосялся вперед, потом назад и встал на место.

— К-ха! — густо кашлянул поп и сказал шоферу: — Спасибо, православный.

— Так точно! — по-военному ответил шофер. Он никогда не возил подобного начальства и малость растерялся.

Навстречу попу выплыла дебелая Лалетина и вкусно приложилась к руке святого отца.

— К-ха! — снова кашлянул тот и благословил Лалетину размашистым крестом.

От попа пахло ладаном и одеколоном «Шипр». Из-под просторной рясы выглядывали носки модных узконосых ботинок. Мальчишки, не разобравшись в чем дело, завопили в полном восторге и кинулись к машине:

— Гля! Тетенька с бородой! Тетенька с бородой!

— Врешь! Это артист из клуба!

— Да это поп! Я точь-в-точь на картинке видел!

Святой отец лукаво спрятал улыбку в бороду. Мы не успели рассудить до конца, кто приехал, как он уже снова вышел на крыльцо и стал одаривать всех удивительными конфетами — длинными и круглыми.

— Зовите меня, деточки, батюшкой. Будете?

— Бу-удем! — дружно соглашались мы, смачно посасывая кисленькие конфеты и, как галчата, вытягивали шеи, ожидая, что скажет «батюшка» еще. А он продолжал:

— Приходите, деточки, креститься. Придете — я вам дам сладкого вина по ложке и еще по конфете. Придете?

— При-и-дем! — отвечали мы хором.

Конфета была вкусной, и я с аппетитом сосал ее. Мне очень хотелось узнать, носит ли святой отец штаны. Но спрашивать было как-то неудобно.

Потом пришли старухи с узелками и отгеснили нас. За ними прикатил на мотоцикле кино-механик Аркашка. Аркашка был нашим кумиром. У него была одна нога, но он классно ездил на мотоцикле, отпуская руль на ходу. Кроме того, он умел ходить на руках и даже играл в волейбол.

Аркашка хотел подойти к попу и вступить с ним в антирелигиозный спор, но при первых же словах: «А вот скажите...» — его оттащили разгневанные старухи, и бравому кино-механику пришлось срочно спасаться. Он вскочил на мотоцикл, завел мотор и, крикнув: «Отсталый вы народ, бабуси! Больше ни на одну кинокартину не пушу!», — рванул с места.

...Я успел посмотреть, как крестили моего друга Ганьку Лалетина. Святой отец обмакнул

Ганьку в чугунный чан, стукнул его по лбу крестом и пробасил (через окно было хорошо слышно): «Во Христе креститесь, во Христа влекотесь! Алилуй-я-аа!»

Куры испуганно сыпанули из-под окна, где они купались в пыли. Радужный петух оскорбленно закукарекал. Старухи благостно поджигали губы и возводили очи к небу.

В этот момент меня кто-то сильно потянул сзади. Я оглянулся и увидел мать.

— Да вот, — пробормотал я, холодея от предчувствия.

— Не давай! — строго сказала мать. И повела к дому.

Дома она заставила меня раздеться и вытащила из сундука новую ситцевую рубашку.

«Креститься», — окончательно сообразил я. На мое счастье рубашка оказалась неглаженной, и мать побежала за утюгом к соседям. «Чтоб ни шагу с лавки, — предупредила она меня, — а не то...» Я поджал ноги и мученически притих.

А у соседей разыгрывалась настоящая трагедия. Бабушка решила окрестить тайком от родителей Люську, а та не давалась и плакала навзрыд. Забившись в угол, она выкрикивала сквозь слезы: «Я-а ю-у-ная пионерка... Торжественно...»

Люська плакала так самозабвенно, что бабка порядочно перетрусилась и побежала в сельпо покупать ей капроновые ленты для кос. Я видел, как она прошаркала мимо нашего окна.

Я думал недолго. План созрел моментально. Напялил на себя шубу, схватил со стола краюху хлеба, прошмыгнул в огород и полез в погреб. Осторожно прикрыв крышку, я оказался в крошечной тьме. Ощупью прошел в угол и сел на кучу прошлогодней редьки. Было страшновато, но меня утешала мысль, что если нет бога, так и чертей не должно быть. И я твердо решил просидеть в погребе хоть неделю, пока не уедет поп.

В погребе было холодно, и у меня замерз нос. Завернувшись в шубу, я стал думать на разные темы. Мне хотелось чаю с вареньем и дружить с Люськой, раз она такая замечательная пионерка. Потом я вытащил из кадки малосольный огурец, разломил краюху, и мне почти понравилось в погребе. Пахло укропом и редькой. «Кап-кап», — монотонно капала вода. Назло попу я еретически решил двести раз сказать слово «черт», и уж не помню, на котором черте заснул.

Мне снился поп. Он задрал рясу и ухарски ездил на Аркашином мотоцикле, руля ногами.

Проснувшись, я решил, что опасность миновала. Поднялся по лесенке и открыл крышку. По небу полыхал закат. Мой щенок не узнал меня и, воинственно задрав хвост, обошел меня кругом.

— Трезор! — жалобно позвал я.

Шенок изумленно гавкнул. Я поднял полы шубы и направился к дому. На крыльце сидела Люська. В ее косях красовалась новая лента. Люська во все глаза смотрела на меня.

— Поп уехал?

— Уе-е-ехал!— протянула Люська. И, не выдержав, расхохоталась. Ее курносый носик совсем сморщился. Я восхищенно глянул в зеленые Люськины глаза и, скинув шубу, сказал:

— Хочешь, пройду на руках до курятника не хуже самого Аркашки?

Люська царственно кивнула.

Я встал на руки и, болтая ногами, пошел к курятнику. Я шел и видел вконец ошалевшего щенка, смеющуюся Люську, дома и небо, но все это вверх ногами...

Серезкино небо

У Серезки потерялась фуражка. Еще вчера он точно помнил — она была у него на голове, а сегодня мать сказала, что он может не являться домой, пока не найдет пропавшую фуражку.

Серезка лежал на крыше и думал. Сначала он думал о фуражке, потом, что лучше — утопиться или застрелиться, но так как ни одной порядочной речки, ни пистолета под рукой не было, ему ничего не оставалось, как жить. Он смотрел на небо. Там шли тучи. Тучи походили на корабли, на которых Серезка был капитаном. Вокруг суетилась славная команда: у кого нет глаза, у кого уха. Все, как полагается у пиратов. Серезка плыл.

Он был уже приблизительно в Африке, когда внизу яростно закричал петух. Серезка отдал якорь и подполз к краю крыши. Внизу незнакомая девочка, тоненькая, в красном платье с горошками отбивалась от наскоков петуха Гришки. Гришка был агрессором деревенского масштаба. Он не любил, когда люди одевались в красное и отстаивал свою точку зрения.

Серезка мгновенно оценил ситуацию и прыгнул с крыши. Гришка не успел одуматься, как Серезка схватил его за длинные ноги и перебросил через высокую ограду в соседский двор. Гришка возмущенно кукарекнул и стал ходить вдоль ограды, заглядывая в узкие щели своим злым глазом.

— Привет,— снисходительно сказал Серезка.

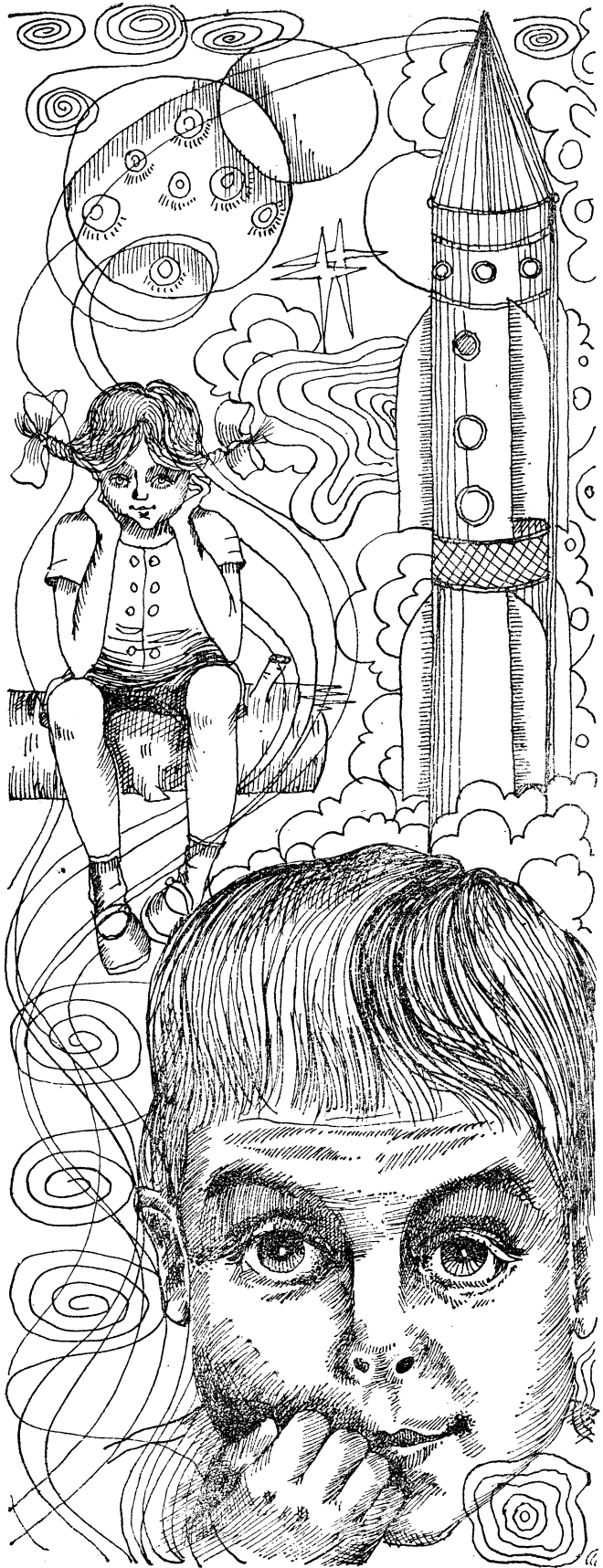
— Здравсте,— сказала девочка.

Больше Серезке сказать было нечего, и он замаялся. Ему не хотелось уходить.

— Как вас звать?— спросила девочка.

— Серезкой...

— А меня Таей зовут. Я вчера к бабушке приехала,— представилась девочка.

— К Федоровым, значит?

— Ну...

Сережке нравилась бабушка Федориха. У нее было доброе лицо и морщинистые руки. У Сережки не было ни бабушки, ни отца. И ему хотелось, чтобы кто-нибудь был.

— А у меня тоже бабушка есть,— соврал он хмуро.— Только она далеко-далеко живет.

— Где? — спросила Тая.

— Где кончается небо,— ответил он. Увидев засветившиеся любопытством Таины глаза, он уже не мог остановиться и начал вдохновенно врать:— Там звезды яркие-яркие, а солнце огромное и лохматое. Земля оттуда, как голубой шар. Ночью видно огни — там, где Москва.

Сережка покосился на изумленно приоткрытые губы и продолжал:

— Там строят межпланетную станцию для космических кораблей. А бабушка там инженером. Когда построят станцию, покрасят ее красной краской и напишут в газетах. А на самом верху поставят флаг огром-мм-мный и с красной звездой. Он будет стоять, а мимо метеориты огненные. А ему хоть бы хны! А под флагом будет стоять часовой, чтобы ни один капиталист не пробрался. Сейчас пока нельзя это никому говорить — это тайна. А когда построят — бери билетки и фи-и-иють! — туда всем классом на экскурсию.

Он еще долго рассказывал всякие подробности про луну, про ракеты. За огородом бегали мальчишки и яростно стреляли из деревянных автоматов «тр-р-р-рр!», но, удивительно, сегодня Сережку почему-то никак не тянуло к ним.

— Тая, обе-е-да-а-ть! — раздался протяжный голос бабушки Федорихи. Тая встала, одернула коротенькое платьице и нерешительно остановилась. Сережка грустно шмыгнул носом и поглядел на царапину на ее коленке.

— Иди,— сказал он.— Я приду. Потом.

Он ползл домой. Мать встретила его на пороге:

— Нашлась твоя фуражка,— сказала она.— У Федоровых в огороде. Опять, наверное, лазил?

Как теперь можно было идти к Федоровым, когда там Тая? Снова мрачные мысли овладели Сережкой. Он молча брел по улице, когда его окликнули из ограды Федоровых:

— Сережка!

В ограде стояла бабка Федориха и молодой мужчина.

— Тая, принеси фуражку! — крикнул мужчина.

— Пожалуйста, не говорите ничего Тае,— забормотал Сережка.— Я в огород лазил за пчелами наблюдать. Я прочитал, что они умные, как люди, но это только инстинкт.

Мужчина захохотал.

— Ай да Мюнхаузен! Тае про звезды, а мне про пчел заливаешь!

Мужчина взял у подошедшей Тае Сережкину фуражку и нахлобучил ее ему на глаза.

Сережка чуть не плакал:

— Был бы мой папка живой, он бы вам показал! Он комиссаром на бронепоезде был!

И пошел по улице.

Мужчина растерялся.

— Догони,— сказал он Тае,— скажи, папка, мол, пошутил!

Но Тая почему-то вдруг заплакала.

— Ты нехороший, нехороший! И все это правда: про станцию и про звезды. Есть такая станция! Там часовой стоит, чтоб ни один буржуй не пролез за секретами! Вот!

Валерка

— Здравствуйте, товарищи больные! — сказал Валерка, заходя в палату. Он подражал доктору Владимиру Ивановичу Можейко: стоял, нахмутив брови и сцепив за спиной руки, рассеянно притоптывая ногой.

— А, Валерий Петрович! — посмеивались больные.— Ну, давай проходи. Что новенького в ваших краях?

— Уко-олы,— уныло тянул Валерка.

— Куда ты сегодня прятался?

— В тумбочку! — повеселел Валерка.— Мы полочку вытащили, и я туда. Владимир Иванович пришел, что, говорит, за безобразие — все продукты наверх выложили. Посмотрел, а я там!

А сестра «с уколом» его в туалете искала. Там какой-то дядька был, а сестра стучала и говорила: «Валерка, вылезь сейчас же!»

Палата держалась за животы.

Валерка тоже смеялся — весело и заразительно. Но в глубине его светлых глаз замерзшей крупницей притаилась недетская грусть. В свои шесть лет маленький дивногорец перенес две тяжелые операции — два розовых шрама наискось перерезали его затылок.

— Валерий Петрович, расскажи стишок? — предложил кто-то.

Валерка не заставил себя упрашивать. Он сел на койку и стал декламировать:

*Я знаю, что надо придумать,
Чтоб не было больше зимы,
Чтоб вместо высоких сугробов
Вокруг зеленели холмы.
Смотрю я в стекляшку
Зеленого цвета
И сразу зима
Превращается в лето.*

Потом Валерка пел частушки:

*Мы с товарищем летели,
Примостились в хвосте.
Ну, а хвост-то отвалился
Ох, на двенадцатой версте...*

Уперев руки в бока, притопывая разношенными больничными шлепанцами, он плавно ходил по кругу, похожий в эти минуты на маленького пьяненького старичка.

— Хватит, Валерка! — просил я его.

Валерка соглашался и охотно садился на мою кровать. Я рассказывал о невероятных приключениях, о которых когда-то читал. Валерка сидел, затаив дыхание.

Как-то я шепнул ему на ухо, что умею колдовать. И если он не против, то я превращу его в лошадь и на нем буду ездить верхом. Валерка улыбнулся моей шутке и целый вечер недоверчиво разглядывал меня. Он пришел ко мне, когда уже потушили свет, в одних трусиках и майке. Залез ко мне под одеяло и, немного помолчав, зашептал на ухо: «Заколдуй так, чтобы у меня голова не болела. Ведь тебе это не трудно. Ты попробуй — может, получится?»

Не знаю, чтобы я ему ответил, если бы в палату не зашла сестра и не велела идти Валерке на место. Валерка осторожно сполз с кровати и пошел к себе. В светлом проеме двери мелькнули худые мальчишеские локти, белый затылок, и Валерка ушел, осторожно шлепая по коридору.

А я долго не мог уснуть и, съездившись под одеялом, смотрел в окно, где холодно и ярко переливались огни большого города...

*Журавли улетели.
Метели, метели...*

Был обед. В коридоре послышались торопливые шаги, кто-то громко вскрикнул, и стало отчетливо слышно, как в коридоре надрывно плачет женщина. Это была Валеркина мать. Она вошла в палату, увидела чисто заправленную постель и сразу все поняла.

Наша палата угрюмо молчала. Только в углу возился рыжий юркий мужичок. Он искал затерявшиеся где-то три рубля. Наконец, найдя их в кармане пижамы, он успокоился, и, сидя по-турецки на одеяле и глядя в потолок, вздохнул:

— Плачет-то как, сердешная!..

Ночью у Валерки был приступ. Он умер на операционном столе. Я слышал, как ночью на посту лихорадочно кипятили инструменты. Инструменты позвякивали торопливо и бесполезно...

*...Метели, метели,
Дни, как недели...
Тоскливо.
Дождик и дождик,
Лениво
По стеклам, как будто слеза.
А небо, как черная рана...
Но сквозь пелену тумана
Смотрят так грустно и мило
Синие чьи-то глаза...*

Друг

У меня был друг. Витька. Мы с ним одного роста, только он сильно шуплый. И еще Витька заикался. Заикаться он стал после того, как почту (Витькин отец работал начальником почты, и они жили через стенку) попытались ограбить. Отец стрелял, и Витька уверял всех, что его, Витьку, контузило пулей. Когда же слушатели недоверчиво спрашивали: «Как же это он стрелял, что чуть тебя не прихлопнул?», Витька возмущенно отвечал: «Я же с-разу в-перед ринулся! В-вот и заикаюсь...»

В Дивногорск мы приехали почти одновременно. Вместе знакомились с городом, который тогда еще не был городом, а просто рабочим поселком. Вытягивая шеи, высились тут строительные краны, а рядом с домами росли красивые гроздьи брусники.

В школе мы сели с Витькой за одну парту, но просидели недолго. Через урок всех рассадил: мальчик с девочкой, девочка с мальчиком — в целях воспитания. Все-таки пятый класс! Большие уже.

Учили нас в школе всем предметам, а сверх того труду и танцам. За танцы я получил тройку. Отдав ноги партнерше, а под конец безумно влюбился в тоненькую высокую Валю Кочуру. Витька понял меня: он сам был безнадежно влюблен в ее подружку Надю.

С уроков мы шли за девочками, выдерживая двенадцатиметровую дистанцию. В старом заброшенном карьере, наполовину заполненном водой, я читал Витьке стихи о любви. Витька вздыхал: «Ну их, п-п-переживательно слишком.— И хлопал по правой стороне груди:— И т-так сердце б-болит».

А однажды я рассказал потрясенному Витьке под большим секретом, как у этого самого карьера я спас Валю от американских шпионов. Я сидел здесь, когда эти шпионы потащили Валю, связанную по рукам и ногам, в тайгу. Была уже почти ночь. Я сразу догадался, в чем дело, и, выхватив перочинный нож, бросился на шпионов. Тут как раз вышла луна и кровью заиграла на лезвии ножа. Шпионы, понятно, испугались — и в тайгу.

Я рассказывал, а глаза подозрительно пощипывало. Мне начинало казаться, что я говорю правду, что все это действительно было. Я даже показал Витьке то место, где лежала связанная Валя и где я освобождал ее от пут своим острым ножом. Витька, пораженный моим героизмом, нетерпеливо дергал меня за рукав:

— Д-дальше что?

— Ну, развязал я ей руки. Она упала ко мне на грудь и плачет радостными слезами. «Кто ты? — спрашивает.— У тебя сильные руки и львиное сердце!»

— Как ж-же она т-тебя не уз-знала? — зааикался Витька.

— Так ведь ночь — темно.

— Н-ну, т-тогда, к-конечно...

— «Нет,— сказал я Вале,— я не скажу, кто я есть...» Так мы и расстались.

Витька подавленно молчал. Он мучительно завидовал мне.

...На другой день все уроки напролет мы писали девчонкам письма. Я — Вале, Витька — Наде. На переменах мы выпроваживали всех из класса, чтобы не мешали, и продолжали писать. Дверь мы запирали шваброй.

Из-за швабры все и получилось. В первый раз, когда дверь застонала от напора и голос Генки Закусилава загремел по ту сторону: «Именем закона откройте или я вам поотвинчиваю голову!», — мы и не подумали открывать. Но потом, когда дверь на время успокоилась и опять задергалась, на этот раз без крика, Витька не выдержал.

— Ну, погоди,— сказал он, пряча треугольник письма в карман.— Я т-тебе п-покажу.

Он подошел к доске, взял мокрую тряпку и, подойдя к двери, притаился, потихоньку убрав швабру. Дверь открылась. Витька яростно взмахнул тряпкой. Раздался шлепок и растерянное «ой!» Витька ошалело замер, разинув рот.

— Ты что?— испугался я за него, но Витька не мог вымолвить ни слова. Наконец, он еле-еле вытолкнул из себя:

— Е-ей-б-б-б-б-богу, я-я н-н-не х-хотел, честное пионерское.

Я выглянул за дверь — и все стало ясно. У окна стояла Надя и плакала. Плечи у нее вздрагивали.

— Иди и извинись,— прошипел я.— Сейчас же!

Витька вышел из класса, как на эшафот.

— Н-Надя, я-я, е-ей-б-б-богу, не х-хотел!

Одним пальцем он осторожно прикоснулся к Надиному плечу. Надя дернула плечом и немного отодвинулась. Витька робко покосился на меня. Я сделал зверскую рожу и показал ему кулак.

— Н-ну в-вот,— потерянно пробормотал Витька.

Я понял, что ему нужно немедленно помочь и решительно двинулся к ним.

— Надя,— сказал я,— не обижайся, он хороший. Когда его наказывают, он и то не плачет. Ну, подумаешь, тряпка! Она же мягкая! Хочешь, я его три раза этой тряпкой ударю?

— Хоть сто!— с готовностью отозвался Витька.

Надя успокаивалась и плакала уже, наверное, по инерции. Я до того увлекся уговорами, что не заметил, как к нам подошла Валя.

— Что с тобой?— спросила она Надю.

— Они меня тряпкой ударили,— все еще всхлипывая, ответила Надя, мотнув головой в нашу сторону.

Все было кончено.

— Вот и люб-би таких,— невесело сказал Витька, когда возмущенные подруги торжественно удалились. Я изорвал недописанное письмо и бросил его в мусорницу.

Длинной была в тот день дорога к дому. Мелко и надоедливо моросил дождь. Серое небо прогибалось под тяжестью дождевых туч. Витька шел впереди, топая сапогами прямо по лужам. Я его вполне понимал и шел, отстав метра на два.

Мы уже подходили к дому, когда Витька, размахнувшись, бросил белый треугольник письма в большую лужу. Я подобрал длинную рейку и подтянул письмо со середины лужи к себе — вдруг кто-нибудь чужой достанет и прочтет Витькино письмо.

— Витька,— нерешительно окликнул я друга,— можно почитать?

— Ч-читай,— не оборачиваясь, отозвался Витька и махнул рукой.

Я на ходу развернул подмокшую бумагу. Посредине большого листа было написано всего несколько строчек:

«Надя, ты мне очень, очень нравишься. У тебя большие глаза, и ты вся такая красивая. Боюсь соврать и потому не утверждаю, что люблю тебя. Но когда я долго не вижу тебя, мне становится очень грустно. Я буду твоим другом, настоящим другом, если ты этого хочешь.»

Кириллов».

Я остановился. Я вспомнил свое письмо, написанное на двух листах, и мне стало стыдно. Витькино письмо было безусловно лучше. Намокшая бумага рвалась бесшумно. Я бросил обрывки на ветер.

Витька был уже далеко. Понура голову, шел по пихтовой аллее. Среди этих громадин Витькина фигура казалась беззащитной и хрупкой.

— Витька!— закричал я.

Он остановился и махнул мне рукой: догоняй!

*Январь и стужа,
И снег,
и снег,
И шепчут ели:
«Не верь,
не верь,
Зима не век.»*

*Придет апрель,
Опять ручьи,
Черемух дым,
И россыпь звезд,
Ничьих,
ничьих...»*

Мой город

Мне ярко помнится Дивногорск шестидесятого года: горластый, дымный, движущийся. Грязные, размокшие от дождя улицы. Весь город был ископан вдоль и поперек канавами, и дивногорцы, как матросы, качались на дощатых переходах. Робко охали старухи, а мальчишки по качающемуся трапу обязательно бегом: тр-р-рах! И брызги, и хохот.

В Дивногорск я ехал из деревни сложно: на старой телеге, на «газике», на теплоходе и, наконец, на автобусе. Теплоход был переполнен. Люди спали даже в узких длинных коридорах, прямо на чемоданах. Всю ночь я хлюпал ботинками по мокрой блестящей палубе, наслаждаясь самостоятельностью, глаза на плывущие береговые огни, на мигающие бакены. Потом Дивногорск слился в моей памяти с плывущим в ночи теплоходом, потому что здесь, как на теплоходе, была теснота, а с неба неустанно сыпал мелкий дождь на шиферные крыши, на дороги, на людей. Пахло водой и прелью.

Мне, деревенскому мальцу, казался странным этот город с ревущими самосвалами, молодыми горластыми рабочими и со своим огромным невероятным делом, которое я ощущал очень смутно. Предоставленный в первые дни самому себе, я обстоятельно знакомился с Дивногорском, огромным и неизвестным, как страна. В вельветовых штанах, в ботинках с рыжими загнутыми носами, я ходил осторожно и независимо — осматривался.

На одной строительной площадке рослый дядька затопал на меня ногами, пригрозил замуровать в бетон. Я сжался испуганным зверьком, зная, что мне не убежать, и крикнул:

— Попробуй только!

Дядька вытаращил глаза:

— А ну, лови его!

Я опрометью кинулся прочь, с ужасом думая, что будет, если он меня поймает и вымоет бетоном мои новые вельветовые штаны. Куртку я потерял на пароходе, а теперь еще штаны! Но меня никто и не собирался ловить и, поняв это, я снова принял независимый вид и сплюнул сквозь зубы.

— Догони свою бабку! — храбро крикнул я дядьке, которого уже не видел.

Конец лета отличался щедрыми дождями. В августе леса уже стояли желтыми, осыпающимися. В лужи тяжело падали мокрые листья и быстро тонули. А у магазинов толстые сетки торговали арбузами, разложив их на дощатой таре. Дуя на озябшие непослушные пальцы, они кромсали арбузы длинными пиратскими ножами, и разваленный арбуз ярко вспыхивал красным огнем. Озябшие люди тут же хватали тяжелые ломти, ежились, но ели с удовольствием. Счаст-

ливцы! Мне тоже хотелось арбуза, хотя всего крючило от сырого холода.

И когда стали продавать виноград, его тоже ели: крупный, зеленый, в каплях дождя, студеный, как родниковая вода.

И вдруг этот город, непонятный и пока еще чужой, зазвучал для меня праздником, вечным и непроходящим. Ночами я еще скучал, до слез скучал по деревне, по приветливым бескрайним березнякам, по папанам-соратникам. А днями опять бродил по городу, заворуженно и чутко. Дивногорск перемешивал все мои деревенские представления, мял, лепил меня, как хотел.

Я бродил, глаза на все, что было передо мною, слушал все, что говорили. Взрослые толковали о перемычке, все об одном, — и в магазинных очередях, и у арбузных рядов, и на улицах, и на крыльце клуба. Между злыми проклятьями дурной погоде и неудобствам непрестанно повторялись слова: перемычка, бетон, котлован...

Перемычка? Где она? Какая? Мне вдруг страшно захотелось на перемычку. Взглянуть хоть бы одним глазом. И я со своим новоявленным другом Кириллом пехом двинулся туда — из рабочего автобуса нас вытурил какой-то ревнитель порядка в кепочке с пуговкой и в резиновых сапогах.

На перемычку мы не попали: полюбовались на нее с Лиственного моста. Груда камней и земли косо вдавалась в Енисей. Стиснутая вода рвалась в проран. Силы ее не было видно, но катер, попавший в эту струю, казалось, стоял на месте. Только упорно глядя на него, можно было заметить, что он все-таки движется вперед. По мосту, мимо нас, ревя и громяхая, то и дело проходили самосвалы с камнем и бетоном, скачивались с моста на прорубленную в лесу дорогу и почти сразу исчезали, словно проваливались под землю.

— Выдумали: нельзя в котлован! — ворчал себе под нос Кирилл. — Дрожат над своим котлованом. — И, оглянувшись назад, недовольно добавил: — Не могли город поближе построить. Тащись теперь...

Помню, в те годы, когда писали про Дивногорск, обязательно упоминали про медведей. Известно, глухомань. Все верно: в городе была медведица. Жила она в одном из дворов у «подковы» и звали ее Машкой. Медведица была жирной, свойской. Шоколадные конфеты ела с бумажками, а «подушечками» брезговала. Жила она в уютном погребе, во дворе, карабкалась на сосны, насколько ей позволяла цепь, рывкала на мальчишек. Плясать не умела. Потом Машка выросла, поглупела и стала хулиганить. Ее быстро куда-то сплавил, и больше я медведей в Дивногорске не видел. Но вот медвежья ягода на енисейских скалах растет, наверное, и сейчас...

Медвежья ягода

— Мы пойдем в горы,— сказал однажды Витька.— Найдем медвежью ягоду и вылечим отца. Вот.— Он вытер нос рукавом куцой телогрейки и ловко щелкнул братишку по носу.— Дуй за кружкой!

— Все я, да я,— захныкал Мишка.— Сходи ты, а то меня мамка не пустит.

Вскоре они шли к сопкам. Светило солнце и сопки были белы, как сахар. Из белизны острыми клыками вылезали серые скалы и длинные стены утесов. Подо льдом зябко журчала юркая речушка с хорошим именем — Золотой ключ. Дорога вышла к подножью белой сопки и извилисто побежала вверх. По сопке гулял ветер.

— Концлагерь, где папка сидел у фашистов, был на лысой сопке,— сказал Витька.— Сопку ту звали — Лы-сая-я.

— Там страшно,— согласился Мишка.

— Страшно?— Витька укоризненно покачал головой.— Их там били. Папке все внутренности отбили, а он все равно убежал. Ему чех один помог. Мы найдем медвежью ягоду и вылечим папку.

— А летом поедem в город!— подхватил Мишка.— Город бо-о-ольшой! Папка будет совсем здоровый и купит нам сахарной ваты.

Витька покачал головой: «Глупый совсем. Что возьмешь с первоклашки? Другое дело, когда ты уже в третьем...»

Они вышли к изгибу дороги. Вверх по склону тянулась глубокая, защищенная от ветра лощина.

— Иди за мной!— приказал Витька.— И не глазей по сторонам.

Они свернули в лощину. Проваливались по пояс в снег, вылезали на огромные глыбы взрывной осыпи. На каждой глыбе Мишка, озабоченно сопя, подтягивал капризные штаны. Сверху со скал ветер сеял дымок игольчатого колючего снега. Снег падал за шиворот и холодно таял.

На выступе они немного отдохнули. Дома отсюда казались до смешного маленькими. Из труб тянулись сизые дымки и столбами таяли в небе. По улицам бегали игрушечные собаки и лаяли на игрушечных людей. Таинственно и мажуще прилегла у подножья синяя тень сопки.

На следующем уступе росли корявые красноватые кусты. Это и была медвежья ягода. Самих ягод отсюда видно не было.

— Сиди здесь,— сказал Витька,— я полезу один.

Маленькая фигурка Витьки крестиком распласталась на груди утеса. Мишка сжался комочком и следил, как эта фигурка поднималась все выше и выше.

Посыпались камни. Крестик, дрогнув, мед-

ленно пополз вниз, но, вдруг, вытянувшись в струну, задержался и опять полез вверх. Из-за скалы выплыло солнце, и снег заиграл мириадами искр.

Увидев, что Витька забрался на выступ, Мишка плюхнулся задом в снег и счастливо засмеялся.

— Есть ягоды!— крикнул Витька. Эхо поплыло вниз, звонко расколосось о скалы, и вся сопка торжествующе загудела. Теперь-то они вылетят отца. Ведь бабка Арышиха говорила...

Ветер протяжно свистнул по ущелью, рванул со скал кучу снега и, закрутив ее, повесил в небе сверкающей прозрачной пеленой.

Вешкин

Вся его сухая, маленькая и костлявая фигура излучала спокойный, равномерный уют. Лицо его, с плоскими щеками, было нездорового цвета, но симпатичное, и особенно шли к этому лицу вечно неприглаженные, жесткие и длинные усы. Фамилия его была Вешкин.

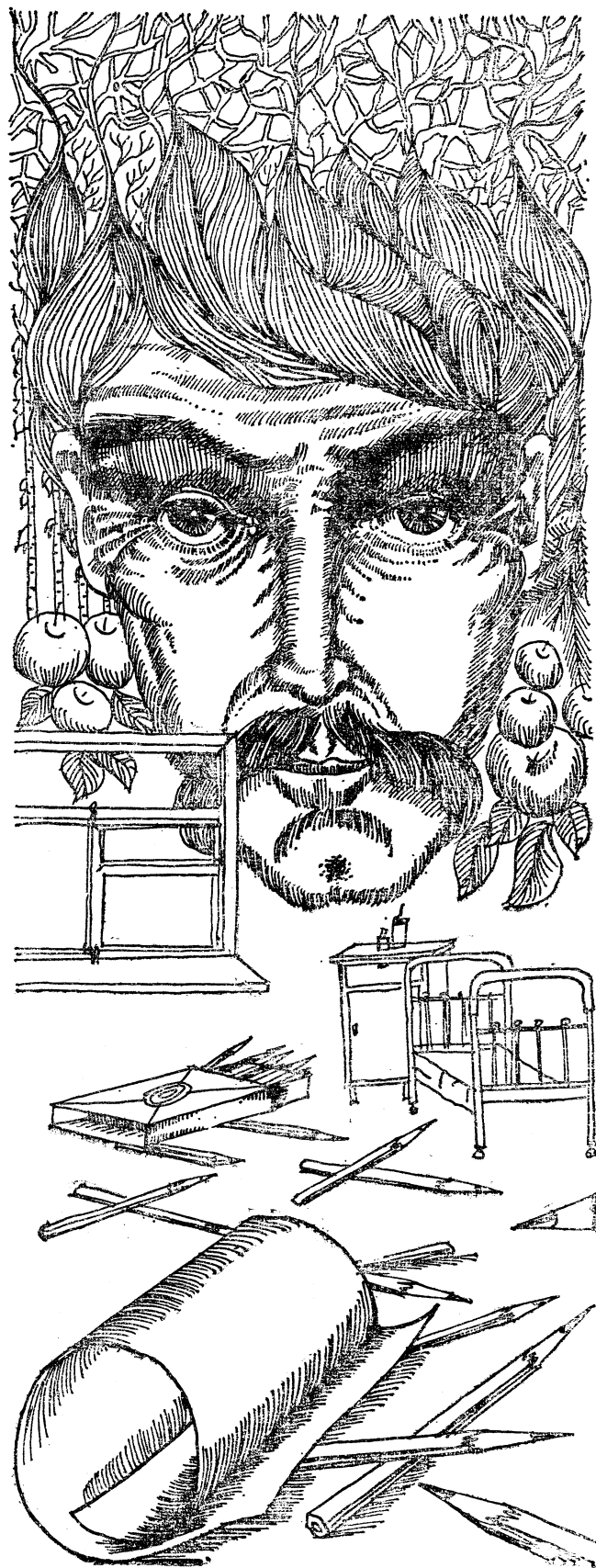
В больницу его привезли в бессознательном состоянии, и всю ночь он метался в бреду, скептики среди больных многозначительно качали головами, но наутро Вешкину стало лучше, а к вечеру он попросил пижаму и сходил в туалет умыться. Шел он осторожно, делая полуобороты всем телом, как будто так легче было переставлять слабые ноги.

В последующие дни состояние Вешкина было неплохим, целыми днями он пропадал в коридоре, играл в шахматы, но по лицам врачей можно было понять, что Вешкин застрял в больнице надолго и основательно. Вскоре к нему из деревни приехала жена, и стала навещаться аккуратно — через день вечером. И Вешкин приносил в палату передачу: салат, помидоры и всегда банку с жареными кровяными котлетами. Эти котлеты он ел и в завтрак, и в обед, и в ужин.

Больные выписывались один за другим, в палате теперь лежали новые, а Вешкина не выписывали. Каждый день на обходе Вешкин спорил с врачами, просил выписать, а если обхода не было, Вешкин шел прямо в ординаторскую и кланчил там:

— Я же в больничной обстановке хуже заболелю! Я лесник, у меня дома свой сад, все условия. Нельзя мне здесь!

Но Вешкину отказывали, и он шел по коридору угрюмый, по-тараканьи сердито шевелил усами. Человека всегда угнетает больничная обстановка, то, что ты больной и зависишь от чужой воли. У Вешкина было и другое: он скучал по лесу, как птица. Это слышно было в его рассказах, видно по его глазам.

Прошел август, и вечером, как обычно, приехала жена Вешкина. Привезла с собой четыре маленьких яблока, желтоватых и очень пахучих. После этого Вешкин совсем заскучал, ни с кем не разговаривал, осоловело и неприкаянно шатался по всем палатам. А ночью он спал плохо, у него разболелась голова, и, наконец, заснув, он чуть слышно постанывал во сне.

Утром Вешкин проснулся помятым, с лихорадочными пятнами на щеках, с усталыми глазами. После обхода он ушел на балкон и в палате не появлялся. Без него больным было скучно, и все втайне ждали прихода этого лесника-чудака: и Леша, лежащий с сотрясением мозга, и прооперированный Купенин, и Дан, который и сам знал, что у него рак, и что он умирает.

Вешкин пришел в палату только после обеда, под мышкой он нес скатанную в трубку лощеную бумагу, а в руках у него был пучок разноцветных карандашей. Под внимательными взглядами Вешкин приколот бумагу кнопками к стене над тумбочкой, разложил карандаши. Сделав все это, он закурил, остановился перед белым листом и смотрел на него, пока не кончилась папироса. После этого он опять ушел, но вернулся быстро, и принес с собою книгу, ботанику для пятого класса. Раскрыв ее, он долго разглядывал цветные иллюстрации в конце, остался довольным, положил книгу на тумбочку.

Наконец он начал рисовать. Все в палате были лежачими, но всем со своих мест было видно, как на листе появляются легкие овалы, какие-то штрихи, линии. Во всей этой сумятице немыслимо было разобраться, и никто не знал, что хочет нарисовать Вешкин.

— Что это? — наконец, не вытерпев, спросил Купенин. — Непонятно нам.

— Это абстракционизм, — пояснил Леша. — Вешкин — почитатель кубизма. Из составных частей мотоцикла он может смонтировать статую Венеры.

Все добродушно рассмеялись, и Купенин тоже смеялся, держась обеими руками за разрезанный и зашитый живот. Дан улыбался молча, сухим, красивым лицом, шевелил бровями.

— Михайлыч, что ты все-таки рисуешь? — спросил Дан у упорно молчащего Вешкина.

Вешкин нехотя обернулся, оглядел всех строгим взглядом и многозначительно пожал плечами: увидите.

Скоро и в самом деле можно было разобрать, что Вешкин рисует кувшин. Кувшин стеклянный — пузатый и голубой. Вешкин трудился до самого ужина, и скоро в кувшине распустились желтые и красные цветы, желтый узкий лист, переломившись посередине, сник, лег поверх голубого стекла, сразу дав рисунку глубину.

Даже неискушенному зрителю можно было легко заметить, что Вешкин немного растерялся перед тем фактом, что вот он нарисовал такую

картину, которая и самому ему нравится. Последний раз он рисовал когда-то в детстве, очень давно, он и не помнит... И сейчас он был озадачен своим успехом, и стыдливо обрадовался ему, отойдя назад и остро щурясь над картиной. И теперь взгляды палатных ценителей не скрывали его, а, наоборот, помогали писать картину.

Вешкин очень огорчился, когда привезли ужин и оторвали его от картины. Он ужинал на этот раз в палате, вместе со всеми, и нянечка, близоруко сощурилась, остановилась с подносом у картины, внимательно осмотрела ее и, сразу угадав автора, уважительно оглянулась на Вешкина. Вешкин тотчас склонился над тарелкой, но, когда нянечка подошла к двери, проводил взглядом ее полную фигуру, завитки волос на белой шее, крепкие ноги. Нарисовать бы! Но людей рисовать, говорят, трудно. А попробовать?.. И для него теперь ничего не было странного в том, что он собирается нарисовать человека, хотя еще вчера это не пришло бы ему в голову. Только в душе была тихая робость: а вдруг не сумеет? И терпкое предчувствие бесилия.

Ужин кончился, в палатах включили свет, и Вешкин опять завозился с карандашами у картины, и несколько пар внимательных глаз следили за чутким острием карандаша, который с осмысленной быстротой бегал по бумаге, оставляя чудные штрихи. И самому Вешкину опять стало странно то, что карандаш послушно повинуется ему и он, Вешкин, рисует картину.казалось, все, что томило его долгими больничными сутками, сейчас отступало, как отступает сумеречность, гонимая пробуждающимся солнцем.

Витаминыч

Первой увидела нового воспитателя уборщица тетя Дуся. Она и разнесла о нем весть по всей школе-интернату.

— Длинный, мол, твое жердяга! Сказывал директору, что, мол, сердце в какую-то сторону скопилось, вот и приехал на вольный воздух, чтобы назад стало. И года не вытерпит — удерет! Горожанин!

Во владениях нового воспитателя было тринадцать комнат — весь интернат. Из них четыре были комнатами девочек. На воротах, высоко над землей, варом было выведено: «Интернат — Чертова дюжина». Директор сначала возмущался этой надписью и даже велел тете Дусе скоблить ее. Тетя Дуся подставила лестницу и скобила одну букву полдня. После этого она категорически заявила, что пусть наймут плотника, стесать буквы топором. Плотника не наняли, и надпись осталась.

Новый воспитатель ходил, широко переставляя ноги и нескладно размахивая руками. Впер-

вые его увидели в столовой, когда все население интерната ужинало. Было шумно. Петька Малышев опустил Тане Сухумской за шиворот зловонного черного жука, которого нашел в поленице, когда ходил за дровами для кухни. Таня, визжа, соскочила с лавки и убежала. Петька чувствовал себя героем. Внезапно дверь открылась, и вошел новый воспитатель вместе с Таней.

— Здравствуйте, дети,— сказал он.— Меня зовут Вениамином Витальевичем. Я буду с вами работать.

— И долго? — спросил кто-то.

Все одобрительно засмеялись.

— Долго. Мне здесь нравится. Природа, река, жуки вон какие водятся.— Он засунул руку в карман и вытащил оттуда петькиного жука.

— Это я его нашел! — не выдержал Петька.— В дровах!

Вениамин Витальевич подошел к Петьке и ловко опустил ему жука за шиворот. Петька криво улыбнулся и, не удержавшись, поежился. Столовая грохнула хохотом.

— Приятно? — спросил Вениамин Витальевич.

Петька густо покраснел. Воспитатель улыбнулся. И тут увидел куски разбросанного хлеба. Поблуднев, он присел на корточки и начал собирать хлеб. Его круглое лицо с близорукими глазами напряглось. Вениамин Витальевич вытащил из кармана газету, сделал кулек и стал складывать куски туда. В столовой воцарилась тишина. А воспитатель положил кулек с корками на стол и, сказав: «Я приду через час проверить уроки», — вышел.

— Что это с ним? — удивился Петька, когда за воспитателем закрылась дверь.— Подумаешь, разбросали. Чудной этот Витаминач!

Петька, а с ним и вся тринадцатая комната решили объявить Витаминачу войну. Они давились от смеха, глядя, как он поднимается по лестнице, перешагивая сразу через три ступеньки. Но едва воспитатель приближался к их комнате проверить уроки, его встречал дружный храп. Не открывали минут пять, а потом, открыв, заявляли, что у них от перегрузки разболелись головы и они решили соснуть. Верховодил всеми Петька Малышев. Он научился передразнивать Витаминача. Чесал ладонью кончик носа, как Вениамин Витальевич, и блаженно щурился при этом и даже немного покрякивал от удовольствия. Ребята давились смехом. Но однажды он увлекся и не заметил подошедшего воспитателя. Витаминач долго недоуменно смотрел на Петьку. Наконец, понял в чем дело, и захохотал.

— Ну и циркач!

Петька был уничтожен. На время он притих. А тут еще стало известно от вездесущей тети Дуси, что семья Вениамина Витальевича погиб-

ла от голода в блокадном Ленинграде. «Так вот почему он тогда куски собирал»,— пришло Петьке в голову. И когда однажды его сосед Володька Кайгородов за обедом по привычке швырнул коркой, Петька с размаху залепил ему ложкой по лбу. Драки не вышло только потому, что вошел Вениамин Витальевич. Петьку, как маленького, поставили в угол.

— Ты прав;— сказал ему Витаминыч, — но рукам воли давать все равно не надо.

Петька не возражал, но обиделся.

— Хоть бы уж картошку чистить заставили,— пробурчал он.

— В следующий раз пойдешь чистить картошку,— пообещал Вениамин Витальевич.

Петька, махнув рукой, пошел отстаивать свое. С этого дня он стал считать, что Витаминыч в общем мужик ничего, но со странностями. Однако тринадцатая комната к новому воспитателю своего отношения менять не собиралась. Пока не случилось вот что.

Витаминыч пошел просить коня — привезти из леса для интерната дрова. Он сидел на телеге, ожидая своей очереди к заведующему конным двором, когда из загона кто-то выпустил быка Черчиля. Черчиль летом отличался благодушным нравом, но к зиме характер его портился, и ему надевали на рога дощечку, на которой колхозный художник Яшка вывел красивыми буквами: «Бодливая корова». Сейчас Черчиль был без дощечки. Ходил по двору и копытил землю.

Под крышей амбара играли две девочки. Увидев быка, они заплакали, и Черчиль, привлеченный плачем, направился прямо к ним. Мужики, проходившие неподалеку, видели, как с телеги сорвалась нескладная фигура Витаминыча и побежала к быку. Воспитатель выкрикивал на бегу умоляюще: «Быня, быня, бы-ы-ыня!» Бык досадливо махнул хвостом и опять пошел на детей. Витаминыч, растерянно взмахнув руками, крикнул: «Кыш, проклятый!» Бык и ухом не повел. Тогда Вениамин Витальевич в отчаянии схватил его за хвост и потащил назад.

Все это продолжалось несколько секунд. Бык резко повернулся и пошел на Витаминыча. Тот отступал назад, нелепо выставив руки. Мужики с оглоблями в руках уже бежали к учителю на помощь. Но они не успели. Черчиль мотнул головой, и Витаминыч, мелькнув ногами, перелетел через забор. Мужики остервенело заработали оглоблями. Выскочивший откуда-то гуртоправ накинул быку на рога веревку и увел его.

Витаминыч упал удачно — в ясли, полные сена. Черчиль поддал его лбом, не зацепив рогами, и учитель отделался вывихнутой рукой да ссадиной на спине. Фельдшер вправил ему руку, а мужики довели его до самой квартиры.

В этот день никто не пришел проверять уроков. Против обыкновения, в интернате было

тихо. Пробыло уже восемь часов, а Витаминыча все еще ждали. Петька Малышев сидел над книгой и делал вид, что читает, когда в дверь просунулась голова Таньки Сухумской. Сквозь слезы она сообщила:

— Черчиль Вени-амина Витальевича забодал!

С большим трудом добился от нее Петька, как это получилось. Вскоре в интернате об этом знали уже все. Петька дождался, когда ребята разбегутся из комнаты выяснять подробности происшествия, и стал выгружать из своей тумбочки припасы. Достал колбасу, копченую рыбу, банку варенья. Оделся. Сложил все, что вытащил, в сетку и потихоньку вышел.

Перед дверью Витаминыча он стоял в нерешительности с минуту. Наконец, постучав, неловко протиснулся в комнату... И ошалело открыл рот: квартира воспитателя была битком забита ребяташками. Они заняли всю мебель, уселись на подоконники, а кто-то примаскивался уже к столу. Пряча лицо, Петька косолапо прошел к столу, вывалил свертки.

— Это вам, Вениамин Витальевич.

Комната прямо взорвалась от смеха. И тут только Петька увидел, что стол наполовину был уже завален продуктами.

Ребята просидели у учителя допоздна. В интернат возвращались молча. Когда уже шли по лестничным пролетам, Володька Кайгородов не выдержал:

— Эх, и Витаминыч! Черчиля за хвост, а?

Петька ткнул его кулаком в бок.

— Еще раз назовешь его Витаминычем, прощайся с жизнью!

Потом посмотрел на свой кулак и, что-то вспомнив, вздохнул и спрятал его в карман.

Глаза дельфина

История, рассказанная моей одноклассницей

Витька наш школьный поэт. К нему даже поэта знаменитого приводили, думали, что Витька — вундеркинд. Поэт поговорил с ним и сказал, что Витька никакой не вундеркинд, а самый обыкновенный школьник, но стихи пишет хорошие.

Нам, конечно, обидно было: на всю школу ни одного вундеркинда. Некоторое время мы даже не разговаривали с Витькой, раз он не мог поднажать и показать себя во всем блеске.

Витька со мной дружит давно. Сначала над ним смеялись, что он дружит с девчонкой, но потом перестали.

Витька никогда не видел моря. Хочется, конечно. Он всегда рисует море, корабли и непонятных рыб — дельфинов. Глаза у дельфинов большие и задумчивые. Витька прочитал в тол-

стом журнале, что дельфины разговаривают между собой и не кидаются на людей даже тогда, когда люди их убивают. Этот журнал мы с Витькой читали вместе. Но вдруг Витька выхватил у меня журнал и удрал.

В тот день Витька был каким-то особенным. Я сзади сижу и мне видно Витькин затылок. Уши у него были грустными и красными. А после того как он получил подряд две двойки — по русскому и истории, я окончательно решила, что за ним нужно следить. Поэт ведь! А с поэтами то и дело что-нибудь случается. Прошлым летом я его ближе, чем на сто метров, к реке не подпускала. Он подряд три раза признавался Ирке Зюзиной в любви, а она три раза ответила, что и видеть не хочет всяких таких сморчков. Вот и судите сами. А уши у него в тот раз точно такие же были, как сейчас.

На большой перемене подошел ко мне Витька, смотрит в потолок и говорит:

— Можно такой крик подобрать. Встал на берегу моря, крикнул — и к тебе дельфин подплывает.

— Ты лучше по истории занимайся! — говорю. — А то хватаешь двойки.

Откровенно говоря, мне понравилась его идея, а учебник истории я только в воспитательных целях ему подсунула.

После уроков Витька даже не подошел ко мне. Подумаешь!.. Идет он один по улице и даже ни с одной собакой не поговорил. Они глядят из подворотен такие удивленные. Я забежала за угол и расхохоталась.

У поворота Витька свернул в березовую рощу и как в воду канул. Ищу я его, ищу. В лесу мокро, и я вся промокла. Ну, думаю: найду!.. Такая злая. Собралась уходить и вдруг рядом кто-то как завоет.

— У-у-у-х-а-а-у-а!

Потом еще. Заглянула я в карьер, вижу: сидит Витька, нос от холода синий, и воет. У меня мурашки по спине. Ну, думаю, сошел с ума.

— Витька! — заорала я и чуть не плачу.

Он вздрогнул, обернулся и покраснел до самых ушей. Я сразу успокоилась: если покраснел — значит не сумасшедший.

— Дурак бессовестный, пойдем домой! — зло так кричу.

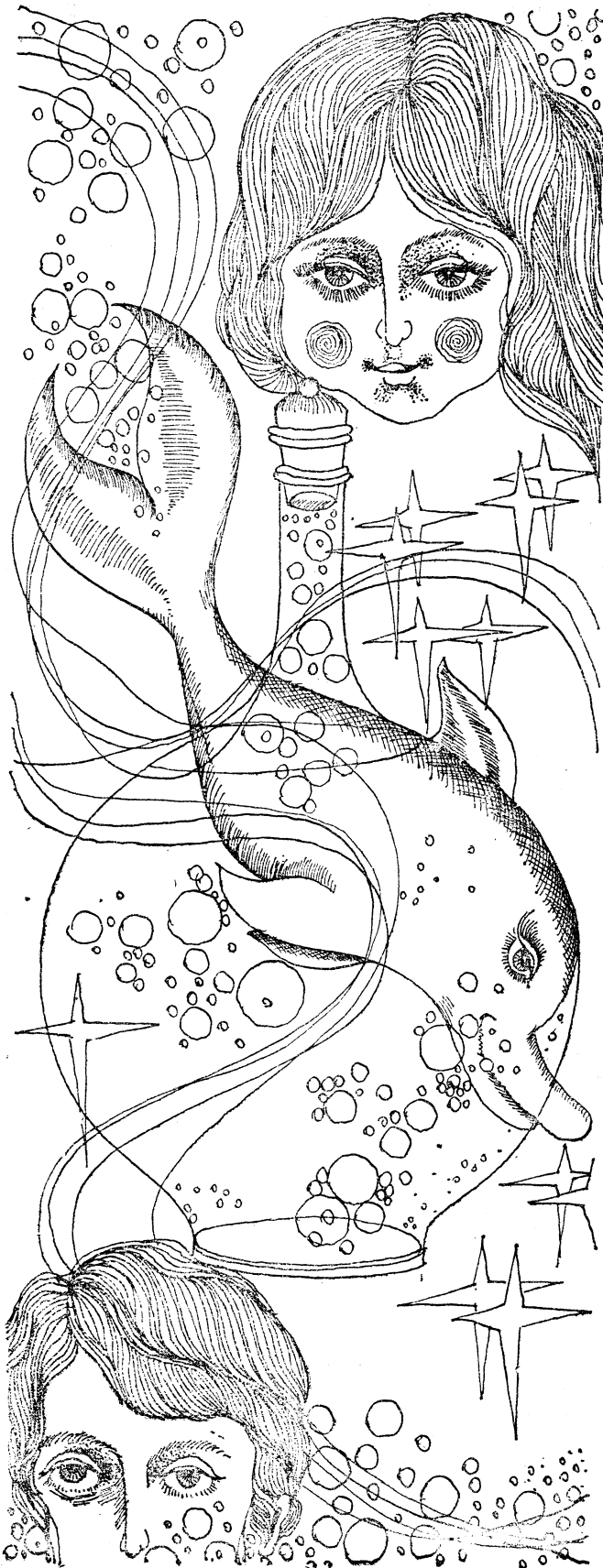
Он сразу послушался, встал и идет следом. Вышли мы с ним на улицу Лумумбы и видим: бабка нам навстречу.

— Вы не слышали, — спрашивает, — там собачка выла? Не моя ли, господи! Знаете, такая беленькая. Розой кличут. Роза, Роза — позовешь и бежит. Такая славенькая...

— Нет, — отвечаю.

— Ась? — переспрашивает бабка и ухо нам подставила. Витька изо всех сил орет ей на ухо:

— Нет, там здоровенная собака. Говорят, беленькая.

Бабка суетливо перекрестилась и поспешила назад. А мы тоже домой идем — хохочем.

А вечером к нам кто-то позвонил. Пошла я, открыла. Смотрю — Витька. Мокрый до ужаса.

— Проходи! — сказала я. Витька что-то промычал, бестолково замотал головой и, сунув мне в руку записку, удрал.

Пошла я в свою комнату. Сначала выучила уроки. Очень трудное задание попало. Потом меня утащили ужинать и я не успела прочитать, что он там мне написал. Пришла, разделась, взяла записку и прочитала:

*Ты прости меня, Лора,
Чувства мои былинные...
Ведь ты необъятное море,
Вспененное дельфинами...*

И ниже — торопливым почерком:

*Призраком синего моря
Смотрит на меня из графина
Полный тоски и горя
Человеческий глаз дельфина.*

Глупо, конечно. Но я почему-то села на холдный пол и заревела. Как дура. Ведь в седьмом классе учусь. Потом забралась под одеяло и опять реву. А стихи разорвала. Он наверное и Зюзиной писал. Зачем мне стихи?

Только теперь я поняла, зачем он был в карьере: ведь он подбирал зов дельфинов. И что ему дались эти дельфины-графины? Про дельфинов лучше написал, чем про меня. Мне стало грустно, и я уснула...

Море с шепотом набегало на берег. Было тихо. Только этот однотонный и немного грустный шум моря над мокрыми валунами.

Прошел человек и взобрался на вздыбленную скалу. Человек был молод и смугл. На фоне голубого неба его фигура казалась коричневым лезвием.

— У-у-у-р-х-а-а-у-а!

Крик покотился над морем, а в ответ гулко и раскатисто засмеялись скалы.

— Человеческий глаз дельфина! — снова закричал человек и застыл изваянием.

Море было ласково-равнодушным и пустынным. И вдруг вдали серебристой лентой взлетело над волнами гибкое тело и, изогнувшись, снова скрылось в волнах.

— Она ушла от меня, — жалобно сказал человек. — Глаз дельфина, я сам виноват...

Он лег на твердый валун и уронил голову на вытянутые руки. И сквозь смеженные веки в глаза человеку внимательно и понимающе смотрел человеческий глаз дельфина...

Вот какой мне приснился сон.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

**Владимир
ЛАПТЕВ**

СНЕГА

*Розовеют дали.
Стужа да снега.
На причале встали
Корабли-стога.
Замочила в пене
Платье свое ель
Соснам на колени
Плещет снег метель.
Над зеленым бором
Вьюга парус рвет.
И идут по морю
Две березки вброд.*

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

*Он примчался издалека
По лиловой кромке гор,
Потрепал сугроба щеку,
Запорошил снегом бор.
И до слез, до боли хлесткий,
У дороги, на лугу
Одинокую березку
До ветвей зарыл в снегу.
Меж кустов гудит и стонет,
Рвет тропинки на куски,
Целый день куда-то гонит
С поля белые пески.*

АПРЕЛЬ

*Искрится голубой апрель
От солнечного света.
Шумит весенняя капель
Предвещницею лета.
Уже чернеет средь полей
Крылом грача дорога,
И солнце светит веселей
Над потемневшим логом.
На север, злобою полна,
Бредет зима утрами,
Стучит у каждого окна
Сосульками-когтями.
Далеко в чашу дед-мороз
От солнышка забрался,
И только рваный
среди берез
Его тулуп остался.*

КРАЕВЕДЕНИЕ И ТУРИЗМ

**Василий
ПЕТРОВ**

Вы знаете, сколько в нашей стране туристов! 50 миллионов человек. Каждый пятый житель СССР — турист.

Подавляющее большинство туристов — друзья природы, люди любознательные. Путешествуя с рюкзаком за плечами, они сочетают приятное с полезным — отдыхают и многое узнают, изучая свой край.

Без знания истории своего родного села, города, края, региона, страны нельзя быть и активным строителем будущего. Любовь к Родине начинается с любви к отчужденному, к своему краю. А. И. Герцен писал, что полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого, раскрываем смысл будущего; идя назад, шагаем вперед. И краеведение в этом смысле всегда современно и необходимо, необъятно и увлекательно.

Как стать настоящим краеведом, как расширить свой кругозор, обогатиться новыми знаниями, чтобы внести свой, пусть скромный, вклад в геологию или географию, демографию, биологию или топонимику!

Чем заняться, с чего начать, как вести поиск!

На все эти вопросы дает ответы книга И. С. Юньева «Краеведение и туризм», выпущен-

ная издательством «Знание» в серии популярных брошюр «Народный университет. Естественнонаучный факультет»

Книга И. С. Юньева, как признает сам автор, конспективна, предельно сжата. Да и многое ли скажешь на ста страницах! Тем не менее полезной информации в книге чрезвычайно много. Коротко рассказывая об одной узкой теме, анализируя или обобщая факты, автор делает много сносков — «Подробно об этом рассказывает академик С. Шварц в брошюре «Единство жизни». Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1972», «Глубокий анализ проблем охраны биосферы дают книги...». «Об этом обстоятельно говорится в монографии...»

Автор как бы приглашает читателя к поиску, к более глубокому изучению названной темы, проблемы, науки. А для туриста, который еще не стал завзятым краеведом, это ведь очень важно — знать, какую книгу надо прочитать, как углубить свои знания. И таких весьма полезных сносков в книге И. С. Юньева — больше ста!

Всего в книге «Краеведение и туризм» семь глав-бесед — небольших по объему, но емких по содержанию. Первая дала название всей брошюре, в

ней говорится о том, что такое краеведение вообще, как с ним тесно переплетается туризм. Далее идут беседы о природно-географическом, историческом и этнографическом краеведении, о народном художественном творчестве и о поселениях.

Это, конечно, не учебник и даже не справочник туриста. В общем суховатые, нарочито методического плана, за исключением, может быть, только рассказов о прикладном искусстве и о зодчестве, написанные увлекательно, беседы И. С. Юньева учат ориентироваться в море фактов, анализировать их, учат видеть и осмысливать увиденное, помогают из тысяч увлечений выбрать одно по душе...

Последняя глава книги — «Народные краеведческие музеи» — особенно актуальна.

Народные краеведческие музеи сейчас создаются на заводах и рудниках, в школах и технических училищах, в колхозах и совхозах — всюду, где трудятся, ищут крупницы славной истории следопыты. И для них — пусть это будут или краеведы пенсионного возраста или непоследливые искатели из пионерских дружин — безусловно ценными окажутся методические советы автора о том, как надо создавать народный краеведческий музей.

СКУЛЬПТОР

Федот Шубин

Знаменитый русский скульптор Федот Иванович Шубин, выходец из поморских резчиков по кости, создал великолепную галерею портретов — М. В. Ломоносова, Н. А. Демидова, З. Г. Чернышева, А. М. Голицына, П. А. Румянцева.

Реалистическое искусство Шубина однако не долго вызывало одобрение и поддержку в придворных

кругах. Скульптор с мировой славой лишился заказов, места преподавателя в Академии художеств и умер в бедности.

Долгие годы Ф. И. Шубин был связан с уральским заводоладельцем Никитой Акинфиевичем Демидовым. Эта страница биографии скульптора малоизвестна. Он по сути дела был служащим заводчика-мецената, получал жалованье и нередко исполнял поручения далекие от искусства.

В качестве гида Ф. И. Шубин сопровождал супругов Демидовых в их путешествии по загранице в 1772 году. По приезде в Россию Демидов предоставил скульптору мастерскую, наказал изваять несколько своих портретов.

В 1776 году Н. А. Демидов писал в свою петербургскую контору, чтоб Ф. И. Шубин приправил ленту на его мраморном бюсте, который затем просил доставить в Москву, видимо, для подмосковного имения в Петровском-Алабино. Кроме того, скульптор получил наказ изготовить по имеющейся форме четыре бюста алебастровых, из которых два контора должна была оставить в Петербурге, один отправить в имение Фокино, а один — в Сибирь, то есть в Нижний Тагил.

Ф. И. Шубин заключил несколько аукционных сделок «на имя» Н. А. Демидова. В апреле 1782 года он подписал за себя и жену Веру Филиппову реверс об уплате подушных денег. Выдающемуся художнику, академику скульптуры оскорбительно напоминали о его простом происхождении.

Новые факты биографии Ф. И. Шубина обнаружены в частном фонде Демидовых, хранящемся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве. Демидовская мастерская Ф. И. Шубина до сих пор не привлекала внимания искусствоведов. Именно в те годы на нижнетагильских заводах делалось много скульптур, в том числе и из бронзы. Возможно и это связано с творчеством Ф. И. Шубина?

Анатолий
КОЗЛОВ

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

В этом номере мы заканчиваем публикацию выдержек из сочинений, написанных весной прошлого 1974 года выпускниками ряда школ Свердловской области. Конечно, не все сочинения равноценны: одни содержат больше раздумий по существу затрагиваемых вопросов, другие — меньше, третьи — увьи! — их совсем не содержат; одни предельно искренни, другие сдержанны, а есть и такие, за которыми трудно разглядеть живое лицо.

Но мы не ставили перед собой такой задачи — оценивать сочинения. Нам важно было узнать, как представляют выпускники свое место в общественном производстве, кем они хотели бы стать.

Как видно из опубликованных выдержек, авторы сочинений дали на эти наши вопросы достаточно определенные ответы.

Мы благодарим учителей, а также выпускников 107-й свердловской, 3-й и 6-й первоуральских и бруснятской средних школ за участие в нашем разговоре.

Когда читатели получают этот номер журнала, многие выпускники 1974 года уже приобретут профессии, будут работать на заводах и стройках, в учреждениях и на предприятиях бытового обслуживания, другие займут места на студенческих скамьях, третьи — в мастерских различных ПТУ. Не сомневаемся, что нашим юным читателям, нынешним старше-

классникам интересно будет узнать, как сложится дальнейшая судьба тех, чьи сочинения только что опубликованы. И мы вернемся еще не раз к этому разговору.

А пока предлагаем вниманию читателей небольшое интервью, которое провел наш корреспондент с выпускниками 1975 года, новыми десятиклассниками первоуральской средней школы № 3.

Вопрос корреспондента ко всему десятому «а»:

— Кто из вас уже выбрал себе профессию?

Ответ последовал не сразу. Несколько минут ученики находились в состоянии замешательства. Наконец, классный руководитель Людмила Александровна сама обратилась к ребятам:

— Ну что же вы? Таня, Женя, Анюта! Ведь вы хорошо знаете, кем хотите стать!

Затем еще трое подали робкие голоса:

— Мы тоже знаем.

А Анюта Федотовских вдруг отчего-то расстроилась и попросила разрешения уйти.

— Почему расстроилась Анюта?

Таня Степанова:

— Она очень боится, что не поступит в медицинский институт. Для нее это было бы большим ударом. Пожалуй, из всех нас она наиболее упорно стремится к осуществлению своей мечты: отец — хирург, и она сама хочет быть только хирургом.

Люба Машарова:

— С Анютой можно разговаривать только о медицине и биологии — других тем она не признает. Знаете, она часто ходит к отцу в больницу, присутствует на операциях...

Корреспондент:

— Многие из вас мечтают поступить в вуз. Но вот из прошлого года выпуска вашей школы — из трех десятых классов — только десять человек поступили в вузы, а в 1973 году — лишь семеро. Вполне может случиться, что кто-то из вас не наберет проходных баллов. Не стоит ли подумать о «запасной» профессии?

Володя Новиков. Не думаю, чтобы за год я охладел к радиотехнике. Значит, кем бы я ни стал — рабочим или инженером — моя профессия непременно будет связана с радиотехникой.

Лена Баскова. Если не удастся поступить на строительный факультет института, пойду в строительное ГПТУ.

Женя Марченко. Если не удастся поступить в военно-деканское училище сразу по окончании школы, повторю попытку после службы в армии.

Таня Степанова. Не поступлю в институт — пойду в педагогическое училище. Мне кажется, что я с успехом могла бы работать воспитателем в детском саду. Маленьких детей я особенно люблю. У меня три племянницы, и если я их долго не вижу — очень скучаю. Ну, и я уже говорила, что мечтала стать модельером. Шить я и сейчас очень люблю, могу часами сидеть. Подруги ко мне приходят — удивляются: «Как у тебя хватает терпения?»

Корреспондент:

Родители не возражают против вашего выбора!

Володя Новиков. Мои только и мечтают, чтобы я в будущем работал в области радиотехники.

Люба Машарова. Меня мама шить научила, как же она станет возражать. А, кроме того,

Кем стать?

«Еще в седьмом классе о профессии термиста нам много рассказывал наш учитель по труду, и многие мои товарищи уже тогда загорелись желанием овладеть этой профессией. Впоследствии я не раз встречался с выпускниками нашей школы, которые сейчас работают термистами на Новотрубном заводе. Никто из них не жалеет о том, что выбрал именно эту профессию». Вл. Мохов.

«Много у меня было споров с родителями и подругами, но я решила: все равно буду заниматься резьбой по дереву! Все началось с выставки во Дворце культуры. Я приходила туда и буквально не могла оторвать глаз от деревянных фигурок, сработанных нашими первоуральскими умельцами. Мне захотелось вырезать что-нибудь самой. Сделала — понравилось. Очень интересное занятие, хотя и кропотливое, требующее большой усидчивости, внимания. Берешь кусочек дерева или корешок, а они оживают в твоих руках...» Наташа Титова.

«Думаю, что пользу приносить можно везде и хорошо работать тоже, а пройдет время, и я найду свое место». Марина Сартакова.

«После девятого класса я отработывала практику в дворовом клубе «Вымпел», была пионервожатой. С каждым днем я чувствовала, что ребята все больше ко мне привязываются. К сожалению, время практики прошло очень быстро. До сих пор, встречаясь с бывшими своими подопечными, я чувствую, что мне хочется знать о них абсолютно все: и как у них идут дела в школе, и чем они занимаются в свободное от уроков время. И я забрасываю их вопросами...»

«Именно эта практика определила мой выбор — я твердо знаю, что буду учителем. Я очень люблю детей и с сожалением думаю о том, что моей младшей сестре уже шестнадцать лет. Я завидую Лиде Польшгаловой, у которой брат — младшеклассник, очень бываю довольна, когда мне представляется возможность помочь ее Сереже решить трудную задачку или выполнить упражнение». Татьяна Зянкина.

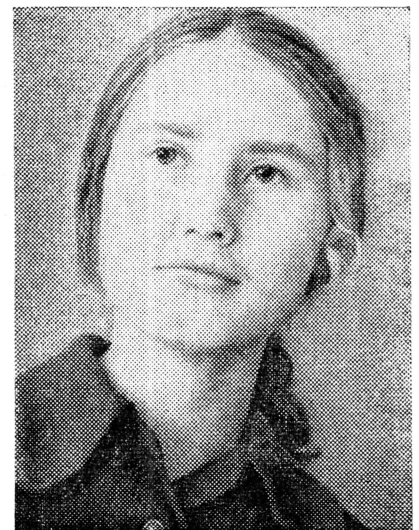
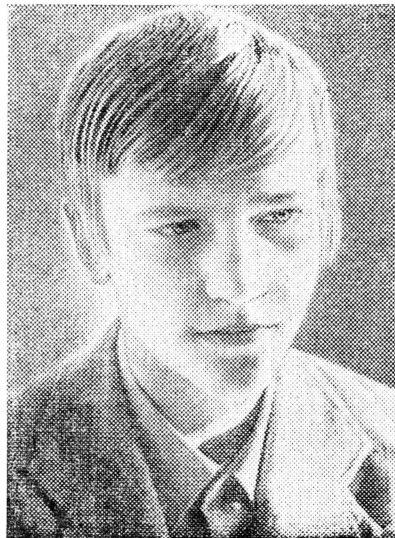
Кем стать?

Володя Новиков.

Я увлекаюсь радиотехникой, с седьмого класса хожу в радиокружок при городском Доме пионеров. Что сделал сам? Приемник, несколько технических игрушек, собираюсь сконструировать электрогитару.

Лена Баскова.

Твердо решила — буду строителем. У нас в Первоуральске много строек, каждый год возникают новые жилые массивы, и все-таки еще есть люди, которые очень нуждаются в жилье. Хочу этим людям помочь.

Кем стать?

Женя Марченко.

Моя мечта — поступить в воздушно-десантное училище. Регулярно смотрю телевизионную серию «Служу Советскому Союзу», особенно передачи, посвященные десанникам. Сильное впечатление произвела на меня книга «Плацдарм за облаками».

Таня Степанова.

Было время, когда я хотела стать трактористкой и работать в селе. Затем появилась новая мечта — решила стать модельером. Но последнее время меня все больше привлекает работа педагога: люблю математику, люблю детей.

Кем стать?

«Я просто затрудняюсь ответить, кем я хотела бы стать. Сначала мне хотелось стать библиотекарем (я увлекалась чтением художественной литературы), затем врачом (я очень люблю свою маму, а она у меня слабая и больная) и даже трактористкой! Когда в старших классах нам давали заполнять анкету о своей будущей работе, я называла наугад какую-нибудь профессию. В девятом классе я увлеклась собиранием фотографий киноактеров (а надо сказать, что до этого у меня не было, если не считать чтения, никаких увлечений). Вначале я просто собирала фотографии, какие только попадались, затем мне стало интересно: а кто они, эти артисты? Трудно поверить, но именно эти фотографии ввели меня в прекрасный мир искусства кино. Чтобы больше, подробней узнать об игре того или иного артиста, я стала покупать журналы «Спутник кинолюбителя», «Советский экран», читать рецензии, критические статьи. Мне самой захотелось попробовать свои силы. Я записалась в драмкружок при Народном театре. Туда я хожу систематически уже почти год, но последнее время все чаще и чаще стала задумываться: а мое ли это дело — театр? Ведь для того, чтобы быть актером, нужен талант. А есть ли он у меня? Мне думается, что при желании я могла бы добиться определенных успехов на этом поприще. Но я не хочу быть посредственной актрисой. Хотя я и не нашла еще своего призвания, я знаю, куда я пойду работать в ближайшее время. Я пойду на Хромниковый завод, в КИП. Профессию прибориста я пока знаю мало. Почему же я туда иду? Сейчас объясню. Работая, я помогу родителям материально (у меня еще есть младший братишка и сестренка). Но сказать, что я устраиваюсь на работу только из-за денег, было бы неправильно. Я не сомневаюсь, что мне будет интересно работать на заводе. Мне сейчас не так важно, кем я буду работать — просто хочется поработать. Впоследствии я, конечно, буду учиться, а на кого — подскажет время». Лидия Полюгалова.

один близкий нашей семье человек, Надя Гатаулина, недавно кончила в Свердловске школу модельеров и на все лады расхваливает свою профессию. «Не представляю, говорит, что бы я делала, если бы не стала модельером».

Женя Марченко. Не возражают, но отец говорит: не поступишь в училище — иди ко мне в подручные. Он работает вальцовщиком на Новотрубном заводе.

Лена Баскова. Мой отец работает в строительной организации. Мы с ним часто говорим о моей будущей профессии. Нет, он не возражает. Мама тоже.

Корреспондент:

— Таня, одна прошлогодняя выпускница написала в своем сочинении, что хотела стать педагогом, но потом засомневалась: а получится ли! Она тоже любит математику, но, занимаясь со своей соседкой, ученицей шестого класса, увидела, как это трудно — учить чему-нибудь других. Тебе не приходилось быть в роли учителя!

Таня Степанова. Приходилось. Каждый год ко мне «прикрепляют» кого-нибудь из отходящих по математике одноклассников. Я с удовольствием занимаюсь с ними и, как правило, добиваюсь успеха. Во всяком случае, еще не было такого, чтобы кого-то из моих подшефных приходилось «вытягивать» вторично. Нет, я думаю, что у меня хватит терпения в работе с учениками.

Корреспондент:

— Люба, из выпускниц семьдесят четвертого многие высказали желание стать модельерами, и все без исключения написали в своих сочинениях, что хотят шить красивую одежду. А вы к этому еще добавили: «из дешевых тканей»...

Люба Машароза:

— Сколько раз приходилось наблюдать в магазинах в отделе готового платья такие сценки. Стоит у прилавка де-

вушка, перебирает дешевенькие платица. Все они плохо пошиты или некрасивы по фасону, а на более дорогое платье у девушки, может быть, денег не хватает.

Корреспондент:

— Лена, ты сказала, что хочешь помочь тем, кто еще нуждается в жилплощади. Может быть, на твой выбор профессии строителя повлияли обстоятельства личного характера?

Лена Баскова. Может быть, так оно и было. Раньше мы жили в доме без удобств, с соседями, а потом папе дали в Первоуральске благоустроенную квартиру в новом доме. И вообще мне Первоуральск очень нравится: красивый современный город. Мне хочется, чтобы все города были такими и хочется что-то сделать для этого самой.

Кем стать?

Люба Машарова

Буду модельером, буду создавать красивые фасоны платьев из недорогих тканей. Каждое такое платье кого-то обязательно порадует, и мне будет приятно это сознавать.

Кем стать?

«Пожалуй, нигде нет таких исключительных взаимоотношений между людьми, какие возникают между медицинской сестрой и больным. Где бы медицинская сестра ни находилась — в операционной, в больничной палате, в детском садике, — всюду от нее требуются выдержка, внимание и ласка. По указанию врача она готовит больного к операции или к обследованию, по первому зову больного в любое время суток она должна оказать ему помощь, облегчить его страдания. Медсестра — это вторая мать больного. Мне кажется, что я нашла ту единственную профессию, которая соответствует моему характеру и моим мечтам». Целовальникова Галя.

«Я выбрала профессию кулинара, потому что люблю готовить всевозможные вкусные вещи, и еще потому, что своим трудом я смогу доставлять людям удовольствие. Ведь только один вид красиво оформленного торта способен поднять настроение собравшихся за праздничным столом людей, но перед праздником не каждая хозяйка сможет изготовить его сама». Целовальникова Вера.

«Можно найти золотой самородок, но нет хлеба-самородка. Хлеб сам не родится, его надо вырастить. По-моему, нет в жизни более благородного дела, чем дело хлебороба, ни с чем не сравнимо удовлетворение человека, который каждую осень видит, как гнутся под тяжестью полновесного зерна возвращенные им колосья. Конечно, любая профессия по-своему важна. Например, моя сестра работает детским врачом. Заботиться о жизни и здоровье детей — это прекрасно. Однако я для себя выбрала профессию агронома и, думаю, никогда не разочаруюсь в ней». Ананьина Надя.

«Однажды в дороге я оказался свидетелем и участником спора между ребятами, которые были почти незнакомы друг с другом. Спор зашел о творческих и нетворческих профессиях. Один парень горячо отстаивал мнение, будто лишь артисты, скульпторы, композиторы, литературные работники с полным правом могут называть себя творческими личностями. Я не согласился с ним. Я сказал, что творческое отношение к работе зависит от тебя самого, от того, как ты сам будешь работать. Ведь творчество — это созидание. А разве работа тракториста, каменщика — не созидание? Меня поддержала хрупкая на вид девушка, которая, как выяснилось позднее, работала крановщицей мощного мостового крана».

Самого меня уже давно привлекает профессия электрика. Несомненно, тут сказались влияние отца и старшего брата. Оба они — инженеры-электрики. С отцом я много и серьезно говорил о будущей профессии. Он прояснил и конкретизировал мою поначалу расплывчатую мечту. Об отце я слышал много хорошего от других людей. По их словам, он прекрасный специалист своего дела. Но последнее время меня все больше занимает такой вопрос: достаточно ли инженеру-электрику быть только специалистом, не должен ли он еще быть и воспитателем? Ведь он имеет дело не только с двигателями, трансформаторами и различными приборами, он постоянно общается с живыми людьми». Сергей Цедилкин.

«Я хотела бы стать секретарем-машинисткой. Эта профессия меня привлекает тем, что во время работы секретарю приходится встречаться со всевозможными интересными документами, и он чувствует себя ответственным за правильное их оформление».

«Многие из моих одноклассниц собираются поступать в училища, которые готовят работников сферы обслуживания. Я собираюсь пойти учиться на парикмахера. Парикмахера можно сравнить с художником, он должен обладать хорошим вкусом и уметь прививать этот вкус своим клиентам. У человека, который выходит из парикмахерской обязательно должно быть хорошее настроение».

«Еще в детстве я мечтал стать военным. Большое влияние на эту мою мечту оказало то, что мой отец служит в рядах Советской Армии, и я имел возможность наблюдать за повседневной жизнью военных».

Но вот мы переехали в Первоуральск, стали жить на берегу пруда. Конечно, пруд не сравнишь с морем. И все-таки каждый раз, глядя, как по поверхности водоема ветер гонит волны, я невольно представляю себя где-нибудь в море. И постепенно моя мечта стала принимать более конкретный характер. Теперь я твердо знаю, кем я хочу стать: конечно же, военным моряком!» Сергей Холкин.

ТАЙНА ПЛАТИНОВОГО ПРИИСКА

Павел
ИСТОМИН

Вы, ребята, не думайте, что я всю жизнь по тайге прошатался, — начал он свой рассказ. — Раньше-то я, когда молодой был, золото и платину добывал.

Страсть-то эта мне от родителя передалась. Известный был он человек среди старательского люда. Весь Каменный пояс своими руками ощущал. Поэтому и знал, где золото и платину мыть можно. И удачливый был.

Бывало, вернется к Покрову дню заросший, грязный и худой-худой, сядет на порог, медленно стащит сапоги, босой пройдет в передний угол и кидает на стол брезентовые мешочки. А там золото да платина рассыпные.

— Неужели настоящее золо-

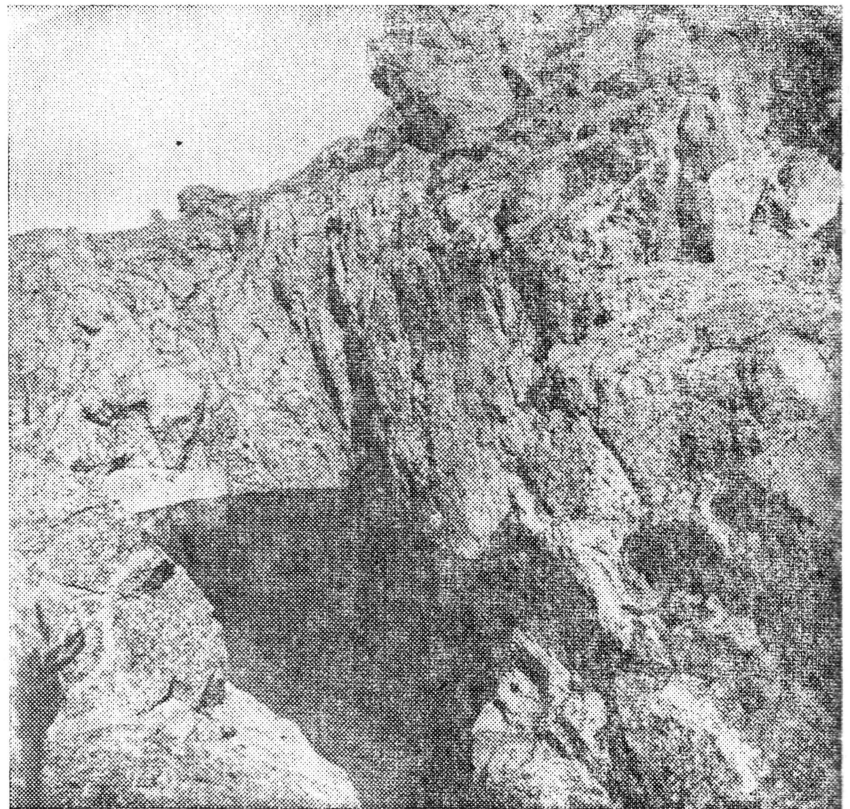
то?— удивилась Лида, наш отрядный летописец.

— Оно самое, — подтвердил Филипп Лукьянович. — Только не долго оно в избе хранилось — перекунщики да приказчики сразу к рукам прибирали его.

Помню однажды, тогда я еще маленький был, вернулся отец среди лета. Побежал к соседям и о чем-то долго говорил с ними. А через два дня мужики запрягли подводы, набросали на них провiantа и уехали.

— Вот оглашенные, — судачили у ключика бабы. — Покос на носу, а они за увалы подались. И чем только скотину зимой кормить будем.

— Однако не зря мужики хозяй-

ства забросили. Привел их отец к ручью в горах, а там платины — хоть ковшом черпай. Только скоро об их удаче лиходей пронохали, те, которые иностранной компании служили. Выследили они старателей да и убили их темной ночью.

С той поры и стал я сиротой. А как подросток — взяли меня старатели с собой платину мыть.

— А что случилось с месторождением, которое ваш отец открыл?

— До самой революции в том месте прииск был, — ответил Филипп Лукьянович. — Только в секрете его держали. Все перевалы охранялись. А после революции сбежали злодеи. Часть старателей с собой угнали, другие погибли в гражданскую войну. Пытался я найти то место, да хитро старые хозяева дело вели. Накопали ям для отвода глаз, а планы все с собой увезли.

Затаив дыхание слушали ребяты рассказ таежного охотника.

Эта встреча и послужила толчком к нашему интересному следопытскому поиску.

Москвич Валя Чубаров искал в библиотека материалы о приисках в районе Денежкина и Конжаковского камней. Свердловчане опрашивали краеведов, старожилов этих мест. Два лета было потрачено на то, чтобы обследовать район реки Сольвы, где сохранились заброшенные избы старателей.

На третий год мы решили начать поиск от поселка Кытлым. Когда-то этот поселок называли «Уральским Клондайком». Возник он в прошлом веке, когда в верховьях Лобвы впервые была обнаружена платина.

Вокруг Кытлыма застыли, высоко подняв купола к небу, горы. Самые высокие из них Конжаковский и Косьвинский камни. Конжак — высшая вершина Северного Урала — и был целью похода отряда.

Реки Конжаковка и Катышер, старинная тропа, ведущая к перевалу, кривохатка — избушка охотников — остались позади. Еще несколько часов пути через карликовые заросли березы — и выходим к каменным осыпям, на краю которых повис огромный снежник.

Неожиданно прямо из-под ног вспорхнули птицы.

— Смотрите! Одна из них не летает! — закричал Андрей, самый младший участник экспедиции, и, сбросив рюкзак, кинулся за птицей...

Северная куропатка, издавая пронзительные крики и волоча крыло по камням, уводила его влево. А в это время неокрепшие птицы кинулись в противоположную сторону и исчезли в расщелинах скал.

— Андрей, назад! — кричим мы. Но где там: он, прыгая с камня на камень, мчится вперед. И вдруг, видим, остановился.

— Ребята, сюда! — слышим его голос.

Когда мы подошли к Андрею, он показал нам свою находку — красивую решетку. Удивительно красивую! Она похожа на старинные каминные решетки в замках или на чугунные изгороди вокруг богатых дворцов. И несмотря на годы, которые она пролежала здесь, ржавчина не коснулась ее узоров.

— Ведь она ручнойковки! — воскликнул Валя Чубаров.

Как она могла попасть в этот глухой необжитый угол Северного Урала, на высоту более тысячи метров?!

Раскрыли карту. Это — Иовский перевал. Отсюда берет начало речка Северный Иов.

В этой экспедиции нам удивительно везло. Как по заказу, ветер вдруг стих, облака расступились, и солнце осветило небольшое горное озеро, расположенное неподалеку. Подошли к озеру и на берегу нашли кованый медный колокол. Вросший до середины в землю, он был почти не виден среди стланика и ярких цветов. Ножами, голыми руками копаем податливый грунт и, наконец, с большим трудом вытаскиваем находку. Очищаем ее от грязи и видим, что это не колокол, а огромная, весом более ста килограммов, ступа.

— Кто ее сюда затащил и зачем? Неужели зерно молот? — предположил Андрей.

— Хватил тоже — зерно молот! — ответил Валя. — Платиновую породу в ней толкли!

Недалеко от озера нашли еле заметные контуры фундаментов больших изб. Рядом с ними — остатки каменной кладки. Около нее — огромная наковальня, также не тронутая ржавчиной. Ее с трудом удалось сдвинуть с места. Чуть подальше — патрубков насоса. На его позеленевшем флянце начертано — «Лангензиен и К°».

Метр за метром, осматривая каждый камень, спускаемся вдоль ручья вниз, в долину Северного Иова. Здесь находки нас ждали на каждом шагу: кайлы, совковые лопаты, решетки из толстого железа, трубы и тяжелые ломы. И вновь загадочная находка: прямо в воде лежали такие же ажурные решетки, подобно той, которую мы нашли на перевале. И вид у них — будто вчера только их отлили.

В стороне от ручья обнаружили сложенные из дикого камня остатки жилищ.

Было ясно, что это — прииск. Но тот ли, платиновый, о котором говорил Филипп Лукьянович?

— Пойдем к геологам, — предложила Лида.

На восточной окраине плато, у глубокого обрыва, стиснутого двумя вершинами, прилепились палатки геологов.

Геофизик Североуральской геофизической партии Евгений Алексеевич Семьяников, геолог Карпинской геолого-разведочной партии Вячеслав Степанович Озеров и техник-топограф Александр Андреевич Малышев встретили нас по-таежному — гостеприимно.

Кроме них в партии были студенты горного института Виктор Никулин и Владимир Чернятьев и молодые рабочие из Карпинска. Все они приняли самое непосредственное участие в наших дальнейших поисках.

Геологи, как знатоки, осмотрели русло реки Северный Иов и сделали вывод: это — платиновый прииск конца XIX века. Работа здесь велась и в более позднее время. Найденное нами оборудование было завезено на лошадях. На вершине перевала, на самом ветреном месте была оборудована кузница, плавильная печь, там же стояли бараки.

Но опять возникло много загадок. Откуда брали руду? Почему прекратили разработку жилы? Есть ли в этом районе другие прииски?

Решаем идти на Серебрянский Камень. На вершине его есть озеро. Слава Озеров высказал предположение, что оно — не что иное, как заброшенная шахта.

В субботний день тронулись в путь. На юге остались Сухогорский Камень и гора Семичеловечья. Вышли к громаде останцев, живописными руинами вставшими на нашем пути. Впереди показался пик с туром и развевающимся красным флагом. Это и есть высшая точка Серебрянского Камня. В двухстах метрах от вершины, среди скал, венчающих горную цепь, блеснуло зеркало воды.

На высоте 1300 метров находится это изумительное по красоте озеро. Отвесные скалы и небо отражаются в его бирюзовой воде.

— Это шахта, — твердо сказал Слава. Взяв кусок породы, он ударил по ней геологическим молотком и добавил: — Здесь добывали медную руду, рудник в труднодоступном горном районе. Можно себе представить, насколько титаническим был труд рабочих людей, добывавших здесь медную руду.

На обратном пути Слава Озеров рассказал нам, что в этом районе скоро начнут добывать дуниты.

— А как же с платиновым прииском отца Филиппа Лукьяновича? — прервал рассказчика Андрей. — Будем ли мы его искать? — Конечно будем!

ИСКРЫ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ...

Заметки литературного следопыта

Книга в книге

У каждого из нас есть свой Пушкин. Одному нравятся его стихи, другому — проза. Я расскажу о своем Пушкине, который близок и дорог мне не только как любителю поэзии, но и как литературному следопыту...

...Книга лежала на подоконнике. Кожаный корешок ее переплета облез, размочалились уголки, листы тронула желтизна. Ветеран! Я раскрыл переплет:

«Приложения к сочинениям А. С. Пушкина, изданным Я. А. Исаковым. Библиографический список всех произведений А. С. Пушкина, дополнения, черновые отрывки, не вошедшие в текст, и примечания».

Ниже заголовка — имя составителя: Григорий Геннади. 1860 г.

Сколько раз уж я слышал об этом любопытном редакторе и библиофиле! Среди издателей слава его была довольно сомнительна — не захочешь такой. Он всю жизнь собирал редкие и уникальные книги, описывал их, составлял каталоги. Но Геннади не очень-то был искушен в оценке редких книг: вместе с хорошими изданиями он покупал и не имевшие большой ценности, а описывал их как выдающиеся. С тех пор, замечал знаток редкой книги Н. П. Смирнов-Сокольский, «людей, занимающихся бессмысленным накоплением каких попало «редких» книг, стали звать «геннадиевцами», или «собираателями редкостей», намекая на безграмотность таких библиоманов».

Григорий Николаевич Геннади редактировал шеститомное собрание сочинений Пушкина, издаваемое Я. А. Исаковым. Но это издание сочувствия у современников не встретило. Друг Пушкина С. А. Соболевский даже пустил в свет эпиграмму:

О жертва бедная двух адовых
исчадий!
Тебя убил Дантес и издает Геннади.

Я хотел было положить книгу обратно, как вдруг заметил: листы в середине ее были значительно светлее. Развернул. Так и есть: к первой книге приплетена вторая — «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие

в полное собрание его сочинений. Издание Р. Вагнера, Берлин, 1861 год».

Вот это, действительно, редкость! При встрече с чем-то неожиданным для тебя, новым так хочется в ту же минуту узнать все сразу!

Издатель, скрывшийся за псевдонимом «Русский», замечал в предисловии, что ни одно собрание сочинений Пушкина, изданное в России, не может назваться полным. «Благодаря тупоумию русской цензуры, около сотни больших и малых стихотворений величайшего из русских поэтов исключено из обоих изданий, а другая сотня искажена или урезана, вследствие чего редкая страница обоих изданий не пестрит рядами точек». Составитель говорил, что, выпуская этот том, он хочет познакомить русского читателя с запрещенными стихотворениями Пушкина.

И вот они передо мной — две книжки, странно дополняющие друг друга. В одной урезаны поэмы, вместо слов — точки. В другой, не знакомой с цензорским остракизмом, все, как в награду, восстановлено. Тернистый путь русского писателя и поэта — от книги к книге!

Подосел хозяин томика, артист Великанов.

— Откуда у вас эти книги, Борис Сергеевич?

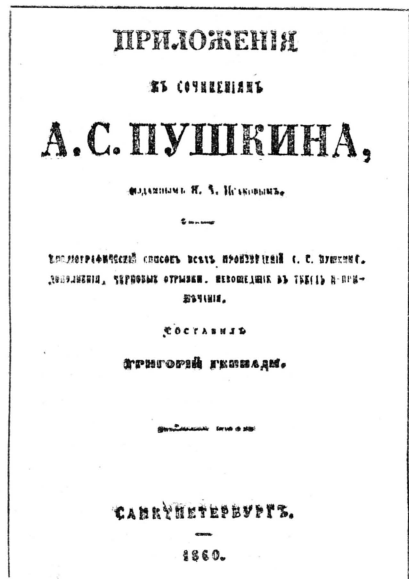
— Они принадлежали моему деду, современнику Пушкина, скульптору Николаю Александровичу Рамазанову. Он написал книгу воспоминаний и там есть интересные места о Пушкине, Гоголе, о художниках.

Литературная складчина

Дореволюционных изданий Пушкина не так уж много в моей библиотеке, не больше двадцати томов. От года к году книголюбю все труднее и труднее находить, приобретать их. Но любую из своих книг я знаю досконально, во всех подробностях ее издания, появления в свет. Вот одна из них — «Новоселье».

Будучи в Сибири, я выменял у одного книголюбца этот удивительный сборник, на страницах которого бла-

Под вечер 19 февраля 1832 года не переставая открывалась и закрывалась дверь смирдинского детища, впуская известных литераторов. Обвалился потолок в доме, — русская литература потеряла бы всех своих корифеев! Тут были Жуковский, Пушкин, Гоголь, Вяземский, Одоевский и много, много других писателей и поэтов.

Сели за стол. Наполнили бокалы. Поздравили новосела. Потом провозгласили тост в честь баснописца Ивана Андреевича Крылова. Тот поднял бокал и предложил выпить за здоровье Пушкина. Кое-кто смутился: ведь среди приглашенных были более «маститые» поэты, ну хотя бы Петр Андреевич Вяземский или граф Хвостов. А сам Василий Андреевич

Жуковский?! Сидевший возле баснописца академик Лобанов наклонился и поспешил, подсказывая, как восстановить старшинство: «За здоровье Жуковского!»

Не обошлось на обеде и без курьезов. Пушкин заметил, что цензора Семенова посадили между Гречем и Булгариным. Соседство не очень-то лестное, ибо тот и другой были отъявленными реакционерами. Александр Сергеевич крикнул цензору через стол:

— Ты, брат Семенов, словно Христос на Голгофе!

Все засмеялись, поняв намек: ведь Христа по преданию распяли на кресте между двумя разбойниками!

Желая отблагодарить хозяина за радушный прием и открытие библио-

годаря выдумке Жуковского и практической смекалке издателя сошлись все видные литераторы первой четверти XIX века.

Этим издателем был Александр Филиппович Смирдин.

Простолюдин по происхождению, не получивший почти никакого образования, он вывел русскую книжную торговлю с задворков на широкий простор. Не кто иной, как он, впервые в истории русского книгоиздательского дела стал платить писателям гонорары (до того они за свои сочинения не получали ни копейки!). И первый гонорар Смирдин заплатил Пушкину за поэму «Бахчисарайский фонтан».

В трудное для поэта время Смирдин нередко поддерживал Пушкина материально. Так он приобрел у него право на издание уже вышедших сочинений и выплачивал поэту по 600 рублей ежемесячно. Деньги по тому времени немалые, если учесть, что на царской службе Пушкин получал всего лишь 700 рублей в год!

А вот один эпизод, рассказанный А. В. Никитенко. Пушкин получил из цензуры «Анжело». Министр не пропустил несколько стихов. Александр Сергеевич вышел из себя: ведь Смирдин ему за каждый стих платит по червонцу! Не говоря о притеснении политическом, моральном, несешь еще и материальные убытки! Так пусть же вместо исключенных цензурой стихов ставят точки!

Смирдин и на это согласился, заплатил поэту за целое полчище многоточий как за стихи!

Молодой издатель облюбовал на Невском проспекте один из лучших домов. В нижнем этаже устроил магазин, в среднем — библиотеку,

теки, Жуковский обратился к собравшимся: пусть каждый подарит новоселу по новому произведению. Предложение поддержали. А через несколько месяцев Смирдин выпустил в честь памятного дня замечательный сборник художественных произведений русских писателей и поэтов.

Вот и у меня оказалась одна из редчайших ныне книг — альманах «Новоселье». Перед титульным листом рисунок, выполненный Брюлловым, братом известного художника, и гравированный Галактионовым: русские писатели за столом в библиотеке Смирдина.

Перелистываем страницы. Стихотворения Баратынского, Вяземского, Жуковского. Повесть Панаева, отрывок из драматической поэмы Михаила Погодина. Владимир Даль подарил Смирдину одну из обработанных им русских сказок. Крылов — пять басен; Пушкин передал поэму «Домик в Коломне», которую написал еще в болдинскую осень 1830 года.

Такова история альманаха «Новоселье».

Полвека спустя...

Есть на моей полке несколько пушкинских томов. Формат всех одинаков, но разные издатели. Объединяет их еще одно — выпущены все в 1887 году. Ни на год раньше, ни на год позднее. В чем же дело?

5 июня 1880 года. На открытие памятника Пушкину в Москве пришли литераторы, учителя, чиновники. Но мало кто из пришедших сюда мог сказать, что у него есть полное собрание сочинений поэта. В течение 50 лет со дня смерти Пушкина право на издание произведений было собственностью его наследников. К 1887 году срок истекал. Многие издатели подготовились к этому дню. Работали не переставая типографии, отпечатывая лист за листом тома его сочинений. В одном только Петербурге выпускались сразу четыре издания.

30 января 1887 года магазин Суворина на Невском осаждали покупатели. Каждый хотел приобрести сочинения Пушкина.

К двенадцати часам все 6000 комплектов были распроданы — весь запас на этот день. Несколько тысяч разошлось в Москве, Харькове, Одессе и других городах. Газета «Новое время» писала: «В Петербурге и других местах сегодня продано этого издания до 16000 экземпляров, или 100000 томов. Такого факта не было еще с самого начала русской книжной торговли».

Борис
ЧЕЛЫШЕВ,
кандидат филологических наук

ДЕЛО О ТРЕЗВОНИИ

Александр
ШАРЦ

Со страниц этого пухлого архивного дела сыплется песок. Ведь раньше не было промокательной бумаги и текст, написанный гусиным пером, посыпался песком. Сыплется песок — значит, дело не было в руках сто, а то и двести лет.

Одно такое дело попало мне в руки — так называемое «Дело о трезвонии...» На первой странице — полный текст заглавия: «Дело о трезвонии «Русской барини» на колоколах Суксунского Свято-Троицкого собора Гришкой Денисовым сыном Малафеевым в день убийства государя-императора Александра II-го Освободителя».

Еще в первой половине XIX столетия в Суксуне начали лить церковные колокола. Благодаря присадке бериллия — делалось это впервые в литейном деле — суксунские колокола были самые звучные в России. «Уральский следопыт» уже писал, что суксунские колокола и сейчас висят на самой большой звоннице в мире — в Большом театре Союза ССР в Москве.

«Дело» имеет 38 листов, исписанных уборым текстом. Из допросов, а допрашивались многие и в том числе отец Иаков — настоятель собора, видно, что звонарь Григорий Малафеев и раньше допускал трезвония на колоколах не только «Русской барини» и «Камаринского», но еще кое-чего.

Звонарь объяснил, что 1 марта, в день Домны святой, он вспомнил свою жену Домну.

Дальнейшая судьба Гришки-звонаря неизвестна. Нет и конца дела.

ЧИСТЫЕ КОЛОДЦЫ

Юрий
БОРИСИХИН

Рисунки
Р. Капикова

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ БЮРО ЦК ВЛКСМ ОТ 30.VII—1931 г.

Слушали: О молодежном зерносовхозе на Урале.

Постановили: а) Одобрить постановление зерногresta о превращении совхоза «Большевик» на Урале в опытно-показательный молодежный зерносовхоз, сохранив за ним прежнее название...

8. Предложить всем крайкомам, обкомам, РК и ячейкам ВЛКСМ, газете «Комсомольская правда», журналу «Смена», ячейкам «ЖКМ»¹ организовать сбор средств на строительство совхоза...

С. А. ДЕРЯБИН — первый директор первого в стране молодежного опытно-образцового совхоза «Большевик».

(В 19 лет — председатель сельбатрачкама. Позднее — член РК ВЛКСМ, член бюро ЦК ВЛКСМ по Челябинской области. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». После окончания Академии социалистического земледелия — на партийной работе).

— Двадцать четыре мне было, когда принял совхоз. Землищи одной — семьдесят две тысячи гектаров. Сто километров из одного конца в другой. А работали как?! Если бы вернуть тех парней — молодых, сильных, стойких.

...И вернуть их помогут страницы толстых книг — «Приказы по личному составу молодежного зерносовхоза «Большевик» за 1933 год. (Листов 318. Хранить 75 лет.)

И вечно! Как память о тех днях — боевых, вдохновенных, трагичных...

«ПРИКАЗ № 16... ОТ 6.II—1933 г.

§ 5

Оказанная помощь со стороны областных, центральных организаций совхозу создала у некоторых работников такое настроение: «нас выручат, нам дадут». Отмечаю всю вредность таких иждивенческих и оппортунистических настроений...»

Директор ДЕРЯБИН.
Секретарь МИКУРОВ.

ПРИКАЗ № 69... ОТ 10.V—1933 г.

§ 1.

За героическую работу тракториста центрального отделения тов. Саламатова, который 50 часов провел за рулем, не отходя от трактора, вследствие того, что его подменщик не явился на работу, а также тов. Саламатова выполняет норму, приказываю: выделить премию промтоварами: пиджак и пару сапог.

Директор ДЕРЯБИН.
Секретарь МИКУРОВ.

ПРИКАЗ № 166... ОТ 7.IX—1933 г.

4 сентября тракторист-ударник 3-й бригады Горликовского отделения Костромин Н. Е. погиб, находясь на

¹ ЖКМ — журнал крестьянской молодежи, так в те годы назывался журнал «Сельская молодежь».

работе, выполняя задание партии и правительства по проведению уборочных работ.

Приказываю: наименовать бригаду № 3 именов Костроминна.

Директор ПИСАРЕВ.
Секретарь КАТКОВ.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ПО МОЛОДЕЖНОМУ ЗЕРНОВОМУ ХОЗУ «БОЛЬШЕВИК» ОТ 28.X—1933 г.

«В связи с проведением 15-летия Ленинского комсомола премировать лучших ударников-комсомольцев, выполняющих и перевыполняющих нормы выработки. В связи с этим выделить сумму 2000 руб.

Зам. директора МУРАШЕВ.
Секретарь КАЛИНИНА.

1941 год. Грянула война...

ПРИКАЗ № 169 ОТ 30 ИЮНЯ 1941 г.

Учитывая, что часть квалифицированных кадров (комбайнеры, помкомбайнеры и трактористы) в связи с военным временем взяты в Красную Армию и будет ощущаться недостаток в указанных кадрах... организовать при совхозе двухнедельные курсы комбайнеров с отрывом от производства. Количество курсантов утвердить — 46. Занятия начать с 1 июля сего года.

ХОХЛОВ Г. Т. — нынешний директор совхоза «Большевик». (Награжден орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета»).

— Недавно после перерыва совхоз снова стал показательным. Правда, теперь уже не называется молодежным. Но разве не радость, что на две сотни учащихся теперь у нас больше, чем в те, тридцатые годы. Поменьше и земли — двадцать пять тысяч гектаров, но урожай куда выше — по 20 центнеров с гектара собираем. Да и не цифры на сегодня важны... Трактор водить мы научим молодого парня. Но нам теперь важно понять, насколько он нравственно, духовно слит с землей, как он сердцем прикипает к нелегкому труду механизатора, через что... Понимают ли они сами, что здесь их корни — дедовские, отцовские. И что ж смогли бы мы добиться без таких вот династий, как Абакумовская?...

Династия АБАКУМОВЫХ. Годы 1933—1974...

...Весной тридцать третьего года пришел на березовую поляну, что недалеко от центральной усадьбы, молодой тракторист Иван Абакумов. Вбил посеред колышек, метрах в ста окопал квадратик. Где колышек — срубил дом о шести окнах: два на дорогу, два на озеро Сухое, два — на светлый березняк. Темный от жирной земли квадрат глумил месяц и вырыл колодец — около десятка метров до ключевой голубейшего отлива воды.

Женился Иван. Дом есть, вода близко. Родился в том дому три Иванова сына: Виктор — старший, Василий — средний, Юрий — младший да три дочери — Антонина, Любовь, Галина.

Подростали дети. Водил Иван трактор — пахал, сеял, жал. Двадцать лет на одном тракторе выездил Иван. Все жал, пока подрастут сыновья.

В сорок седьмом году стал прицепщиком Виктор. Когда же посадил отец сына в кабину и понял, что не хуже его сработано будет — ушел в животноводство, где начали трудиться дочери.

Виктор взял в помощники Василия. Ушел Виктор в армию служить — повел трактор Василий, а на прицеп сел самый младший — Юрий.

Пахали братья, сеяли, жали. Росли и у них сыновья и дочери. У Виктора — Лидия и Александр. Василию судьба послала Нину, Сергея, Николая, Петра. Юрию — одних дочерей: Наталью, Татьяну, Ольгу, Марию.

Отделялись братья от отчего дома — рубили свои дома, выходили замуж сестры, их мужья пристраивались

рядом... И выросла за сорок лет на той березовой поляне целая деревня. Назвали ее люди Абакумовкой, колодец же тот глубокий, куда ходили по воду, — Абакумовским.

Как стоял колодец, так и стоит четыре десятка лет — ни одно звеньишко сруба не хныкнуло. Как жили и работали братья-сестры на земле, так живут и работают — никто не изменил хлеборобскому труду.

Крепко осел здесь род Абакумовский — на дело да на добро. И уже дочь Виктора Лидия учится на агронома. И сын его к возрасту подходит, когда думать надо — чему жизнь свою посвятить.

Виктор Иванович АБАКУМОВ, сын Александр и друг его Сергей Петрухин. Год 1973...

Мать подала Саше зеленую сетку с завернутыми в тетрадные обложки сметанными ватрушками. Он решил, что с ворохом бумаг в авоське ему никак нельзя идти мимо углового дома с низким палисадником. И просто мимо того домика он ходил скороспешкой, пунцовел. В общем, с сеткой топать никак нельзя. Надо проехать мимо. Да, проехать на беломом Машке!

Как-то по гостевому делу конюх обмолвился, что, дескать, застоялись лошади, нету им осенью работы, прогуляй бы кто. Очень неплохо: легкой иноходью, не согнув спины, срезать на том повороте, а повод, конечно, — в одной руке держать. И может, разлетятся за садовками занавески?..

Тонконогий Машок вроде бы и не узнал его — рвал повод, не становился как следует у питьевой колоды, чтобы Саша мог встать в петлю стремени.

Узел сырмятного ремешка скользнул в руке, конец повода настремленно свистнул у глаз Машка. Саша только и успел подумать, как неловко повисла авоська на сгибе локтя — теперь она мешала нагнуться и приторочить повод. А конь уже вытанцовывал за ограду, забирая влево, мимо торной дороги, к подгородной мелкой и злой крапиве, и, всхрапнув, взял махом, как бы выдергиваясь из-под седока.

Он еще заметил, как дребезгнул отвилнувший к забору велосипед, услышал вскрик, и мелькнула вскинутая с козынькой рука, чтоб остановить ошалелого коня.

На поворотце Сашу так тряхнуло, что он упал плечом на раздвоенную гриву. Сверкнули колкие камни дороги, редкая трава взгорка, засеменили стоячие спички частой стерни. Машок заступил, рванул вбок. Сашу развернуло, он почти съехал с коня, цепляясь за гриву. Но метнулась наперерез тень, конь встал, и Саша упал на колкое поле. Подле коня стоял отец и спокойно стягивал повод: как знал Машок, куда вынести. С дороги колесил Серега, пристав на педалях, без фуражки, растрепанный, очки сползли.

Машок совсем присмирел. Отец говорил то ли Саше, то ли коню:

— Ох, застоялся. Порядком разнес. Не грусти, Саня. Упал — не беда. Умел бы вставать.

Саша с трудом верил, что этот смиряга с волосинками на мягких губах мог его так растрепать. А конь, подогнув ногу, отщипывал бледные листья послеуборочной, запоздало вышедшей под холодные дожди зелени.

Отец сел завтракать. Серега постоял, свалил набок велосипед и бочком-бочком — в кабину трактора. Саша представил себя там же, на третьей коже сиденья. За пыльным стеклом — поле, желтое с черным, пашня и стерня, стерня и пашня...

— Весел я утром, Сань, — говорил отец. — Вспомнил одно такое же посленочье. Мама твоя зеркальце меж сучков и прическу прикладывает. Картошки напекли... Пахнет... Может, я ни к чему это. Конечно, вам как — не иначе, как верхом и только мимо окон... Ну, ладно — по коням!

Отец перекинул повод на Машке, руку согнул — подмочь замахнуть на спину.

— Что, второй раз не сядешь?

— Я второй раз не упаду...

— Правильно так считать. Особенно, когда мимо окон... Так утром прибегай пораньше. Вон тот прогон видишь — ничего прогон?

— Ничего.

— Жду там.

Только промолчал Виктор Иванович, что на этом же самом прогоне учил и его отец пахать...

Ничего не скроешь от бати. Обо всем он догадывается.

Шел себе конь улицей — знал дорогу Машок. И головой Саша был вровень с крашеными наличниками окон. Хотелось ему, чтоб Лида, сестра, шла рядом, да нет ее. Редко наезжает Лида домой в цветастом свитере — вся убранная, ну чисто городская. На самом деле — агрономом будет. Красивая у него сестра, и скучает он о ней.

Низом шла прохлада. Нет, и сейчас не разлетелась на повороте занавеска, не мелькнуло золотистое лицо в окошке. Ладно, не беда.

Все слышал Серега, что сказал отец. И Серегин просящий жест увидел Саша: «А я? Можно и я приду на прогон?»

С конного двора двинули прогулочно. Сбоку Серега едет и помалкивает — умеет он завидовать молча. Знал он, что ох, как не зря пригласил Сашку отец поутру.

А вот Серегин батя, прямой, как деревянный метр, важно ходил каждое утро в столярку. К вечеру выносил охапки свежих в сосновой желтизне вил, грабель, досок. В столярку никого не пускал, разговоров не водил — нелюдим.

Серега хорошо и азартно там, на школьном приусадебном участке, где он умеет лихо выкручивать повороты на «колеснике» при прополке. Но Саша знает, как не достаёт при такой езде упрямой точности хода по борозде, чтобы без лишних загогулин вывести пахотный гон чистехонько к пойманной взглядом по курсу то ли верхушки куста, то ли уж совсем дальнего, захолмового шпиля высокой часовни соседней деревни. Потом, сбавя ход, развернуться, войти в новую борозду, слыша, как толчками и глубоко вспарывается подплужниками, как молния на куртке, серая улежалость земли...

Остывает день. Свернулись листья черемухи. Отсырела трава. Молчит Серега.

— Змей пустить, а, Саш? Пустить хороший змей и высоко...

— Змей? Зачем?

Он уже готов пустить змей. А вот зачем действительно? Если бы всегда знал Саша, что и зачем он хочет? Он уже представил себе, как уходит нитка, кривизной вниз, к квадратному полю змея с весело-злым и вихляющим хвостом. Он уже слышит, как упругит теплый ветер, когда вышуршит на тракт велосипед с привязанной к рулю той же ниткой. Может, светлое пятнышко спланирует и над крышей дома, где висят на крыльце цветные половики? И увидит из-под ладони плывущее пятнышко та? Не сможет она не догадаться, кто запустил змей — ведь никто в Абакумовке не умеет их так пускать, как он...

И немногие из ребятни умеют, как он, так ляпнуть тупым колуном по ветвистой щели смолевого полена, чтобы оно расклеилось на две половинки. А потом тремя беремьями дров так подкалить недымную каменку бани, что постанывать будет сухой полнок и запотрескивают от пара пыльные волосы после сенокоса.

А на сенокосе он перепробовал все — и выцарапывал из-под кустов прикоску, и троерогие вилы держивал, когда подаешь слоистое сено на спину зарода. Зимой, оковав тот же зарод, он так может положить воз, похожий на приплюснутую папаху, и затянуть его березовым быстриком, что с саней ни травинки не упадет. Отец его первых пять ездов ни к чему не подпускал, а потом уже и сам ни за что не брался — курил в стороне. Когда уже вырулит воз на след — нагнется только, соберет остаток в охапку и приткнет сзади воза. Этим он как бы говорил сыну: «Нельзя оставлять в поле и былнику».

Много Саша умел, только вот не ездивал на тракторе по взаправдешному полю. И Серега, друг его, не ездивал.

Сколько не припомнит Саша, черный Серегин велосипед с блестящими ободьями и рыжим седлом всегда шуршал рядом с ним. Забирались ли они с ребятами в лес за мягкими маслятами или за гроздовой красноватой кислицей, а то и на берег Сухого, где стояла нырялка с беззанолистыми темными плахами — всегда рядом был Серега. Сначала он смотрел, как ребята втыкаются солдатиками в прохладу зеленоватой воды. Позже раздевался сам, отмерял круга-два саженками, выскакивал и шел отаптывать отогнувшуюся за ночь траву возле вратарских ворот. Стоял в воротах молча и люто.

Серега, Серега... Он, никто другой, подарил ему самое-самое. Они бродили по пухлым от палых сосновых иголок межам и у дороги меж кустов увидел Саша крас-

ное с синим платьице. Серега подвинул ему велосипед: подвези, мол, до дому, сам-то вроде не выдюжу...

Саша догнал ее, и по высокой, стеблистой, с метелками, похожими на парашюты, траве они шли рядом, пунцовые оба. Он мягко подсадил ее на раму и повез. Тонкий запах осыпавшейся на плечи черемуховой пыльцы сносило по лицу. Саша сдерживал дыханье. Сам не раз ездил на раме и знал, как легко обнаруживает усталость такое вот трудное дыханье.

Где она сегодня? Но Серега рядом был, и Саша знал, что сделает для друга.

— Где ночуешь?

— Да на сеновале. Одеяло есть.

— Я добужусь. Там скажу зачем...

Теплой ночью, ближе к утру, они шли темной, наспирывая на штанины цепкую пестрядь репья. Светела, от темного к голубому, облачная полоса. Каждый знал свое дело. Серега таскал ломкий и облупленный тальниковый сухостой, без треска половина его об колесо, и выкладывал шатерком вокруг опрокинутого и обложенного по ободьям травой ведра с картошками.

Похрустывал костер. Тепло не уходило с неедким и густым дымом — хороши дрова. Быстро калилось ведро.

Поляна стала просторнее. «Не на ней ли мама пристраивала зеркальце?»

Саша сидит спиной к доске, и сухая кора не студит спину. Серега молча сидит рядом.

Где же сейчас она? И он увидел, как наплывает на него, но мимо, вся деревенская живность: ленивые пестрые коровы, черные глазастые овечки с засевшими в шерсть до самой острижки репьями, влажные кони с отвязанными поводками, белые курицы и важные петухи, уральни-гусыни, а вверху — воробьи, хвостатые сороки, стрелчатые стрижи. А за всей этой живностью — трактор с узким козырьком над крышей кабины. В кабине — Серега, очки его заплылены, а сам он весел. Саша, держа руку на руке, показывает, куда и как вырубать. Все злее отхлопывает волнистыми кренделями дыма трактор. Тепло в кабине. Тепло же от рук льется до груди, томит сухой свежестью. Саша силится разглядеть косынку и платье уходящей фигурки, заглянуть в лицо, но его закрывает то подсолнух, то ствол березы...

Саша открывает глаза. Спит солнце. Саша видит рядом Серегу, тот не спит...

— Не спал?

— Разбудить боялся...

Близко затарахтел трактор. Они пошли навстречу. Широкий и вовсе не сонный, как они, выступил к ним отец. Саша поставил на стерню ведро с печеной картошкой, чуть остывшей и съезжившейся: «Принимай, отец, любимую твою, пахнущую...»

Отец молчаливым жестом кивнул на трактор.

— Пусть поедет Серега, — сказал Саша. — Пусть он первый... А я за водой сбегаю.

Что бы стоили слова, скажи он их так, вообще, вскользь? Он знал, что скажет их еще утром. И как ни хотелось самому сесть в кабину, чтобы рядом — плечо его отца, чтобы надвигались на трактор черная пашня, желтая стерня... Но он отдаст право первого Сереге. Ведь у него есть еще одно — само-самое, та легкая девчонка, которая уже сошла с крылечка с пестрыми половиками. И плавное коромысло проплывет на плечиках ее к колодцу. Они будут стоять, не замечая, что давно зачерпнуто ведро там, в холодном стволе сруба воды голубейшего отлива — ключевой. Она не подымет глаз; не упал Саша, здоров, целехонек, раз тут вот, рядом. Видела ведь она, как понес конь...

Оба не заметят, как за углом дома снимет с плеч, не звякнув, ведра Сашина мама, не выйдет, не обнаружит себя. Теперь она будет знать — куда бы ни собирала сына, собирает ненадолго, он обязательно вернется к этому колодцу, к девушке с золотистым лицом... Вернется навсегда.

...Да и сама она ведь не ведала, что на далекой станции Шумиха уже сошла с поезда ее дочь Ляда, что сегодня вдруг заметит на гвозде одинаково пахнущие соляркой куртки отца и сына, и достанет из шкафа не те обычные тарелки: большую — мужу, поменьше — сыну, а обе большие. Кому как не ей, матери, знать, с какого дня и часа становятся взрослыми сыновья...

ПРИКАЗ ПО СОВХОЗУ «БОЛЬШЕВИК» ОТ 12.II—1974 г.

«Назначить выпускницу Шабринского техникума совхоза Абакумову Лидию Викторовну участковым агрономом в Абакумовское отделение.»

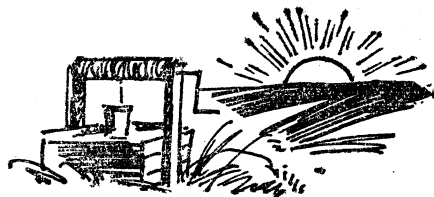
Директор Г. ХОЖЛОВ.
Секретарь Л. СУРНИНА».

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ТОРЖЕСТВЕННОГО СОБРАНИЯ ПЕРЕДОВИКОВ ПРОИЗВОДСТВА, ВЕТЕ- РАНОВ И МОЛОДЕЖИ СОВХОЗА «БОЛЬШЕВИК» ОТ 21.IV—1974 г.

«Считать посвященными в благородный труд хлеборобский следующих достойных представителей комсомольской и несоюзной молодежи: Сергея Петрухина, Александра Мазенникова, Павла Фартыгина, Ивана Кустова, Александра Бухарова, Александра Абакумова, Дарика Миниахметова, Владимира Барышникова с вручением им рабочих спецовок, хлеба-соли, щепоти родной земли.»

...Принял щепоть земли от имени выпускников сельского профтехучилища Александр Абакумов, внук того Ивана Абакумова, что вырыл на поляне глубокий колодец — далекий по времени и с близкой водой.

...Они, далекие колодцы, ниже поля, на котором пахут, сеют, жнут сыновья его и внуки. Потому-то чистоту их хранит сама животворящая земля — вся из таких вот святых щепотей...

МОНЕТЫ-САМОДЕЛКИ

Марат
ГЛЕЙЗЕР

Прочитав это название, читатель может подумать, что речь пойдет о монетах, якобы чеканившихся заводчиками Демидовыми в глубоких подвалах Невьянской башни...

Нет, речь пойдет о так называемых «уральских монетах» нового времени — о Николо-Павдинских металлических марках. Общество потребителей служащих и рабочих Николо-Павдинского имения выпустило свои деньги — «кредитные марки» с девизом «Единение — сила». Их выпуск нумизматы относят к дореволюционному периоду. Была изготовлена серия марок различного достоинства: круглые номиналом в 5, 10, 20, 50 коп., шестиугольные достоинством в рубль, три рубля и десять рублей, овальная — в пять рублей. На одной стороне марок помещалось название общества и цифры достоинства, на другой — девиз и две скрещенные в пожатии руки в обрамлении лавровых веток.

Вообще-то прежде, как и ныне, существовал запрет на выпуск «частных» денег. Он был введен в 1870 году в связи с выпуском одной акционерной компанией при строительстве железной дороги бронзовых монетовидных марок для расчетов с рабочими.

Во время первой мировой войны из-за инфляции мелкие деньги стали быстро выпадать из торгового оборота. По-видимому, оттого Николо-Павдинское общество и выпустило собственные монеты для расчетов с рабочими и служащими.

Но мы не стали бы вспоминать сегодня о Николо-Павдинских марках, если бы они не получили новую жизнь во время нэпа, когда денежная система Советской России была основательно расстроена. Деньги обесценивались с каждым днем. Поэтому на основании постановления

Совета Народных Комиссаров РСФСР от 11 октября 1922 года с 27 ноября того же года были выпущены устойчивые деньги — червонцы. Червонец приравнивался к 10 золотым рублям. Но для мелких расчетов стоимость червонца была велика. И некоторые предприятия выпускали металлические боны в долях червонца. Такими были, например, боны 2-й государственной шорно-фулярной и чемоданной фабрик в Петрограде достоинством от одной копейки до пяти рублей, выпущенные в обращение на территории фабрики в 1922 году.

Вероятно, в это же время на Николо-Павдинских марках появилась надчеканка «НПО 22», которая сделана на марках всех достоинств, за исключением номинала в 10 рублей. Цифра «22» расшифровывается как дата — 1922 г., а что значит «НПО»? То ли это «Николо-Павдинское общество» или, что более возможно, «Народное потребительское общество», а, может быть, что-нибудь другое. Кстати, поясним: в 1922 г. существовало Николо-Павдинское акционерное общество, входившее в объединение «Уралплатина».

Кто же предложил сделать надчеканку на старых кредитных марках и пустить их в обращение? На какой территории обращались эти марки и сколь долго? Вопросов много. Историю Николо-Павдинских марок могут прояснить нумизматы...

ШУРКА-

Рассказ

Анатолий
СОБОЛЕВ

Рисунки
В. Бубенщикова

В то далекое, памятное лето Данилка за-
тем читал книги. Он ходил со своим школьным
обшарпанным портфелем в библиотеку партка-
бинета, куда был записан отец, и там молодая
с болезненным лицом, тихой улыбкой и длин-
ной черной косой женщина позволяла рыться в
книгах сколько душе угодно.

В ту пору Данилка увлекся историческими
романами и книгами «про историю». Он набивал
полный портфель и неверными шагами подходил
к столу библиотекарши — а вдруг она скажет:
зачем тебе столько книг? Но Данилка просто не
мог их тут оставить — вот придет в другой раз,
а их уже нету! И одна мысль об этом повергала
его в ужас.

Библиотекарша, отрываясь от чтения нового
журнала, аккуратным почерком записывала кни-
ги в отцовский формуляр, и Данилка торопливо
выскальзывал из помещения.

Он спешил на дощатую, вымытую непогодой
крышу своего сарая. У человечества нет изобре-
тения гениальнее, чем крыша! И видно все вокруг,
как с аэроплана, и от гнева матери отсидеться
можно, и солнышко пригревает, и тихо — читай
и мечтай сколько влезет!

Данилка раскладывал на теплых досках свое
книжное богатство и наступали минуты блажен-
ства. Сначала рассматривал обложки и иллю-
страции, потом долго выбирал ту, которую чи-
тать первой, аккуратно складывал стопкой ос-
тальные...

Он забросил игры, друзей и был совершен-
но счастлив, живя в мире бесстрашных море-
плавателей и путешественников, прославленных
полководцев, вечных бродяг, пылких влюблен-
ных и отчаянных разбойников.

В голове Данилки была каша из времен и со-
бытий. Ночами он кричал...

Однажды библиотекарша, когда он принес
менять портфель книг, спросила:

- Неужели прочитал?
- Прочитал.
- Может, картинки только смотришь?
- Не-а, читал.

Она не поверила и заставила пересказать
кратце содержание книг. Удивилась, что он
действительно все прочитал. Покачала головой,
внимательно посмотрела в лицо Данилки.

ХЛЯСТИК

— Лето же сейчас. Тебе отдохнуть надо, побегать. Книги читать — тоже работа.

Данилка поразился таким словам и стал убеждать, что совсем нет, что читать ему легко и никакая это не работа. Но библиотекарша — с неожиданной твердостью для такой тихой и ласковой женщины — отрезала:

— Будешь брать только две книги на десять дней. И раньше не приходи.

Данилке пришлось смириться. Но он схитрил — стал брать книги потолще. Благодаря этому прочитал «Войну и мир», «Жана Кристофа», «Тихий Дон», «Отверженных».

От зари до зари просиживал он на крыше, забывая про обед и не откликаясь на зов матери.

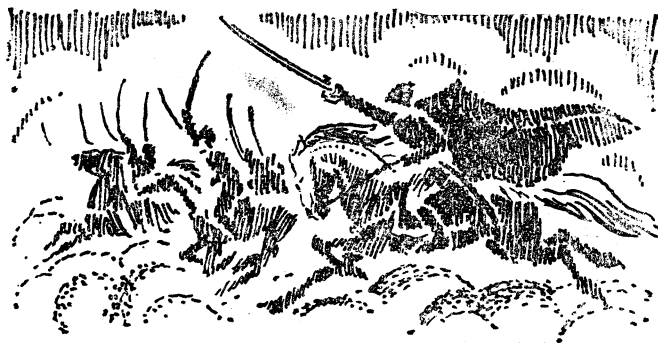
А на вокзале призывно гудели поезда, уходили куда-то на Дальний Восток к Тихому океану и на запад к Балтийскому морю. Где-то там, на краю света, были моря-океаны, куда мечтал попасть Данилка и водить по бурным волнам в шторма и бури белоснежные корабли. Но эта маленькая, затерянная посреди Сибири станция, была отчаянно далеко от синих морей, от открытых таинственных островов, от белокрылых каравелл. Могучие паровозы «ИС» и «ФД» проносили вагоны, полные, как полагал Данилка, счастливых людей, едущих в какую-то другую, волшебную жизнь.

С пологой крыши сарая открывался обширный вид на дальний лес за станцией, на озеро, где Данилка чуть было не утонул, на ближние огороды, на пыльные улицы станционного поселка с чахлыми молоденькими тополями, на двухэтажную школу, устало отдыхающую летом от луженых глоток сорванцов.

Однажды, пригретый солнышком, заложив руки за голову, лежал и глядел он в высокое синее небо, представляя, что это Индийский океан, и он с капитаном Васко да Гама плывет открывать еще неоткрытую Индию, страну сказочных богатств и красот. Он стоит на носу каравеллы, смотрит — не видна ли земля, а капитан живым насмешливым голосом совсем рядом вдруг произносит:

— Эй ты, гнида, чо развалился?

Данилка перевел глаза с неба на землю и обомлел. На крышу к нему взбирался Шурка-Хлястик.

Это был известный на станции урка. Все знали, что в кармане носит он «перышко» — острый, как бритва, ножичек. Шурка-Хлястик умел двумя пальчиками неслышно залезть в карман проезжему пассажиру и вытащить кошелек. Он ловко разрезал дамские сумочки и «уводил» червонцы.

Шурка-Хлястик каждый день ходил на вокзал, сутулясь и плотно запахнув кургузый пиджачок вокруг тощего туловища, в коротких штанах с пузырями на коленках и босиком. Говорил он то басом, то надтреснутым фальцетом — у него ломался голос. Он был на год старше Данилки и должен бы закончить шесть классов, но его давным-давно вытурили из школы.

Верткий был урка. Когда ловили, только хлястик в руках оставался. Его поэтому и прозвали «Хлястик». А если и забирали в милицию, то отпускали, как несовершеннолетнего и из жалости к его матери. Отца у него не было, мать слазить с ним не могла, и он совсем отбилсЯ от рук.

Как-то отнял он у Данилки мороженое, только что купленное на перроне. Данилка отдал, не сопротивляясь, и только благодаря этому остался с неразбитым носом. А потом долго страдал от собственной трусости, мысленно расправляясь с уркой. В мечтах все пристанционные пацаны брали верх над Хлястиком, в действительности же он держал их в трепете. О нем ходили легенды, одна страшнее другой.

И вот этот тип лез к Данилке на крышу. Данилка затосковал. Обреченно решил — будь, что будет. Не прыгать же с сарая в крапиву, в чужой огород, не оставлять же книги. Только сегодня утром сходил в библиотеку парткабинета, обменял их.

А Хлястик уже залез на крышу и шел по теплым доскам. Данилка напряженно следил за его приближением.

Хлястик опустилсЯ рядом и спросил басом: — Закурить нету?

— Нету, — замотал головой ошеломленный вопросом Данилка и увидел, что на Шуркином лице появилось недовольство, а это грозило неприятностями. Пожалел Данилка, что не было у него закурить.

И вдруг его осенило.

— Давай, я принесу. У отца есть дома.

— Поищи дурее себя,— небрежно бросил Хлястик, и Данилка понял, что тот разгадал его маневр. Все же Данилка не сразу отказался от такой блестящей мысли, схватил было книгу и потянулся за другой, рассчитывая удрать совсем, но Хлястик властно опустил руку на книги и сказал фальцетом:

— Не лапай!

Ничего себе! Сам опустил свою грязную корягу на чистую обложку, и ему же говорит: «Не лапай!»

— Я папирос принесу,— пролепетал упавшим голосом Данилка, все еще надеясь на чудо.

— Не егози!— приказал Хлястик и лениво почесал ногой ногу.

Данилка сел, чувствуя, как предательски вздрагивают руки. Он смотрел на корявое, побитое оспой лицо Хлястика, на рыжую жесткую челку, косо подрезанную, на сухие, хищно прижатые к черепу уши, на грязную шею, и не знал, что же делать, как выкручиваться.

Хлястик повертел книгу, прочитал вслух название, ловко сплюнул и спросил ломким голосом:

— Ты чо, все это прочитал? Я тебя тут кажедень вижу.

Хлястик жил неподалеку, и отсюда, с крыши, была видна его засыпушка с подслеповатыми оконцами и облупленными стенами с остатками известковой побелки.

— Читаю,— ответил Данилка.

— Ты, поди, и шкилет поэтому. Как туберкулезник.

Данилка смутился. Он действительно за это лето исхудал. Отец говорит — от роста, а мать — от чтения.

— Это про чо?— Хлястик ткнул пальцем в книгу.

Данилка сказал, что про Робинзона Крузо, путешественника, который попал в кораблекрушение на необитаемый остров и жил там один много лет, и что у него был говорящий попугай.

Хлястик с интересом слушал и вдруг спросил:

— Ты попугаев живых видел?

— Не-е.

— Я тоже не видал,— с сожалением признался Хлястик и это как-то сблизило их. Данилка даже обрадовался, что оба они не видели попугаев и в этом равны.

— Валяй дальше,— приказал Хлястик.

Данилка вздохнул и продолжал о приключениях Робинзона и о его жизни на острове.

— Стоп!— басом прервал Хлястик.— Сам прочту, я ее беру.

У Данилки оборвалось сердце. Все, накрылась книжечка!

— Это не моя книга,— робко заикнулся Данилка.— Из библиотеки.

— Ну и чо?— равнодушно спросил Хлястик. Данилка растерянно заморгал.

— А давай вместе читать,— вдруг пришла счастливая мысль.

Хлястик удивленно посмотрел на него.

— Вместе?

— Ага! Где непонятно будет, я расскажу. Я ее три раза читал.

Хлястик нерешительно пожал плечами, а Данилка, чувствуя его колебание, ринулся в атаку. Надо же было как-то спасти книгу! Он стал горячо убеждать Хлястика, что здесь, на сарае, очень здорово читается, что он эту книгу знает, как пять своих пальцев, и если что будет Хлястику не совсем ясно, то он растолкует все до нитки.

— Да мне на вокзал надо.— В голосе Хлястика слышалась неуверенность.— И курить у тебя нету.

Данилка знал, зачем Хлястику надо на вокзал.

— «Владивосток — Москва» еще не скоро. А курить я тебе принесу,— пообещал Данилка.

— Чеси,— милостиво разрешил Хлястик.— Ты мне нравишься, шкет!

Данилка рискнул оставить книги, смотался домой, поюлил перед матерью (если б она знала — с кем сидит ее сын на крыше!), вытянул из отцовского стола две папиросы. На крыльце он потоптался — может, леший с ними, с книгами?! А то еще этот урка возьмет да и набьет морду ни за что, ни про что. Может, воспользоваться случаем и не возвращаться на крышу? Но он тут же устыдился своего предательства: книги же там доверчиво ждут его, а он их оставил один на один с уркой. Данилка бежал к сараю и его не покидала мысль, что на крыше никого уже нет, и книги тью-тью!

Но Хлястик оказался на месте и читал «Робинзона Крузо».

— Здорово! — встретил он Данилку совсем не грозным взглядом.— Буря какая! Ты море видал?

— Не-е,— охотно сознался Данилка, зная, что и Хлястик не видел.— Оно отсюда за тыщи верст!

— Вот бы посмотреть! Хоть бы глазком! А? — сказал Хлястик, и Данилка увидел, что лицо его совсем не грозное, не хулиганское, а простое мальчишеское лицо с веснушками на носу, с голубыми глазами и шербатым ртом.

Хлястик закурил папиросу, выпустил дым носом, предложил курнуть Данилке и тот не посмел отказаться, но, затянувшись, закашлялся трудно и надолго.

— Не привыкай,— по-взрослому наставительно сказал Хлястик.

Данилка почувствовал себя щенком.

Они читали в тот день долго. Хлястик время от времени отрывался от книги, глядел на Да-

нилку ясными глазами и восторженно восклицал:

— Во здорово! На всем острове один — и не боялся!

— Здорово! — охотно соглашался Данилка, снова — уже в который раз! — переживая приключения Робинзона.

Сунулись было на крышу дружки Данилки, но, увидев Хлястика, остолбенели.

— А ну, брысь отседа! — процедил сквозь зубы Хлястик.

Мальчишки горохом сыпанули вниз. Яшка-адъютант было замешкался, не от храбрости, от удивленья.

— Кому сказано! — взъярился Хлястик и голос его опять сорвался на фальцет. — А то мордой об дорогу — все конопушки растеряешь.

Яшку-адъютанта как ветром сдуло. Пацаны лупили от сарая, озираясь на бегу. Потом их онемевшие головы торчали, как арбузы, на соседских крышах, дружки ждали, чем все это кончится. Они были уверены, что Данилка влип, попался в лапы Хлястику.

А Данилка и Хлястик с интересом читали, потом лежали и глазели в небо. Хлястик курил, а Данилка рассказывал про дальние моря, о которых вычитал, про тропические острова и страны, про корабли под парусами и знаменитых капитанов. Хлястик охотно слушал, а в конце заявил, что как только подшибет хорошую деньгу, так укатит на море, там, сказывают, не жизнь, а малина — тепло и мухи не кусают.

— Сколько часов? — вдруг спохватился он. — Пассажирский, поди, пришел! Книжку я возьму с собой.

У Данилки екнуло сердце.

— Ты не дрейфь, я принесу, — успокоил его Хлястик и поклялся, — Одесса-мама, Ростов-папа, век свободы не видать!

В подтверждение слов провел себе по горлу ребром ладонки.

Но на другой день Хлястик не пришел, и Данилка уныло придумывал, как теперь оправдаться перед библиотекаряшей.

На третий день, едва Данилка забрался на крышу, как явился Хлястик с книгой. Она была обернута газетой.

— Чин-чинарем! — весело подмигнул он. — Все листочки целы. Один выпадал, я его подклеил. Я вчера приходил, тебя не было.

Данилку мать после обеда посылала в другой конец станции к тетке полоть огород.

— Я в дом не пошел, чтобы матку твою не пугать. — Хлястик невесело усмехнулся. — Они все, как меня завидят, так кудахнут, как наседки перед коршуном. Прочитал я Робинзона. Интересно. Есть у тебя еще такая?

— Могу принести хоть какую! — прихвастнул на радостях Данилка. — Хочешь вот «Гулливвер у лилипутов» читать будем?

— Это про чо?

— Тоже про путешествия. Гулливер к карликам попал.

— Давай, — охотно согласился Хлястик. — Сегодня можем долго сидеть. Я вчера дамочку «наколол». Чистая работа, как в аптеке на углу. На курорт, поди, к морю спешила. Пожрать вот захватил, и курево есть. Карманы набил — штаны сползают.

Он вывалил из карманов пряники, горка получилась внушительная.

— Кто не работает — тот не ест! — подмигнул он. — Любишь? Я люблю страсть!

Данилка тоже любил пряники, особенно медовые, какие принес Хлястик. Но он понял, что вчера Хлястик обокрал какую-то женщину, и эти пряники куплены на ворованные деньги.

— Ты зачем ворешь?

— Не твое дело, не суйся! — сразу окрысился Хлястик и опять превратился в урку со злобным и пронзительным взглядом.

Данилка притих, а сам решил, что больше связываться с Хлястиком не будет.

— Шамай, шамай, — уже примирительно сказал Хлястик. — Я шамать люблю, чтоб до поту.

Поколебавшись, Данилка взял пряник.

Они сидели на крыше весь день.

— Голова заболела, — сказал к вечеру Хлястик и отодвинул книгу.

Он закурил, пустил в небо дымок.

— Сделаю «наколочку» посолиднее и рвану на море. Хочешь, вместе рванем? Будем шамать мороженое и шоколад. Как фраера. «Корочки» купим шикарные, лаковые.

Данилка смотрел на босые ноги Хлястика, расчесанные, в ссадинах, с присохшей грязью.

— А то тут так и не увидишь ничего. И жизнь пройдет, как Трезорские острова, — с грустинкой сказал Хлястик.

— Азорские, — поправил Данилка.

— Какие? — подозрительно переспросил Хлястик.

— Азорские.

Хлястик вдруг рассвирепел, сорвался на фальцет:

— Шибко грамотный, да! А по по не хо?

— Чего? — не понял Данилка, но на всякий случай отодвинулся.

— А по портрету не хочешь? — расшифровал Хлястик.

Данилка не хотел. Хлястик недовольно шмыгал носом.

Осторожно, чтобы Хлястик снова не взорвался, Данилка объяснил, что в Атлантическом океане есть сказочные острова — Азорские.

— Вот бы махнуть туда! А? — загорелся Хлястик. — Махнем? Без напарника по железке мотаться туго. Я знаю, я в Испанию бегал. Милиция в Омске сняла.

Данилка замялся. Хоть он и мечтал о дальних странах и морях-океанах, но бежать из дому не собирался. Хлястик понимающе усмехнулся и вдруг спросил:

— У тебя пахан с маткой хорошие?

— Хорошие.

— Повезло,— с завистью подытожил Хлястик.— А у меня матка пьет, а пахана я и повое все не видел. У тебя пахан — шишка?

Отец Данилки до недавнего времени был председателем райисполкома. Его сняли с работы и собираются исключить из партии. Отец осунулся, потемнел, мать тревожно молчит. Данилка как-то поздно вечером, когда лег спать, слышал, как отец говорил: «Буду писать в ЦК. Правду я все равно найду». Из отрывочных фраз Данилка понял, что отца обвиняют в падеже скота, а он здесь ни при чем. Еще до него не создали ни ветлечебниц, не заготовили корма, и зимой скот стал гибнуть. И район он принял в бедственном положении...

Данилка не ответил на вопрос Хлястика, промолчал, каким-то чуьтем понимая, что не обо всем можно говорить.

Хлястик теперь приходил почти каждый день, и они читали. Однажды в библиотеке Данилке попалась книга с нарисованными на обложке фигурами. В шляпах с пышными перьями, со шпагами стояли три мушкетера. У Данилки екнуло сердце. Он уже слышал про этих мушкетеров и давно хотел заполучить эту книгу. На крышу бежал не чуя под собой ног. Они с Хлястиком взахлеб читали про удивительные приключения четырех друзей: трех мушкетеров и одного королевского гвардейца.

— Эх, вот жизнь была! — Хлястик отрывался от книги и восторженно смотрел с крыши вдаль, за станцию.— «Месье, если вы не трус, поднимите перчатку. Я вызываю вас на поединок». Мне бы шпагу, я бы им показал!

Голос его накалялся, и Данилка чувствовал, что говорит он о ком-то здешнем, кому-то хочет отплатить. Даже конопушки на побледневшем лице Хлястика выступили яснее.

Они выстругали из палок шпаги, сделали из картона шляпы. Хлястик выдернул у соседского петуха из хвоста два пера — зеленое и красное,— приведя этим петуха в истерическое состояние. Перья прикрепили к шляпам, и на пустом школьном дворе начались мушкетерские бои. Как звенели их острые шпаги! Как скакали они во весь опор на быстроногих лошадях!

Друзья Данилки, не решаясь подойти, наблюдали издали, а Хлястик, весело скаля зубы, кричал:

— Господа, остры ли ваши шпаги? Готовы ли вы сразиться за прекрасную Францию?

Всем мальчишкам хотелось сразиться за прекрасную Францию.

Теперь, после жарких боев, на крыше соби-

рались все Данилкины дружки. Хлястик стал как-то мягче, чаще улыбался, ругался меньше, и мальчишки перестали его бояться.

Однажды пацаны сидели на крыше и вдруг услышали внизу ругань и крик. Хлястик взвился, как на пружинах. Мальчишки тоже вскочили и увидели, что возле Шуркиного дома какой-то пьяный мужик бьет его мать. Шурка-Хлястик соскочил с крыши и через огороды напрямик кинулся к своему дому. Данилка бросился за ним. Когда он перемахнул последний плетень, то застал такую картину: Хлястик с искаженным лицом наскакивал на мужика, тыкал его палкой в живот и кричал:

— Ты хиляй отсюда, фраер! А то я тебя изувечу насквозь и даже глубже, гад!

Мужик ойкал, ругался и отступал. Мать Хлястика голосила, испуганно хватая сына за руки. Мужик торопливо ушел, пригрозив расправиться со щенком.

— Пламенный привет! — издевался, кричал вслед ему Хлястик.— Пишите письма!

Мать плакала, размазывала грязные потеки слез по лицу и, пьяно вздрагивая, горбясь, пошла в дом. Соседки выглядывали из-за заборов, укоризненно и горестно качали головами.

Когда мальчишки снова сидели на крыше, Хлястик говорил:

— Подался бы я отсюда давно, да сестренки жалко. Мала еще, куда с ней. Вот подрастет малость, и подадимся. А мамка совсем спилась. Она больная. Когда трезвая — плачет и добрая. Она все понимает, а пьет, не удерживается. Ее лечить надо, в Москву везти. Да денег нету ехать.

Мальчишки молча с ним соглашались.

А однажды произошло вот что. Хлястик заявился на крышу и торжественно объявил:

— Здравствуйте! Я — Чапаев!

Он вытащил из-за штанов растрепанную книжку без обложки.

— Про Чапая книженция. На станции нашел.

Книга была без начала и конца, обложка оторвана, страницы замусолены. Начинаясь она со слов:

«Рано утром, часов в пять-шесть, кто-то твердо постучал Федору в дверь. Отворил — стоит незнакомый человек.

— Здравствуйте! Я — Чапаев!»

Эту книгу пацаны читали так, как не читали ни одну до этого, читали, позабыв все на свете. Читали по переменке: один читает вслух, все слушают. Когда у читающего пересыхало в горле, его сменял другой. А когда уставали от чтения, на крыше раздавались звуки боя.

— Тра-та-та... Тра-та-та... Тра-та-та... — строчил пулемет.

Это очень ловко получалось у Яшки-адьютанта. Он заикался, когда говорил, а «тра-та-та» без запинки высаживал, как настоящий пулемет.

— Бах-бах, бабах! — залпом били пушки. Это Данилка отвечал Яшке.

— Ура! Ура-а-а! Бей золотопогонников! — раздавался боевой клич Хлястика.

Пацаны волтузили друг друга, сопели, кричали:

— Падай, ты убит!..

Когда надоедало сражаться, пели любимую песню Чапая:

Ты, моряк, красивый сам собою,

Тебе от роду двадцать лет.

Полюби меня, моряк, душою —

Что ты скажешь мне в ответ? — начинал Хлястик.

Мальчишки в ответ орали, сияясь перекрычать друг дружку:

По морям, по волнам,

Нынче здесь, завтра там!

По морям-морям-морям-морям,

Эх, нынче здесь, а завтра там!

Припев особенно нравился Данилке. Он одновременно представлял себя моряком на море, и на гражданской войне рядом с Чапаевым.

По морям, морям-морям-моря-я-м...

Хлястик притащил как-то синюю обложку, на которой золотом было написано «Фауст» и нарисован мужчина в странном одеянии, а рядом с ним хвостатый черт.

— Тут про какого-то черта стишки были. Но картон — будь здоров! Сейчас обложку смастерим.

Он ловко срезал бритвочкой прежнее название на обложке, а Данилка аккуратно написал печатными буквами новое. Перед этим возник спор — как назвать книгу про Чапаева. Хлястик прекратил базар:

— Ша! Назовем ее — «Здравствуйте! Я — Чапаев!»

Поджав губы, он с вызовом оглядел пацанов. Никто не решился перечить.

Они склеили листочки, которые выпадали. Яшка-адъютант нарисовал картину Сломихинского боя, когда Чапаев несется на коне и бурка развеивается у него за плечами. Хлястик вставил в самый конец книги чистый листок и собственноручно написал: «Чапаев остался живой! Никакая пуля его не взяла! И никогда не убьет! Здравствуйте! Я — Чапаев!»

Написав, посмотрел на всех и вздохнул.

Книга получилась красивой. Хлястик забрал ее себе.

Теперь у мальчишек появилось новое увлечение — переплетать книги. Данилка старался брать в библиотеке самые потрепанные книги. Большие способности в переплетном мастерстве вдруг проявил Хлястик. Под его руководством дело быстро двинулось вперед. Яшка-адъютант рисовал акварелью картинки, Данилка делал на обложках надписи — у него здорово получались печатные буквы, — а Хлястик с другими паца-

нами складывал растрепанные листки, подрезал и склеивал. Книжки получались как новенькие. Библиотекарша не могла нарадоваться и хвалила ребят. Мальчишки гордились. Правда, туго было с обложками, но однажды Хлястик припер несколько больших листов картона. Поймав подозрительный взгляд Данилки, сказал:

— Не дрейфы! С прошлым я завязал. Это заработок честный. На станции дрова пилят — я на бревнах сижу, чтоб они не крутились на козлах. И поленицы складываю. Так что все благородно, как у декабристов. Ляжки вот стер, волдыри вскочили.

Он снял штаны и все увидели, что ляжки его красные, натертые. Хлястик сморщился.

— Бревна эти крутятся, как живые. Вес у меня легкий, вместе с бревном вертухаюсь.

Шли годы.

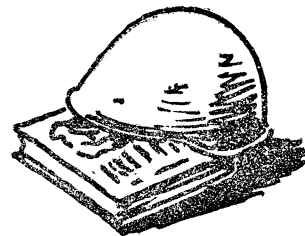
Через несколько лет, уже в конце войны, в одном из городов Восточной Пруссии капитан Данила Чубаров попал в полусгоревшую библиотеку. Он ходил среди обугленных стеллажей и складывал в стопку сохранившиеся книги. Он вспомнил библиотеку парткабинета, крышу сарая, Шурку-Хлястика и его непоколебимую веру, что Чапаев жив, и в груди молодого капитана потеплело. Он плохо понимал немецкий язык и едва разбирал названия. Капитан не знал, какие здесь книги, но это были книги, и он спасал их. И вдруг увидел прекрасно изданную книгу с портретом Гитлера. «Майн кампф» — разобрал он готический шрифт. Он взял ее с осторожным любопытством и долго вертел в руках, думая о том, что книга предназначена пробуждать в человеке доброе, светлое, разумное, а эта...

Он бросил ее в костер, который развели во дворе солдаты для обогрева. Солдаты удивленно смотрели на своего капитана.

— Из-за этой книги мы воюем, — сказал он. — Вот чем это кончилось.

Капитан кивнул на разрушенный городок. Острокрыший, красно-кирпичный, недавно взятый в ожесточенном бою, он еще дымился...

После войны Данила Чубаров заехал на станцию, где жил когда-то, к своей тетке, и узнал от нее, что Шурка-Хлястик, теперь Александр Буравлев, вернулся с фронта с тремя орденами Славы и работает где-то не очень далеко воспитателем в трудовом лагере для несовершеннолетних преступников.

СОКРОВИЩА НЕРИАНЫ

**Дмитрий
БИЛЕНКИН**

Рисунок
Е. Стерлиговой

Люди на взгорье, как моряки на шаткой палубе, стояли, расставив ноги. Слева — километрах в полутора — щербатые гряды скал тряслись, словно в ознобе, а справа — по ущелью — катился фиолетовый вал дыма и пепла. Он набухал и, стреляя в зенит, поминутно взрывался клубами. Лохматые пряди, распускаясь по небу, охватывали диск сатели, попеременно обращая его то в грязно-сиреневый, то в тускло-багровый мятущийся среди хаоса шар. Казалось, что и небо трясется тоже.

Со склона прерывистым ручейком сбегала осыпь, но щелканье камешков терялось в глухих и долгих раскатах, когда издали сквозь мрак и вихрь просверкивал малиновый сполох извержения.

Гордон, стоя посредине, поднес к глазам энюкль.

Поза всех троих, жест Гордона, беглый отблеск на скафандрах безотчетно всколыхнули в памяти Соболева нечто давнее, с детства знакомое. Пораженный сходством, он хотел было поделиться впечатлением, но вовремя сообразил, что образ богатырской заставы придется растолковывать, а это долго и в теперешних обстоятельствах ни к чему.

Глаз по земной привычке высматривал впереди хоть какое-то подобие устойчивых огнедышащих гор. Напрасно. Там, под кипением туч, скрывалось нечто иное: старые, свежие или только зреющие «трубки взрывов», — глубинные жерла, из которых энергия недр выплескивалась залпами.

Был уже не первый день поиска. С короткими перерывами на отдых и сон они шли, иногда падали от толчков, поднимались и снова шли. У них были переданные Гуптой координаты места, но чем ориентиры могли помочь там, где целый хребет, случалось, полз, извиваясь, как гусеница? Позади осталась большая часть пути, предстояла самая опасная.

Соболев, проверяя свою решимость, взглянул на друзей и, похолодев, уловил острую тревогу Икеды. Этого просто не могло, не должно было быть, сама возможность паники ставила их под удар, и Соболев растерялся, не зная, что предпринять, как вдруг с отчетливостью ясности понял, в чем тут дело. Не в личной храбрости или трусости. Для него самого, для Гордона и, пожалуй, для любого потомка равнинных жителей впереди лежал грозный и трудный путь, а вот для Икеды все осложнялось тем, что опыт бесчисленных поколений жителей вулканических гор невольно вселял в него трепетный, древний страх перед стихией, которая так часто и неумолимо расправлялась с беззащитным человеком.

Повинуясь порыву, Соболев шагнул и обнял низкорослого Икеду за плечи.

— Что? — быстрым шепотом спросил тот.

— Ничего, — тем же шепотом ответил Собо-

лев. — Я ненароком подумал, какое это сейчас благо — развитый инстинкт опасности. Он будет оберегать нас, ты не находишь?

Икеда слабо пожал плечами.

— Ну, ребята, — Гордон резко опустил энюкль, — завел нас Гупта! Пути в обычном понимании дальше нет. Ни по земле, ни по воздуху. Что предпримем?

— Поплывем, — со скрытой улыбкой сказал Икеда. — Раз ничего другого не остается.

Гордон хмыкнул.

— А что — хороший совет, — облегченно сказал Соболев. — Надо грести... Ого!

Тряхнуло так, что у всех отдалось под ложечкой. Небо гнойно потемнело. Впереди встала kloкочущая стена, перед величиим которой люди ощутили себя мошками.

— Мегатонны три, — подытожил Соболев. — Или больше.

— Вот безобразие! — Гордон сморщился, как от боли. — Ладно, выбора нет, пройдем.

Он коротко изложил свои соображения о маршруте, они не вызвали возражений, и маленький отряд тронулся в путь. Следом двинулись похожие на черепах скуггеры. Оставляя за собой шлейф пыли, они проворно скользили над неровностями почвы.

«Вот скуггеров богатыри не имели, — спускаясь, мельком подумал Соболев. — Впрочем...»

Впрочем, вся могучая техника, будь то нуль-звездолеты или простые скуггеры, не могла их избавить от усталости и риска, ибо то, что они искали, нельзя было найти никакими локаторами и киберами. Единственным средством, как встарь, как повелось еще с аргонатов, были собственные глаза, руки, смекалка. Правда, в такое пекло вряд ли полез бы самый отчаянный кладоискатель, даже если бы его снабдили скафандром. Хотя кто знает!

Телепатия явно существовала, потому что Гордон, валко шагая впереди, после очередного и уже недалекого просверка, ни с того, ни с сего грянул старинную пиратскую песню. А может, ковбойскую: пел он на родном языке, так что понять его было трудно. Хриплому басу Гордона вторил клекот близкого извержения.

— Подтягивайте, ребята, а то одному скучно! — он обернулся и сверкнул белозубой улыбкой.

Соболев кивнул в ответ, порылся в памяти, однако не нашел ничего старинно-воинственного и, фыркнув, затаил «Дубинушку». Окутанный дымным облаком Икеда присоединил к хору резкую, как звон меча, мелодию. Откосы ущелья ответили варварским эхом. Скуггеры беспокойно задвигались и зажгли предупредительный сигнал тревоги, — в их памяти не было национальных ритмов, и они не знали, что думать. Все невольно расхохотались, и Соболев почувствовал, как в душе тают непрошенные льдинки страха.

Ложбина, с дряхлых стен которой осыпался камень, неожиданно вывела к правильному, будто циркулем очерченному озерцу. Вода бурлила от тряски, но само постоянство озера, из которого даже выбежал ручеек, говорило о надежности почвы, и Соболев решил, что вблизи все выглядит далеко не так ужасно, как это рисовалось издали.

Очевидно, так же подумали и остальные.

Из теории следовало, что более благоприятного места для поиска быть не может. Но опыт уже научил друзей, что на этой первозданной планете нормальные поисковые признаки обманывали не хуже, чем ориентиры. Еще вчера они перебрали бы здесь все по камешку, теперь же ограничились тщательным обзором, велели скуггерам взять пробы и не стали задерживаться.

Их оптимизм за эти дни заметно поубавился. То, что они искали, могло оказаться где угодно, но они уже допускали мысль, что его может не оказаться вовсе.

За озером началось плато, выжженное, черное, безжизненное, как и все на этой планете. Далеко, однако, уйти не удалось. Давно ожидаемая туча накрыла все, и аспидную мглу уже не могли одолеть никакие прожекторы и инвенторы. Бедой это не грозило, но о продолжении поиска нечего было и думать.

Решив, что эта туча пришла издали, все трое коротко посоветовались и вызвали базу. Получив подтверждение своим догадкам и обещание помочь, она залегла из предосторожности в естественном окопчике, который время от времени потряхивало, точно гамак.

Ахнуло через шестнадцать с секундами минут. Небесный гром запущенной с орбиты и взорванной ракеты перекрыл все прочие звуки. Точно рассчитанная струя ударила в тучу и, свистя камнями, сдула ее с плато.

Не в силах сдержать восторг, Гордон, словно мячик, перехватил летящий камень, откинулся от толчка на спину и заорал на всю планету:

— Молодцы, спасибо, только камни зачем швырять?! Эдак вы и нас сдуете!

Вскоре местность изменилась. Здесь уже не было ничего отвесного, ибо все, что выпирало из недр, тут же сглаживалось, сминалось, крошилось. Олицетворением сил, которые владычествовали здесь, перед путешественниками представала серия трещин, борта которых ходили ходуном. Особо сильные толчки сдвигали их, словно челюсти, и тогда они начинали мерно перемалывать самих себя. Потом они опять разверзались, готовые принять любую жертву.

Не задерживаясь, все трое включили движки и взмыли над перемалывающими челюстями.

Планируя, Соболев глянул вокруг на мрачные поля лав, и сердце его сжалось. Зачем он тут? Куда они зашли? Что здесь можно отыскать, кроме пережженного камня, вихрей газов и пепла,

которые зыбко и призрачно пляшут по сторонам? Уж не мираж ли мелькнул тогда перед Гуптой, и теперь они, все трое, как бабочки на огонь, летят в неизвестность, туда, где, быть может, в эту самую секунду, зреет взрыв?

Соболев покосился сначала на скуггеров, которые величественно плыли над мерно жующими челюстями, потом взглянул на друзей. Икеда держался с невозмутимым достоинством. Гордон, зло ощерясь, смотрел вниз. Скуггерам, естественно, все было нипочем. Но они умели предвидеть глубинный взрыв недр, и на них в этом смысле можно было положиться.

Все же Соболев испытал облегчение, когда ноги коснулись почвы. Лучше неверный камень, на котором с помощью скуггера в случае чего можно было удержаться, чем воздух, где удар палящей тучи способен закрутить, опрокинуть, швырнуть на скалы.

— Миновали дракона! — склоняясь к уху Соболева, прокричал Гордон.

— Какого дракона?

— Камнедробилки эти! Чем не стерегущий дракон? Интересно, что еще будет, когда...

Договорить Гордон не успел. Мелькнул дымный прочерк, и, прежде чем люди сообразили, что это такое, ближний скуггер ударил разрядом. Метрах в двух от Соболева полыхнуло лиловое облачко.

— Ложись! — заорал Гордон. — Бомбы!

Камни сыпались густым роем. Порой осколки чиркали по скафандру, ибо скуггеры тратили заряды лишь на те глыбы, которые могли поразить людей, а все прочие взрывались, где придется. Невольно жмурясь, когда осколок дзинькал по спектролиту шлема, Соболев чувствовал себя одновременно голым и неуязвимым. Сразу хотелось и сжаться в комочек, и, бросая вызов столь близкой, но бессильной смерти, выпрямиться в полный рост.

Обстрел прекратился, как и начался, внезапно.

Поднимаясь, Соболев с недоумением обнаружил, что взмок, как от усилий поднять трехсоткилограммовую штангу. Даже руки ослабли. Рядом свирепо бормотал Гордон:

— Кажется, начинаю понимать солдатскую жизнь. Штыки к бою — бум! Красиво, как на картинке. Вот мерзость...

— Ничего мы не понимаем, — разглядывая дымящийся осколок, сказал Соболев. — Там рвались снаряды. И пули.

— Пули, положим, летели, — тихо возразил Икеда. — Я-то знаю.

— Летели, взрывались, — какая разница? Важно, что они убивали. Хорошо, что нас это не касается.

— Меня касается, — отводя взгляд в сторону, сказал Икеда. — Моего отца убила война.

— Война? — Соболеву показалось, что он ослышался.

— Война. Мой прадед был облучен взрывом атомной бомбы. Отца спасти не удалось, настолько пораженными оказались и его гены. Меня оперировали удачней. Еще тогда, когда я не появился на свет.

— Прости, — едва слышно сказал Соболев. — Я не знал.

— Зря я это вспомнил, — Икеда сморщился. — Обстановка, понимаешь ли...

— Понимаю.

Словно тень пронеслась меж ними. Они замолчали, каждый думая о своем.

— Пакость! — кулак Гордона внезапно рассек воздух. — Ведь мой же прадед участвовал в создании той самой бомбы! Мой прадед.

Он умолк, встретив долгий, как бы издали, взгляд Икеды.

— Бросьте, — требовательно сказал Соболев. — Какое это теперь имеет значение?

— Никакого, — Икеда кивнул. Его глаза ровно и спокойно смотрели на Гордона. — Ни малейшего.

— А! Проклятая Нериана! — яростно вскричал Гордон. — Забываешь, в каком ты веке. Пошли!

Они двинулись дальше. Низким аспидным полом снова опустилась туча, но на этот раз она не закрыла, а лишь затуманила местность. Порой сыпался пепел. Редкие хлопья оседали на скафандры, как пушистый снег, только снег этот был черным. Почву мелко и привычно трясло, грохотало умеренно, почти торжественно.

Пересекли уже отвердевший язык лавы. Склон полого поднимался. Мгла не рассеивалась, но и не сгущалась. Под ногами сухо хрустела пемза. И совсем не было ветра.

Стихия Нерианы как будто уснула. Это могло бы насторожить, но не насторожило, — скуггеры вели себя спокойно. Лишь позднее Соболев до конца понял, насколько они при всей осторожности были беспечны и почему беспечны. Ведь они всегда жили с ощущением безопасности. Даже в космосе, даже на Нериане, хотя и думали, что это не так. Просто они не замечали этого своего мироощущения, как здоровый человек не ощущает своего здоровья. Былые и, кстати, редкие минуты тревоги не могли существенно поколебать опыт всей жизни. Ценой жертв и ошибок человек создал, выковал для себя скорлупу, которая и в космосе, и в других мирах служила безупречно. Даже скафандр, позволяя видеть, слышать, действовать, изолировал так надежно, что человек, хотел он того или нет, был скорее свидетелем, чем соучастником окружающего. Земную природу он чувствовал кожей, воспринимал всеми нервами; эту — нет.

Но ведь их же посещала тревога! Да. Человек может трепетать, ступая по канату над бездной, но если он знает, что подстрахован, то испуг его — скорей дань инстинкту.

И все-таки сигнал прорвался.

Внезапно Икеда замер.

— Что? — Гордон тоже остановился и поднял голову.

С минуту ничего не было. Затем облик тучи стал странно меняться. В ней возникло спиральное движение. Разводя тьмы медленно вращались. Срываясь, их обгоняли лохматые серые клочья, точно пена в водовороте. Но в этом вращении не было глубины. Спираль, убыстряя свой бег, стягивалась все туже, пока не образовала круг с широкой мрачной каймой и белесым центром, который повис неподвижно, как обращенный в негатив зрачок.

И вращение тут же замерло.

— Уйдем! — встрепенулся Икеда. — Нехорошее место.

Гордон колебался. Он только что отдал мысленный приказ, и скуггеры, выдвинув головки камер, начали съемку.

Центр круга стал медленно протаивать. В нем блеснула лазурь.

— Вот видите, — сказал Гордон. — Облака расходятся.

Соболев, уже догадываясь, схватил его за локоть и рванул прочь.

— Небо здесь желтое! Желтое! Ты что, забыл?!

— Молния! — закричал на бегу Икеда.

Молния не упала, нет. Она поднялась. Она, трепеща, выросла из почвы, втянувшись в лазурь, обдала все призрачным светом, и лишь тогда взревели сирены скуггеров.

Слишком поздно! Жутко просел горизонт. Свет померк, и сразу налетел, смял черный вихрь. Падая, Соболев успел заметить, как всплеснулась почва.

«Все! — мелькнуло в сознании. — Трубка взрыва!»

Но это было что-то другое. Их швырнуло, затем приподняло, и тут из вспухших недр выворотился, пошел, загибаясь гребнем, исполинский каменный вал.

Гребень немедленно рухнул под собственной тяжестью, и уже не вал — стена придвинулась к людям, замерла на мгновение, и в это мгновение Гордон с Икедой успели выскользнуть из-под ее основания, а Соболев не успел, — ему зажалось ногу. Плита стала медленно крениться, и Соболев, уже не пытаясь выбраться, что было сил уперся в нее руками. Он скорей почувствовал, чем увидел, как рядом оказались Гордон и Икеда, как они с тем же отчаянием уперлись в скалу, как в эту же скалу слева и справа ударили скуггеры и как многотонная глыба, кренясь, замерла в шатком равновесии.

Теперь уже поздно было кому-то из них убежать и спастись, — скала нависла над всеми. Оставалось давить и давить, стараясь отжать, сместить, опрокинуть вал, движимый мощью горооб-

разующих сил планеты. И если, кроме смертельного, рвущего напряжения всех мускулов, в сознании Соболева жило еще что-то, то это было тепло благодарности. Через скалу ему передавалось такое же неистовое, крайнее напряжение других. Он, как утопающий глоток воздуха, ловил ритм их усилий, который тут же стал общим, как общими стали вспышки отчаяния, когда шевеление недр надвигало скалу, и всплески радости, когда толчки совпадали с их собственными.

И когда крен неудержимо сместился, и мускулы — еще миг — готовы были надорваться, а скала все-таки не пошла вниз, то ее задержало не чудо, а общий порыв, в котором участвовали и скуггеры. Не одной лишь мощью своих двигателей, также комариной перед мощью тупых сил недр, но и тем, что их нечеловеческое усилие, сливаясь с человеческим, как всякая подмога, удесятеряла дух сопротивления и переводила его за грань возможного.

И скала не выдержала, поддалась. Грохот ее падения уже не достиг сознания Соболева. Он еще видел, но звуки исчезли. И то, что он, опустошенный до равнодушия, видел, — свои по колено ушедшие в черную землю ноги, — подергивалось и плыло перед глазами. Гордон и Икеда, шатаясь сами, приняли его вытягивать, и он еще помогал им своими неуклюжими движениями, но в голове звенели тихие колокольчики...

Когда он пришел в себя, искореженная, дымящаяся почва уже совсем успокоилась, только ветер неистовствовал.

Теперь, после всего, что произошло, самым разумным было поскорей уйти. Ни одно сокровище мира не стоило такой цены. Но хотя они не обменялись ни словом, они знали, что не уйдут. Не уйдут, потому что благоразумное решение навязывали обстоятельства, а с этим трудно было смириться. Даже невозможно, поскольку еще были шансы победить. Ведь все равно человек рано или поздно пройдет ад Нерианы, — по тем же самым причинам, по каким на Земле он одолел самые высокие пики, спустился в самые глубокие впадины океана, обшарил самые недоступные пещеры и побывал в жерлах вулканов. Целы были скафандры, целы были скуггеры, долгий отдых восстановил силы, а раз так, то причиной отступления, пусть тысячу раз оправданного, в этих условиях мог быть только надлом духа. Вот что было для них истиной, а вовсе не плоские доводы здравого смысла.

И они продолжили путь. Они огибали пламенеющие озера лав, они ждали, пока разойдется мрак, они, следуя указаниям скуггеров, убегали из тех мест, где получасом спуска в небо взлетали миллиарды тонн камня. Толчки сшибали их с ног, вихри заставляли цепляться за почву, но они шли, шли и искали, удивляясь тому, сколько же в них, оказывается, сил.

В очередной раз дорогу преградил змеиный

язык лавы. Почти совсем свежий. Он шевелился, сухо потрескивая, бегло вспыхивал синеватыми огоньками. Но по краям чешуя уже застыла. Они вступили на нее, подобно тому, как делали это уже множество раз, и стали пересекать грозно шуршащее поле, как вдруг вскрикнули разом.

То, что они увидели, было так же неправдоподобно, как цветок ландыша на углях топки. Там и здесь на горячей лаве вспухали крохотные шарикасы. Их белый асбестовый пух коричневел, спекаясь в глянцевый панцирь, который без промедления лопался, выбрасывая легкие, похожие на слюду чешуйки. Ветер тотчас подхватывал, уносил их, и там, где они западали в светящиеся огнем трещины, несколько минут спустя рождались новые пушистые комочки. Но если чешуйка цеплялась за холодную или даже горячую, но не раскаленную шероховатость камня, то ничего не происходило.

Так вот что открылось Гупте в последние секунды его жизни!

Как салют отважному разведчику, лопнул и семенами жизни рассеялся по ветру очередной шарик...

Ошеломленно все трое глядели на эту каменную, неистовую, вопреки всему цепкую жизнь Нерианы. Быть может, то был зачаток совсем иной, особой и странной ветви эволюции, никем и нигде еще невиданной, — кремниевой. Кто знает, возможно, не столь уж редкой на бурных планетах, где обычная жизнь не имеет шансов и где неостановимый поток усложнения пробует, ищет и находит другие варианты.

Все трое, однако, были слишком вымотаны, чтобы ликовать. Сборы, замеры, документация поглотили остатки сил. Теперь они жаждали одного — вернуться. Все остальное было, как в полусне, том свинцовом полусне усталости, когда человек засыпает на ходу.

И только когда они миновали круглое озерцо и стали спускаться вниз по ручью к месту, куда уже мог пробиться реалет базы, только тогда были сделаны первые лишние движения и сказаны первые, не относящиеся к делу, слова.

Они отдышали. Соболев встал первым, ковыляя, подошел к ручью, присел на корточки и отсеял в ладонях горсть самых красивых камешков.

— Вот, обещал сыну камешек с Нерианы, — ответил он на безмолвный вопрос друзей.

— Стоит ли брать эти? — тяжело поднимаясь, сказал Гордон.

И, видя, что Соболев колеблется, добавил:

— Лучше подарить кусочек настоящей нерианской лавы.

— Тоже верно, — согласился Соболев.

И светлая горсть алмазов полетела в воду.

КЛЕЙДОСКОП

■ О науке,
прогнесе,
мечте

■ Прогнозы
писателей

■ Стихи
и гипотезы

«Истинная цель человеческого прогресса — это чтобы люди вырвали у природы (и прежде всего у той части природы, которая управляет их собственным организмом) то, что им странным образом недоступно и от них скрыто. Победить свое незнание — вот, по моему мнению, единственное и истинное назначение людей как существ, одаренных способностью мыслить».

ВЕРКОР,
французский писатель.

«Не знаю, почему так получилось но все, с кем я познакомился благодаря своей работе в области фантастики, были удивительно милыми, дружелюбными людьми; это относится не только к читателям, но и к моим коллегам-фантастам и даже к издателям. Чем это объясняется? Видимо, любить научную фантастику — это значит так или иначе заботиться о будущем человечества; в какой-то степени это значит даже любить всех людей и желать им счастья в те далекие времена, когда сами мы уже давно завершим свой путь».

Айзек АЗИМОВ,
американский писатель-фантаст
и ученый.

«Полагают, что возраст человечества равен примерно 600 000 лет. Представим себе движение человечества в виде марафонского бега на 60 километров, который, где-то начинаясь, идет по направлению к центру одного из наших городов, как к финишу.

Большая часть 60-километрового расстояния пролегает по весьма трудному пути — через рощи и девственные леса, — мы об этом ничего не знаем, ибо только в самом конце, на 58—59-м километре бега, мы находим, наряду с первобытным орудием, пещерные рисунки, как первые признаки культуры, и только на последнем километре пути появляется все больше признаков земледелия.

За двести метров до финиша дорога, покрытая каменными плитами, ведет мимо римских укреплений.

За сто метров наших бегунов обступают средневековые городские строения.

До финиша остается еще пятьдесят метров; там стоит человек, умными и понимающими глазами следящий за бегом, — это Леонардо да Винчи.

Осталось только десять метров! Они начинаются при свете факелов и скудном освещении масляных ламп.

Но при броске на последних пяти метрах происходит ошеломляющее чудо: свет заливают ночную дорогу, повозки без тяглового скота мчатся мимо, машины шумят в воздухе, и пораженный бегун ослеплен светом прожекторов фото- и телекорреспондентов...»

Г. ЭЙХЕЛЬБЕРГ,
швейцарский инженер и философ.

Верхом на цунами

«Гром и Молния» стоит у входа в узкий залив. Мы — как снаряд в жерле заряженной пушки. Когда все будет готово, у берега, позади нас, подорвут две сотни зарядов, расположенных так, чтобы дать направленный, куммулятивный взрыв. И тогда в заливчике поднимется гигантская волна цунами. Она рванется к нашему кораблику, подхватит его и... понесет через море.

Отсюда, из жерла залива, вырвется волна высотой метров в пять. Фронт волны, если верить расчетам, что-то около пятидесяти метров. В открытом море водяной бугор станет ниже, но скорость его увеличится, а у противоположного берега волна поднимется на высоту пятиэтажного дома.

Мы пойдем со скоростью около семисот километров в час... У того берега мы должны «соскочить» с волны, а если это не удастся, Осоргин отцепит планер, и мы с разгона уйдем в небо...»

Г. АЛЬТОВ. Создан для бури. 1968.

Питайтесь... воздухом!

«— Но почему же нужно непременно печь хлеб или жарить мясо? Почему природа не устроила так, чтобы мы могли питаться одним воздухом?»

— Когда-нибудь дойдем и до этого,— сказал Годфри, улыбаясь.

— Вы думаете?

— Да. Ученые, во всяком случае, занимаются этим вопросом.

— Неужели? Но на чем они основываются в изысканиях этого нового вида пищи?

— На том соображении, что пищеварение и дыхание — функции близкие, а поэтому, вероятно, могут заменить одна другую. В тот день, когда химикам удастся достигнуть того, чтобы питательные вещества усваивались через дыхание, задача будет решена. Ведь вопрос в том, чтобы изобрести питательный воздух: если ученые добьются успеха, можно будет вдыхать свой обед вместо того, чтобы съедать его. Вот и все.

— Какая жалость, что это ценное открытие все еще не сделано! — воскликнул учитель танцев. — С каким удовольствием я вдохнул бы в себя полдюжины сэндвичей и хороший бифштекс!»

Ж. ВЕРН. Школа Робинзонов. 1882.

Хирург-автомат

«В синеватой жидкости лежал членистый металлический аппарат, похожий на крупную сколопендру... Легкий щелчок зажима — и металлическая сколопендра зашевелилась, издавая едва слышное жужжание.

Аппарат исчез в раскрытом рту астронавигатора. Засветился полупрозрачный экран, косо поставленный над животом больного. В зеленоватом сиянии серые контуры внутренностей были совершенно отчетливы, и по ним медленно двигался членистый прибор...

Еще несколько минут — и аналитическая машина выяснила причину заболевания и рекомендовала нужную смесь антибиотиков и обеззараживающих лекарств. Членистый аппарат выпустил длинные гибкие усики...

Чен Гир мирно спал, пока внутри него продолжал действовать замечательный прибор, управляемый аппаратами. Операция кончилась, и врачу оставалось лишь извлечь прибор».

И. ЕФРЕМОВ.
Сердце Змеи. 1959.

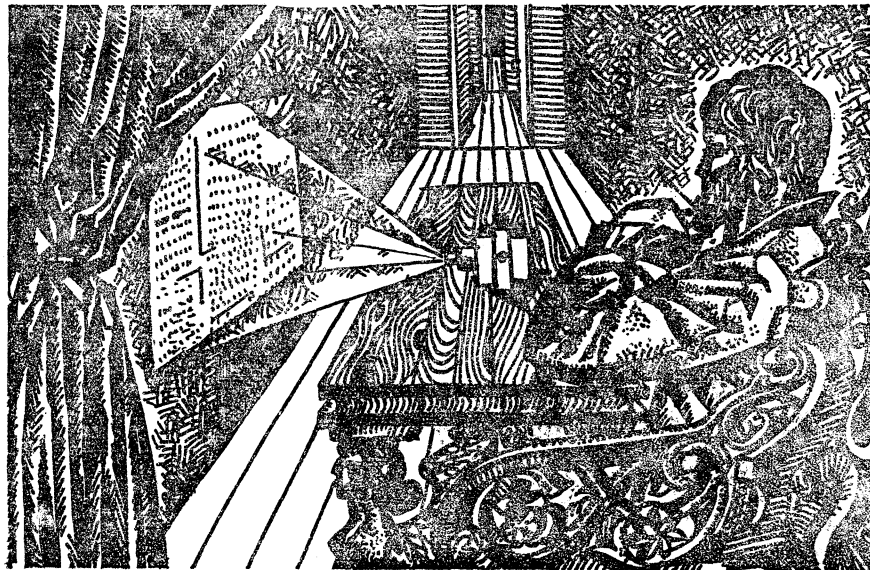
«Ральф взял газету — кусочек материала, прозрачного и гибкого, как целлулоид, размером не больше почтовой марки. Вставил ее в металлический держатель, вправленный в откидную крышку небольшой коробки. Захлопнув крышку, он повернул выключатель на боковой стенке коробки. Тотчас же на противоположной белой стене комнаты спроектировалась страница «Нью-Йорк ньюс» в двенадцать столбцов, и ученый, сидя в кресле и удобно откинувшись на спинку, принялся читать.

В коробку была вставлена микроскопическая копия газетной полосы: увеличенная мощной линзой, она стала удобочитаемой.

Печатание производилось электролитическим способом, исключавшим применение типографской краски или чернил, — стало возможным печатать за один прием восемь разных текстов, накладывая их один на другой.

Эти восемь оттисков становились видимыми лишь под действием облучения разными цветами — каждый цветовой луч выявлял один из текстов «газеты». Использовались все семь цветов радуги, а белый цвет применялся для выявления напечатанных фотографий в их натуральном цвете. Благодаря этому способу можно было напечатать газету, в десять раз превышающую объем любой газеты XXI века, на кусочке пленки размером в почтовую марку».

Х. ГЕРНСБЕК.
Ральф 124С 41+. 1911.

Николай
ЗАБОЛОЦКИЙ

Снежный человек

Говорят, что в Гималаях где-то,
Выше храмов и монастырей,
Он живет, неведомый для света,
Первобытный выкормыш зверей.

Безмятежный, белый и косматый,
Он порой спускается с высот,
И танцует, словно бесноватый,
И в снежки играет у ворот.

Но когда буддийские монахи
Со стены завоют на трубе,
Он бежит в смятении и страхе
В горное убежище к себе.

Если эти рассказы — не бредни,
Значит, в наш всеведающий век
Существует все-таки последний
Полузверь и получеловек.

Ум его, как видно, не обширен,
И приют заоблачный суров,
И ни школ, ни пагод, ни кумирен
Не имеет этот зверолов.

В горные упрятан катакомбы,
Он и знать не знает, что под ним
Громятся атомные бомбы,
Верные хозяевам своим.

Никогда их тайны не откроет
Гималайский этот троглодит,
Даже если, словно астероид,
Весь пылая, в бездну полетит.

Но пока над свежими следами
Ламы причитают и поют,
И пока, расставленные в храме,
Барабаны бешеные бьют,

И пока тысячелетний Будда
Ворожит над собственным пупом,
Он себя сравнительно не худо
Чувствует в убежище своем.

Там, наверно, горного оленя
Он свежует около ключа
И из слов одни местоименя
Произносит, громко хохоча.

Угрюм, Витязь и другие

Виктор
КОЛЧИН

Рисунки
В. Бубенщикова

*Хочешь, пёс, я тебя поцелую
За пробужденный в сердце май?*

С. ЕСЕНИН

Друзья детства и юности

Долгое время по утрам я наблюдал у трамвайной остановки одну и ту же картину: худенькая рыжая дворняжка привязчиво трусит за своим хозяином, весело помахивая пушистым хвостом. Дойдя до платформы, хозяин бросает на собаку через плечо строгий взгляд, и та мгновенно, будто споткнувшись, останавливается, опускает к земле острую мордочку, медленно поворачивается и, виновато поджав хвост, отправляется домой.

Так было и на этот раз, когда я решил спросить у хозяина:

— Как кличут песика?

— Пальма, — улыбнулся тот.

«Пальма! Какое знакомое имя!» И тут я почувствовал, что не в состоянии справиться с нахлынувшими воспоминаниями.

Знакомство с собаками началось у меня в далеком детстве, когда малышам еще разрешалось бегать по двору не только босиком, но и в одних рубашонках. Наша свирепая Пальма, приведенная недавно отцом от какого-то знакомого, лежала возле своей конуры. В сарае наперебой кудахтали несушки, а петух метался у закрытых дверей. Не знаю, то ли он посчитал меня виновником куриного заточения, то ли позарился на кусок пирога в руке, только вдруг захлопал крыльями и скоком-скоком двинулся на меня. Я в испуге кинулся к собачьей конуре. Пальма вскочила, рыкнула и отбросила лобастой вислоухой головой пернатого драчуна. Потом села передо мной и запылила по земле хвостом.

Рослая, шоколадного цвета собака, кажется, неудавшийся сеттер, стала полноправным членом нашей семьи. Мы, трое братьев-сорванцов, для своей любимицы старались припасти самой вкусной еды. Нередко за столом, глядя то на одного, то на другого из нас, бабушка сердито говорила:

— Вынь мясо из кармана!

— Куда тебе такой кусок сахара?

— Ну, большак, доберется до вас отец!..

Мы водили Пальму купаться, вычесывали из ее густой шерсти пух, из которого получались теплейшие варежки.

Собака оказалась на редкость сообразительной. Она особым отрывистым лаем сообщала о том, что на крышу вместе с нашими сел чужой голубь, и тихо повизгивала, пока мы заманивали птицу в голубятню. Даже бабушка научилась разбираться в собачьем голосе и нередко вышугивала нас из дома такими словами:

— Оглохли? Весь корм сожрут!..

— Гав-ва-вав! (Чужие, чужие!),— доносились яростное завывание со двора, где соседские куры обступили корытце с зерном.

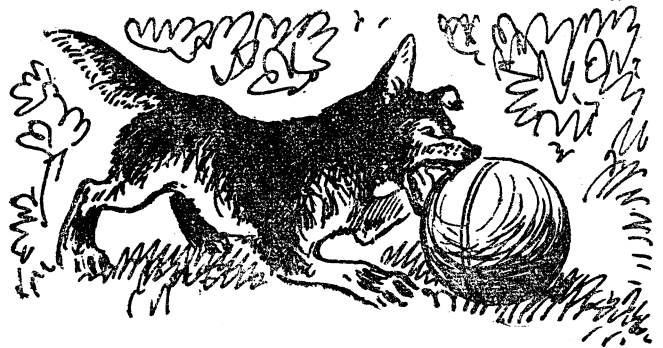
Постепенно голуби вытеснили из нашей мальчишечьей жизни четвероногую подружку. Однако когда отец увел ее, заболевшую, в лес и вернулся один, мы сильно горевали.

Вторая собака детства почти не оставила следов в памяти. Аккуратенький белый песик, ушки — торчком, хвост — кренделем, запомнился мне всего одним эпизодом. Его почему-то не посадили на цепь, и он свободно бегал по двору. Кажется, на второй день жизни новичка на нашем дворе я подошел утром к конуре, чтобы угостить его косточкой. А конура пустая. Поднял тревогу. Появились братья, и мы стали шумно обсуждать, куда отправиться искать беглеца. Вдруг возле забора зашевелилась снежная куча, и из нее, пофыркивая и виляя хвостом, появился наш песик. Всю зиму он так и не спал в конуре. Когда со двора убирали весь снег, уходил в огород и выбирал для ночлега подходящий сугроб.

Шли годы. Круг моих знакомых четвероногих расширился. Но все это были, как говорят, шапочные знакомства, пока случай не помог мне стать обладателем двухмесячного щенка, который происходил от каких-то именитых родителей. Мы назвали его Джеком и поместили в новенькую конуру. Крупноголовый, светло-серый, песик то целыми днями бегал за мячиком, то ползал под акацией, обнюхивая каждый корешок. Он забавно тявкал, и, если мордочка его была в это время направлена к воротам, я, уже взрослый парень, по-детски радовался и кричал своим домашним со двора в открытое окно: «Смотрите, на чужого лает!»

По вечерам Джека выносили на улицу, где домочадцы и соседи отдыхали, сидя на крыльце. Кто-нибудь из них обязательно брал его на колени, и он уютно дремал. Мне это казалось вопиющим нарушением правил собачьего воспитания, и старался наставить на путь истинный несведущих. Но поддержки почему-то не получал. Наоборот, все дружно утверждали, что песик в таком возрасте «совсем как ребенок» и ему нужна ласка. Обескураженный, я уходил домой и принимался за очередную книгу или статью о собаках.

Сижу, бывало, у открытого окна, возле которого чуть слышно шепчутся тополя. Вокруг настольной лампы кружится рой ночных бабочек. Все это настраивает на какой-то особенный лад.

Читаю о памятнике собакам, поставленном академиком И. П. Павловым, потом перед глазами встает знаменитый карацуповский Индус, четвероногие санитары, минеры, разведчики...

Для нашего Джека было много примеров красивой и полезной собачьей жизни. И мне, конечно, не хотелось, чтобы у него повторилась судьба одного породистого шалопая с соседней улицы. Он, видимо, подряд гавкал на все фонари. А так как их было много, спор с фонарями затягивался до утра.

В тихую ночь у окна без труда угадываешь, о чем говорят дворовые псы. Вот слышится:

— Р-ррр... (Кто идет?).

Подобные вежливые вопросы задают спокойные, выдержанные собаки. А те, у кого послабее нервы, облаивают каждый подозрительный шорох. Такого трусишку поддерживают дватри соседа, и ночная улица наполняется разноголосым тявканьем. Но бывают и другие разговоры:

— Гав-ав-уу!.. (Меня сегодня не кормили!..).

— Гав-гав-гав-гав! (Хозяин, ты забыл меня отвязать!).

В глухую полночь вылезают, потягиваясь, из своих убежищ дворняжки и начинают перебивать косточки своим хозяевам. Один не заложил подворотню, и теперь приходится всю ночь не сводить с нее глаз. Другой вообще не явился домой, и гладенькая, чуть больше кошки, Жучка время от времени повизгивает, делясь своей тревогой с громадным лохматым соседом Цыганом. Кто-то забыл выключить на террасе лампочку. Кто-то выпустил во двор ненавистное всем дворняжкам чудовище с острым запахом — кошку. И за всем надо собакам уследить. Такая у них служба. Лишь к рассвету, когда просыпаются люди, затихают четвероногие сторожа.

Только не удалось мне вырастить Джека. Кажется, на четвертом месяце он вдруг поскучел, стал отказываться от еды, жадно и много пил. На первом этаже нашего дома помещалась детская консультация. Ее сотрудники приняли живейшее участие в спасении пса, но все было напрасно. Слишком поздно для нас стало ясно,

что Джек заразился глистами, которые его буквально задушили.

С тех пор минуло много лет, а я и до сих пор с досадой вспоминаю, что пренебрег советом устроить псу вольеру, а на прогулках следить за тем, чтобы он ничего не подбирал с земли.

Да, собака не забава. Об этом очень хорошо сказал Эмиль Золя: любовь к животным — это любовь совсем особенная: у нее свои горести, радости и заботы.

Судьба Угрюма

На базу отдыха, расположенную в березничке на берегу озера, сторож привез Угрюма щенком в первый год своей службы. Здесь Угрюм и жил со своим хозяином в течение трех лет.

Черный, лохматый, с широкой грудью и мощными лапами пес, вопреки своей кличке, отличался добродушием. Правда, Угрюм приходил в ярость, если кто-либо приближался к крыльцу, где он обычно лежал, поджидая хозяина. Но стоило появиться сторожу, мгновенно преображался. Шерсть на загривке приглаживалась, из глаз исчезали зеленые огоньки, раскатыстый рык сменялся тонким повизгиванием:

— Вв-аай-ай! (Проходите, пожалуйста!).

Таким увидел Угрюма и я, когда впервые приехал на базу.

— Заходите, не тронет,— пробасил могучий старик, одетый в цветастую застиранную рубашку, выпущенную поверх синих новых брюк.

В дом я не пошел. Сказал, откуда приехал, спросил о свободном месте в летнем фанерном домике. Старик опустил на ступеньку крыльца. Я сел рядом, закурил. Подошел Угрюм, помахивая хвостом и скаля в улыбке пасть, ткнул носом в голенище моего сапога. Я осторожно почесал у него за ушами.

Через несколько минут за небольшую мзду — кусочек колбасы из рюкзака — пес проводил меня к домику.

На другой и в следующие дни Угрюм сопровождал меня на прогулках, не забывая выразить почтение попадавшимся на пути знакомым: отдыхающим — взрослым и детям, собакам из ближнего села, пестрому теленку, которого сторож с утра привязывал к колышку за изгородью базы.

Жил Угрюм просто, что называется, без комфорта. Не имея даже конуры, в плохую погоду он спал под крыльцом, на куче тряпья. Но работал на совесть. Поздно вечером хозяин привязывал его к крыльцу и уходил проверять территорию базы. Пес садился на верхнюю ступеньку и настораживал уши. Происходящее на огороженной территории базы — многоголосые разговоры, музыка, трескучий костер — его не занимало. Морда и уши собаки нацеливались на запертые ворота, у которых могли появиться приезжие. По пятницам чуть ли не до утра съезжались на базу отдыхающие. И никому из них ни разу не пришлось ожидать или разыскивать старика. Обходил ли он причал, или подремывал на скамейке возле ледника, или бродил между дачками, Угрюм безошибочно предупреждал: — Гав, гав! (Едут, едут!).

Старик торопился на зов собаки, открывал ворота, вручал приезжим пронумерованные металлические жетоны в обмен на месткомовские путевки. При этом слегка поругивал запоздавших, пока кто-нибудь из них не догадывался пригласить его на чашку чая.

Под утро сторож возвращался из ночного обхода, варил картошку или жарил рыбу, кипятил чайник. После завтрака отвязывал Угрюма, ставил перед ним полный чугунок еды и, позевывая, уходил спать. А пес, подремавший на коротке между ночными делами, шел вместо хозяина наводить порядок на базе.

С громким беззлобным лаем Угрюм прогонял с пляжа отбившихся от стада деревенских коров. Встречал и провожал лодки рыболовов. Бродил, приносиваясь к мусорным ямам, за домиками. Долго играл с ребятишками, позволяя ездить на себе верхом, таскать за хвост. А когда ветер приносил обеденные запахи, тщательно отряхивался от песка и направлялся на кухню. Тут пес проводил всю вторую половину дня, развалившись в тени недалеко от летнего очага, где хлопотали женщины. Они разворачивали перед Угрюмом припасенные пакеты с объедками, бросали ему вкусные косточки и обрезки.

Через несколько дней я уехал с базы и забыл про Угрюма. Мне казалось, что пес ничем особенным не выделялся из пестрого сословия дворняжек, и не отвел для него даже строчки в своем блокноте. Однако на следующее лето, оказавшись снова на базе, я понял, как жестоко ошибся в оценке «непородистого» пса.

История Угрюма поучительна и поистине трагична.

...Хозяин Угрюма уехал к сыну. Новый сторож был вообще равнодушен к псам, а его супруга признавала только белых породистых собачек. Черного лохматого Угрюма она возненавидела с первого взгляда. Когда Угрюм, тяжело дыша, поднимался на крыльцо после неудачной попытки догнать уехавшего хозяина, дородная пожилая женщина с белыми собачками на руках больно ударила его увесистым башмаком по голове. Угрюм взвизгнул и спрыгнул с крыльца.

— Чего стоишь,— закричала она мужу,— огрей его палкой!

Угрюм взвыл от удара железной дверной задвижкой и пополз от крыльца. Так он стал бродячим псом. Но базу не покинул. Правда, работы у него уже не было. Новый сторож по ночам спал, а когда Угрюм по привычке вознамерился однажды предупредить его о приезде гостей, рассердившийся старик выскочил на крыльцо и снова ударил его железной палкой. После этого Угрюм не рисковал подходить к дому. Целыми днями лежал он в кустах, принюхиваясь к плавающим в воздухе запахам. Однако ни к домикам, ни на кухню не шел. «Новый директор» — так прозвали суетливую громогласную супругу сторожа — не уставала предупреждать отдыхающих: «Гоните черную собаку, она заразная!».

Облизываясь и почесываясь — на голодных собаках почему-то особенно быстро плодятся блохи,— Угрюм часами думал о бросившем его хозяине, о ставших недобрыми отдыхающих. Ночи не приносили облегчения. Железный мусорный ящик накрепко закрывали крышкой, а мусорные ямы за домиками стали заливать белой жидкостью с противным запахом. Случалось, правда, подбирать корочки, но они еще сильнее разжигали голод.

Угрюм осторожно бродил по ночному лагерю в поисках пищи, пока не набрел однажды на забытый возле домика рюкзак. Долго принюхивался к туго набитому мешку, от которого пахло хлебом, колбасой и сахаром. Тихо вздыхал, прислушивался к лесным шорохам и не в силах был отвести глаза от блестящих пряжек. За свою недолгую жизнь Угрюм хорошо усвоил, что вещи, принадлежащие человеку, неприкосновенны. Но тут была еда! И он не выдержал и пополз к рюкзаку...

Утром на базе поднялся шум: в порванном рюкзаке вместо продуктов остались одни обрывки оберточной бумаги. Уцелели только консервы. Но Угрюм не слышал шума — он крепко спал в густых зарослях ивняка в неглубоком овражке. Когда проснулся, долго лежал не шелохнувшись. Потом поднял голову, прислушался. Но кругом было тихо. Вспомнил вчерашнее пиршество, облизнулся и, уронив голову на лапы, застонал. Угрюм вспомнил, как однажды

вместе с хозяином ходил в деревню. Хозяин долго не показывался из магазина и вышел оттуда необычно веселым, держа в руках туго набитую сумку. От нее вкусно пахло колбасой и хлебом. На полпути домой они свернули в лес, сели на полянке. Хозяин достал из сумки бутылку, стал закусывать. Но неожиданно уснул, и голодный Угрюм, глотая слюну, всю ночь пролежал возле хозяина и его открытой сумки, даже не подумав дотронуться до нее.

Угрюм шумно вздохнул и принялся выкусывать из шерсти блох. Потом тщательно вылизал ее и опять свернулся калачиком.

Когда по овражку поползла ночная сырость, Угрюм поднялся, пристально посмотрел на месяц, похожий на обрезок колбасы, выбрался из своего убежища и затрусил по лесу.

Так в окрестностях базы отдыха появился искусный четвероногий воришка. На базе Угрюм не появлялся. Там о собачьем разбое отдыхающих предупреждало специальное объявление, намалеванное досужим сторожем. Да первое время псу с лихвой хватало еды, которую он без труда находил там, где останавливались «дикие» туристы. Куски хлеба, рассыпанная вареная картошка, остатки каши быстро утоляли голод. Кое-что Угрюм прихватывал с собой про запас. Но такая легкая жизнь закончилась быстро. Туристы, прослышав о том, что по ночам рядом бродит «опасная злая собака», стали предусмотрительны и осторожны. Теперь они старались не разбрасывать еду, а на ночь выставляли дежурных.

Голод заставил Угрюма прибегнуть к хитрости.

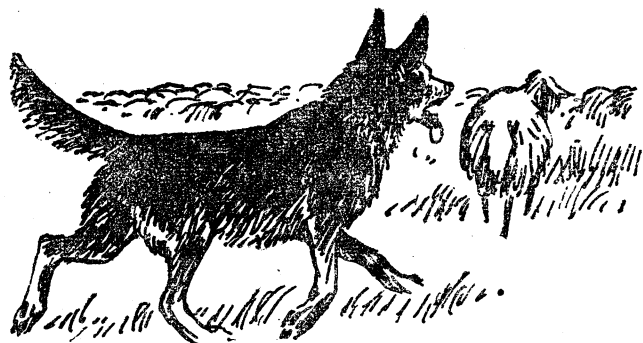
Теперь он выходил на промысел на рассвете. Прятался в кустах на берегу озера и ждал рыболовов. Они появлялись потные, пропыленные, складывали возле кустов рюкзаки и спешили к воде. Угрюм ползком подбирался к рюкзакам, принюхиваясь, безошибочно выбирал нужный и, вцепившись зубами в ляжку, не сводя глаз с людей, занятых своим делом, оттащивал добычу подальше в кусты. Здесь он некоторое время лежал, переводя дыхание, потом вставал на все четыре лапы и, осмотревшись, волоком тащил увесистую добычу через дорогу в лесок. Там острые клыки без промедления разрывали брезент, и голодный пес судорожно глотал все подряд — колбасу, селедку, яйца, сахар, хлеб.

Недобрая слава о базе отдыха на берегу озера распространилась с удивительной быстротой. Дошла она и до городского начальства, которому подчинялась база. И когда сторож приехал в город за очередной получкой, ему приказали уничтожить бродячую собаку.

Несколько ночей подряд, держа в руках заряженную двустволку, выслеживал он Угрюма. Однако тот, казалось, исчез. Но вот однажды сторож задержался в засаде, а прямо сказать,

уснул, сидя на пенечке, привалившись спиной к березе. А когда открыл глаза, увидел в двадцати шагах от себя ненавистную черную собаку. Один за другим прогремели два выстрела...

Витязь

Кизильские полынные равнины — продолжение засушливых степей Оренбуржья в Челябинской области — подступают вплотную к Магнитогорску. Когда мы выехали на «газике» из города, оставив позади толпу заводских труб, перед глазами замелькали непривычные картины. В непрерывном хороводе кружились пологие склоны невысоких холмов, на которых паслись отары овец, степенно расходились в разные стороны изумрудные поля, мелькали бархатные стежки свежей противопожарной опашки вокруг белоствольных полезащитных полос. Изредка блестя под солнцем серебряные блюдца водоемов, белели каменные дома совхозных поселков — и вновь взгляд на минуту ловил пологий склон одного из бесчисленных холмов, по которому поднимались на вершину отары овец, похожие на облака, а настоящие облака словно бы опускались на холм.

Мы ехали молча — потные, вялые и, не скажешь лишнего, злые. Встречные машины поднимали плотную завесу белой пыли, и после каждой такой встречи приходилось открывать все четыре дверцы, чтобы проветрить «газик». А злились мы сами на себя — понесла нелегкая за сотни километров посмотреть... на собаку.

Случилось это так.

Мы уже заканчивали в Магнитогорске свои дела и, случайно разговорившись с приезжим агрономом, узнали от него о какой-то особенной чабанской собаке. Сам он пса не видел, только слышал о нем. А мне давно хотелось познакомиться с настоящим четвероногим помощником чабана. Бывая в степных районах не один год, искал я такую собаку. Но, как заметил один писатель, XX век увел овчарок от пастухов в город. И вдруг — такой, можно сказать, счастливый случай! Но чем ближе подъезжали мы

к намеченному месту, тем больше грызли нас сомнения: «Не напутал ли чего агроном? Очень уж расхваливал никогда не виденную собаку».

Оставив «газик» у небольшого прудка, чтобы шофер обмыл пропыленную машину, мы направились к стану чабанской бригады.

Возле добротного дома под железной крышей стояли, мотая головами, четыре лошади, рядом лежали привязанные жеребята. Дымилась кирпичная печурка. За домом находилась кошара — глинобитное здание под соломенной крышей, куда загоняют на ночь овец. Вот и весь стан. А вокруг — неровная линия горизонта да густой предвечерний простор. Мой товарищ пошарил взглядом по необъятной степи и воскликнул:

— Собака! Пасет!

Через несколько минут мы познакомимся с бригадой. Сидя на ковре, пили прохладный кумыс и задавали вопросы казаху-чабану, его супруге и молодому курчавому парню — их сыну. Витязя — так звали овчарку, — понятно, ни о чем не спрашивали, однако ее вид говорил сам за себя. Серый с палевым оттенком пес с черной блестящей шерстью на спине и боках лежал возле хозяина, примостив вытянутую голову на вытянутых лапах. Он поглядывал то на одного приезжего, то на другого, изредка шевеля красивыми стоячими ушами.

— Коня давали за него, — кивнул на пса хозяин.

— Какой шайтан конь, два, — вмешался в разговор парень.

— По-мол-чи! — сердито перебил его отец и что-то добавил злое по-казахски.

Сын густо покраснел и схватил пиалу. Наступило неловкое молчание. Я вспомнил недавний разговор с директором совхоза. Он долго отговаривал нас от поездки в эту бригаду: «не передовая». Но мы упорно твердили свое: хотим показать по телевидению единственную в области пастушью собаку.

— Да, овчарка что надо, — согласился директор.

Наконец, нашли соломоново решение: снимать крупным планом только собаку, а чабана показать вдаль (на общем плане) и фамилии его не называть. О причинах опального положения чабана директор ответил все так же дипломатично: «не передовик». Я молча пью кумыс и гадаю о случившемся. А кинооператор, не теряя времени зря, раскрыл фотоаппарат и, встав на колени, снимает Витязя. Тот невозмутимо лежит на ковре в прежней позе. Но хвост его подрагивает, уши напрягаются.

— Гей! — неожиданно восклицает хозяин.

Собака, словно разжавшаяся пружина, вскакивает на ноги и бросается к пасущейся недалеко отаре. Мы с удовольствием наблюдаем, как легкими покусываниями овчарка подгоняет от-

ставших овец. Сбив их поплотнее, замирает в позе легавой собаки, почуявшей дичь, вся устремленная в направлении движения отары.

Я не отрываю взгляда от живописной картины. Темная фигура высокой стройной овчарки словно выгравирована на золотистом диске заходящего солнца. Оно разливает по спинам белых овец сиреневые краски, и отара вдруг на глазах превращается в табун невиданных розовых животных.

Утром чабан запряг в телегу коня, и мы поехали в степь. За подводой тянулись два колесных следа, гася бисерные блестки росы на невысокой траве. Пахло полынью, дегтем. Мягкий утренний свет, казалось, падал не только сверху, но и снизу, с боков, отчего невзрачные днем кустики стали объемными и сами просились в объектив. Начались съемки киносюжета о пастушьей собаке.

...Великолепная чепрачная овчарка стоит в раздумье перед уходящей отарой. Но вот вдали показалась фигура всадника. Собака переводит взгляд с овец на чабана. Тот показывает кнутом направление. Пес несколькими прыжками догоняет отару и, беззлобно хватая овец за длинную шерсть, поворачивает их в нужную сторону.

Перекатываются по степи серые кудлатые волны. Две-три овцы зазевались, отстали. Пес стоит спокойно, только изредка подрагивает его полуопущенный хвост. Нечего зря гоняться за каждой овцой, надо беречь свои собачьи силы. И верно, через несколько минут отставшие животные сами догоняют своих сородичей. Но вот замешкалась уже целая группа, потянулась влево. Витязь стрелой мчится к своим подопечным, и они привычно шарахаются по направлению к стаду.

Когда начало припекать солнце, овчарка остановила овец, сбива их в плотный полукруг. Витязю тоже жарко, и он широко раскрывает пасть навстречу прохладному ветру.

Через некоторое время на той стороне отары возникает фигура чабана на лошади. Он что-то кричит, и пес снова бросается к овцам. Теперь он гонит их на водопой.

Небольшой прудик в нескольких рядах окружен овцами: задние ждут очереди. Витязь обегает все это живое кольцо, тычется между животными в надежде пробраться к воде. Но овцы стоят плотно. Тогда пес отбегаёт немного назад, вновь бегаёт вокруг кольца и в самом узком месте неожиданно прыгает и грузно плюхается в воду. Летят брызги. Овцы продолжают спокойно пить.

А Витязь, наслаждаясь прохладой, плавает и плавает до тех пор, пока не замечает непорядок на берегу. К водопою бежит изнуренный полуденным зноем табун лошадей. Пес затопил к берегу, одним прыжком вымахнул на

землю и помчался наперерез табуну. Залаял на косматого жеребца, который бежал впереди, прыгнул, кинул его за морду, и тот взвился на задние лапы. Лошади, налезая одна на другую, остановились. Пес ловко увернулся от копыт жоака и снова ухитрился куснуть его за морду. Жеребец заржал и нехотя потрусил в сторону от пруда. Витязь с лаем обегал табун и, когда все лошади поскакали за жоаком, вернулся к овцам.

Заклучили отснятую киноленту такие кадры: овцы лежат — отдыхают. А овчарка, полная сил, забавляется: катает лапами круглый камень, изредка поглядывая на своих подопечных.

Жаль, что мало у нас таких псов. Они очень нужны чабанам. Австралийские фермеры, например, считают, что одна хорошая собака заменяет шесть рабочих чабанской бригады. Четвероногие пастухи выполняют до восемнадцати команд и так выматываются на работе, что хозяева дают им в неделю два дня для отдыха.

Вечером за чаем я все-таки спросил хозяина, почему он сердит на сына и почему его бригада «не передовая». Чабан долго молчал, сопел в пиалу и, наконец, сказал коротко:

— Овец кончал... Собака спасал...

А произошло вот что. Вернувшись из армии, сын чабана снова пошел к отцу в помощники. Через несколько дней, убедившись, что парень не забыл чабанских обязанностей, отец оставил отару на его попечение и поехал с женой к заболевшему родственнику. И тут помощник оплошал. После раздачи в кошаре корма овцам он забыл закрыть кладовку. Овцы начали хватать дробленку, набивая желудки. Витязь почуял неладное и залаял. Парень, впервые имея дело с собакой (она появилась, когда он служил в армии), вышел на улицу, прогнал пса, не догадавшись заглянуть в кошару. Утром выпустил овец, и они с жадностью набросились на снег. Пшеница в их желудках разбухла, и через несколько часов погибло почти триста овец.

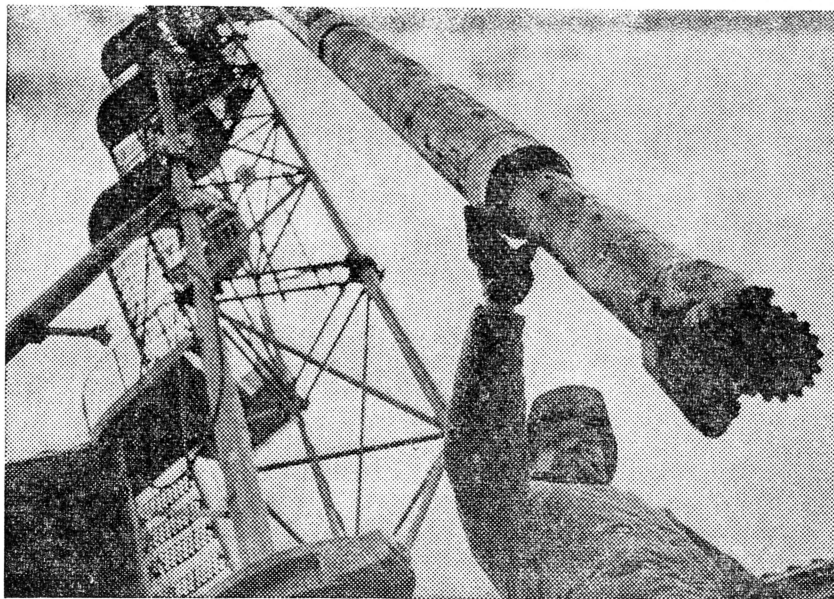
Чабану об этой истории рассказали еще на полпути домой. Он вошел в дом мрачнее тучи, сел у окна и долго смотрел в заснеженную степь. Жена и сын молча стояли возле нар, где дымился в котле обед.

— Был собака? — наконец спросил чабан.

— Выла, выла, — с готовностью ответил сын.

Чабан молча встал, взял с нар глубокую тарелку сына, доверху наполненную мясом, и вышел на улицу.

Турбобур-сороход

ТР-2Ш — турбобур шаровой шпindelный — так называется турбобур, разработанный сотрудниками Пермского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института буровой техники. Он выпускается на Кунгурском машиностроительном заводе. Скорость проходки нефтяных скважин увеличилась вдвое с применением этого нового инструмента.

Новый турбобур был опробован на Тюменских нефтепромыслах. Нефтяники Сибири по достоинству оценили его — кроме высокой скорости проходки шаровой шпindelный турбобур делает ровными стенки скважин, что имеет немаловажное значение.

На снимке: новый турбобур готовится к работе.

Фото А. Бабушкина

Воздух над городом

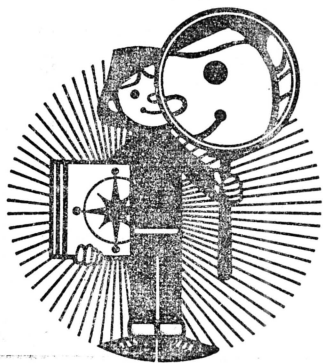
Какова атмосфера над крупным промышленным городом? Чем, в какой мере загрязняется воздух? Как его сделать чистым?

Для эксперимента выбрали Запорожье. С помощью новейшего оборудования и приборов ученые провели исследования и получили ответ на интересовавшие их вопросы.

В сутки в атмосферу Запорожья, как оказалось, выбрасывается 1,3 тысячи тонн газов и пыли. В основном это — угарный газ, окислы азота, сернистый газ. 17 процентов всех выбросов, или 221 тонна, — твердые частицы пыли.

М И Р

на лагони

Ночные зори Арктики

В Якутии их издавна называют юкагирскими огнями. Ученые определили это явление как северное, а позже — как полярное сияние. Но все эти названия не точны.

Свечение атмосферы на высоте около 100 километров наблюдать можно не только в двух узких кольцевых зонах вдоль сибирского побережья в СССР, но изредка и в Турции, Индии, Китае. Вызываемое вторжением в атмосферу Земли частиц из космоса полярное сияние разманичивает компасы, нарушает радио- и проводную связь, освещает ночью землю в пять раз ярче, чем свет от полной луны.

Радиация Солнца изменчива. Порывы солнечного ветра то утихают, то усиливаются, вызывая свечение атомов водорода, кислорода, азота верхних слоев воздушной оболочки планеты. Как показали наблюдения сотрудников Института космических исследований и аэронауки Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, в зависимости от уровня магнитной активности температура внутри полярного сияния колеблется от 2000 до 700 градусов по Кельвину.

Якутский институт — один из северных форпостов мировой геофизической науки. Его стационарные обсерватории и временные станции раскинулись от Норильска до Чукотки. Обсерватория в бухте Тикси — на особом счету. Это единственный район нашей планеты, где зимой наблюдаются периоды затишья в солнечной бомбардировке. Тогда появляется редкая возможность улавливать чистое корпускулярное космическое излучение в верхних слоях атмосферы.

Сопоставляя влияние солнечной радиации и космических лучей, исследователи подбирают ключи к объяснению формирования условий, в которых распространяются радиоволны.

Керосиновая долина

На Вилюе, в глухом таежном распадке, выступают темные пятна горючей жидкости. Это пахнущее керосином урочище открыл в 1932 году краевед П. Х. Староватов, тот самый, который еще в двадцатых годах сообщил первые сведения об якутских алмазах.

В верховьях Чыбыды из-под земли то и дело вырывается пар. Заинтересовавшись этим странным явлением, геологи установили,

что под землей бушует пожар. Горит липтобиолит — уголь, образовавшийся из стойких, трудно поддающихся разложению растительных остатков.

Пока не известно, что явилось причиной этого пожара, но ясно, что огонь и давление создали все условия для естественной перегонки угля. Природный нефтеперегонный «завод» и по сей день поставляет на поверхность керосин.

Горсть земли в океане

Осенью 1943 года Северному флоту был вручен подарок — подводная лодка «Челябинский комсомолец». Она была построена на средства, собранные молодежью области. Вместе с подлодкой морякам была преподнесена и горсть уральской земли. Принимал подарки ныне покойный адмирал Арсений Григорьевич Головкин, командовавший тогда Северным флотом. Это событие было запечатлено на киноплёнку.

Почти тридцать лет спустя капитан второго ранга в отставке, киносценарист Д. И. Миркин разыскал в Московском киноархиве эти кадры, и они были вмонтированы в документальный фильм Свердловской киностудии «Горсть земли в океане».

Когда в Свердловске гастролировал МХАТ, работники киностудии подарили народной артистке РСФСР Кире Николаевне Головкин — вдове адмирала — этот своеобразный киносувенир — копию кадров военных лет.

На снимке: 1943 год, на борту военного корабля адмирал А. Г. Головкин принимает от челябинских комсомольцев горсть уральской земли.

Уральская ваза

Марки с изображением выдающихся произведений мирового искусства выпускались у нас в стране в серии «Государственный Эрмитаж». Одна из них посвящена уральской уникальной малахитовой вазе.

В XVIII веке для украшения дворцов и церквей были основаны три гранильных фабрики — Петергофская, Кольванская и Екатеринбургская.

Из яшмы, орлеца, порфира, малахита и лазурита на них делались декоративные вазы, чаши, канделябры, столы.

В середине прошлого века особенно модным стал малахит. Красивый зеленый камень использовался для архитектурного убранства дворцов.

Известно, что на Урале находятся богатейшие в мире месторождения малахита. На Гумешевском руднике нередко находили глыбы весом до 1500 кг, а на руднике близ Нижнего Тагила был найден монолит весом в 25 тонн. Этот уникальный самородок был впоследствии использован на облицовку знаменитого Малахитового кабинета Зимнего дворца.

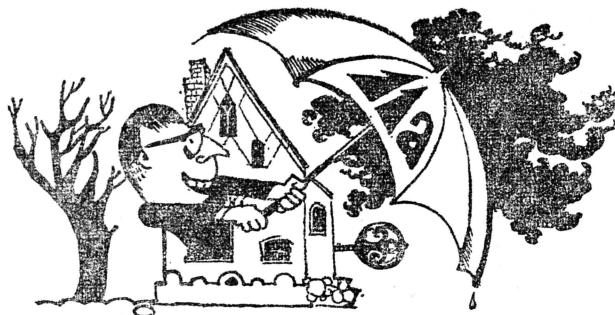

Особенно хороши изделия Екатеринбургской гранильной фабрики из малахита и лазурита, сделанные способом русской мозаики. Над рисунками декоративных ваз работали известные художники и архитекторы.

Заказ на четыре большие малахитовые вазы получил архитектор И. Гальберг, рисунки которого были пересланы на Екатеринбургскую фабрику. Одна из ваз выглядела классически строго и просто и была украшена ручками в виде змеиних хвостов. Внушительны размеры вазы. Высота ее — 1,83 м, диаметр 1,46 м, а вес 3200 кг. На марке и изображена эта уральская малахитовая ваза. При установке вазы в 1850 году в Эрмитаже пришлось вскрыть полы и сделать на сводах дополнительные укрепления.

Несчастливый номер

В дом мистера Батса, живущего в Дурхеме (Англия) на улице Ньютона, 13, ударила молния. Местные власти решили раз и навсегда избавить хозяина от неприятностей: дом мистера Батса носит теперь № 11-а.

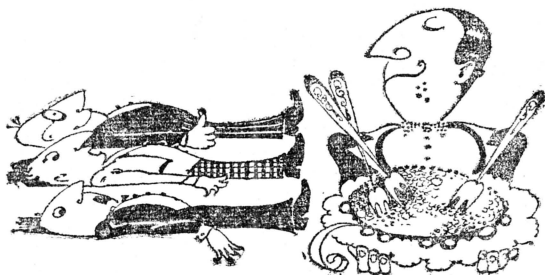
Огнетушитель для бородачей

Во Франции появился в продаже карманный огнетушитель. Его назначение — тушить пожары на лице: если вследствие неосторожного обращения со спичками займутся усы и борода.

«Дьявольское филе»

В Буэнос-Айресе состоялся международный конкурс гастрономов на самое вкусное и одновременно самое острое блюдо. Победителем конкурса оказался мексиканец Эдуардо Рамирес. После дегустации представленного им блюда, названного «Дьявольским филе», для трех членов жюри пришлось немедленно вызвать врачей.

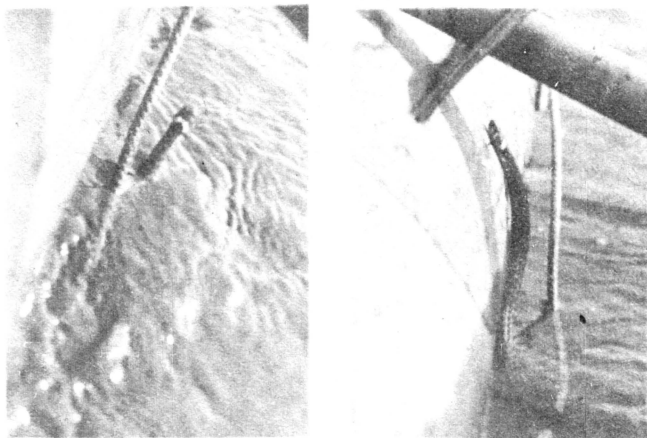

Ровесник города

Тополь был ровесником Свердловска — 250 лет рос он на улице имени Вайнера. Состарился за долгие годы, крона его поредела, только могучий ствол еще удивлял людей. И не на месте оказалось вдруг старое дерево, — где оно стояло, должна была пролечь теплотрасса... И старейшину городских тополей пришлось срубить. Но корню предстояла новая жизнь.

Свердловский художник Валентин Петрович Румынин решил сделать из старого дерева скульптуру. Осторожно экскаватор подкопал корень, чтобы не повредить его. Краном трехтонную глыбу погрузили на машину и отвезли к художнику. Не на квартиру, конечно, а за парк культуры, на полянку, к домику лесника. Здесь Валентин Петрович и валял из тополиного корня своего старика — «Ровесника города», как назвал его художник. Могучая сказочная скульптура — 1,7 м высотой и 2,5 м в диаметре у основания — экспонировалась на художественной выставке. А сейчас она, как экспонат краеведческого музея, выставлена в Зеленой Роще, стала достопримечательностью Свердловска.

Фото А. НАГИБИНА

Позирует уж

Мы плыли по озеру ранним летним утром. Недалеко показалась темная движущаяся полоска. Несколько взмахов весел — и наша надувная лодка оказалась метрах в пяти от змеи. Змея хвостом обвилась вокруг леера — капроновый шнур посередине провисал и уходил в воду, рывком приподнялась из воды сантиметров на тридцать и коснулась борта лодки. Видимо, решив, что на лодке она доберется до берега с большим комфортом, чем вплавь, змея переползла через борт.

На берегу, дав мне сделать последний снимок, уж — это был именно уж — покинул лодку, грациозно скользнув в расщелину камней.

Фото П. ДЕРКАЧА

Кто старейшина на земле?

История сохранила два имени — Тэпсе Абзиве и Томаса Карна.

Горянка из Осетии умерла 180 лет от роду. Англичанин прожил, согласно лондонским церковным книгам, 207 лет.

Ширали Мислимов из азербайджанского села Барзаву умер в 1973 году в возрасте 167 лет.

Геронтологи теряются в догадках — кого теперь именовать старейшим жителем планеты?

Свердловские львы

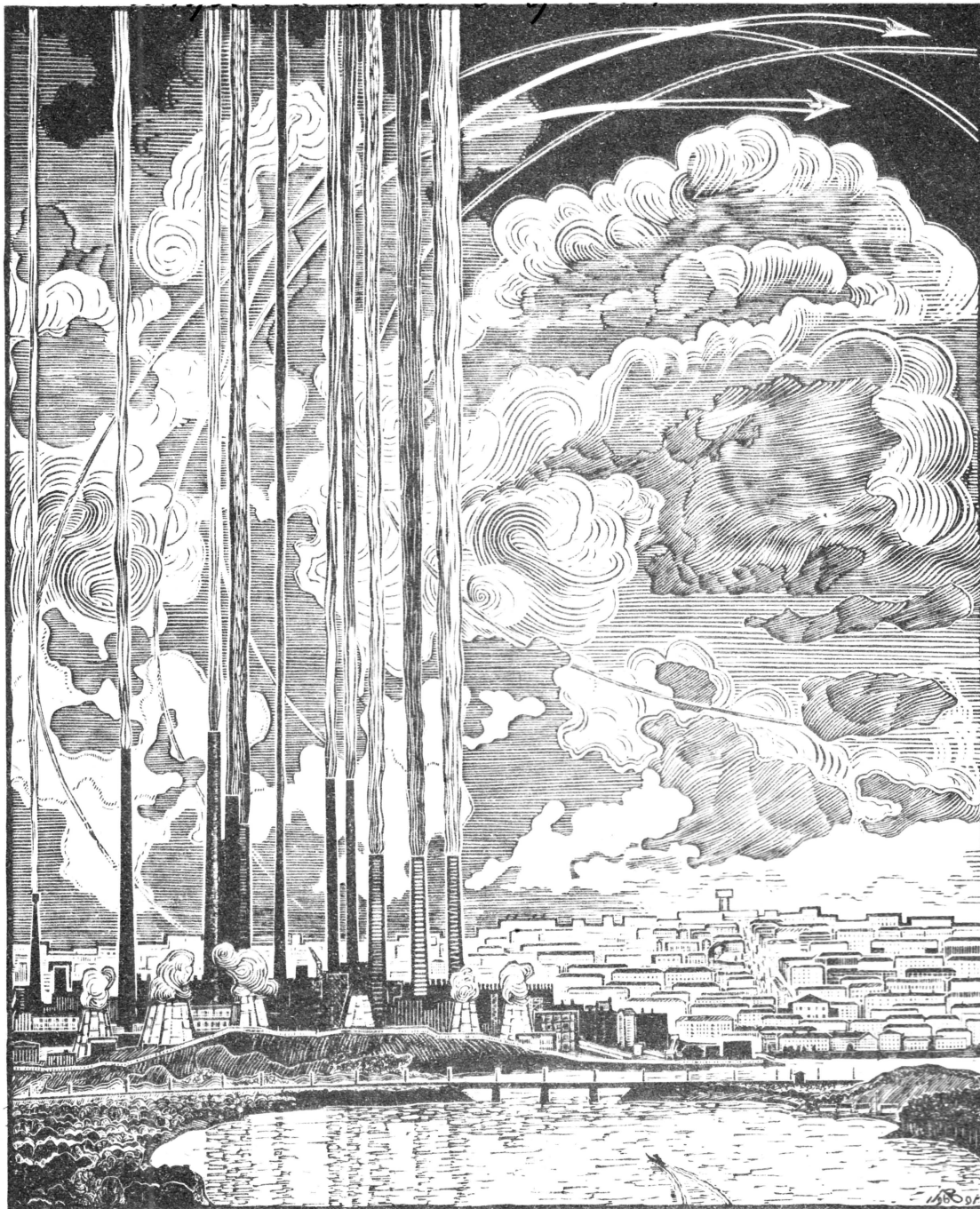
Свердловский зоопарк не назовешь одним из лучших на Урале. Это, скорее, зверинец — тесный, мало приспособленный для обитания в нем животных. Однако люди, ухаживающие здесь за животными, многое делают, чтобы четвероногие, пернатые и прочие дикие поселенцы чувствовали себя хорошо.

Свердловский зоопарк — питомник львов: они рождаются здесь почти ежегодно. Родоначальники большой уральской львиной семьи — Руслан и Людмила — уже отжили свой век, состарились и умерли. Их дочь Жанна теперь старшая. В минувшем году она принесла пятое потомство — Долю, Люду и Малыша.

Бывало, Жанна не баловала львят вниманием, их приходилось выкармливать в домашних условиях. А эту дружную тройку львица вскормила сама.

Бурая медведица Машка выкормила в клетке четыре потомства. Ежегодно прибывает семейство маралов, яков. Размножаются в Свердловском зоопарке павианы-гамадрилы, лисы, песцы, черные лебеди, горные гуси, павлины...

КРАСНОТУРЬИНСК. Из серии «ГОРОДА УРАЛА»

Лев ВЕЙБЕРТ (г. Свердловск)

...ОТРЯД ЛЕГИОНЕРОВ-НАЕМНИКОВ СТАЛКИВАЕТСЯ В АФРИКАНСКИХ ДЖУНГЛЯХ С... «ОБОРОТ-НЕМ». С ЧУДОМ, С УНИКАЛЬНЫМ ЯВЛЕНИЕМ, С НЕВЕДОМЫМ УЧЕНОМУ МИРУ ЖИВОТНЫМ ИЛИ РАСТЕНИЕМ. СТРАННОЕ СУЩЕСТВО ПЫТА-

ЕТСЯ ВЕРНУТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ УБИЙЦАМ ДАВНО ЗАБЫТЫЙ ИМИ НОРМАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОБЛИК...

Читайте в следующем номере фантастическую повесть Геннадия Пращкевича «Разворованное чудо».